

Аманда Стивенс

РЕСТАВРАТОР

КОРОЛЕВА КЛАДЕНИЦА КНИГА 1

Меня зовут Амелия Грей, я кладбищенский реставратор и вижу призраков. Для защиты от паразитической природы мертвецов я всегда придерживалась правил своего отца. Но теперь в моей жизни появился полицейский, преследуемый призраками, и все, включая правила, которые всегда меня оберегали, изменилось. Все началось с обезображенного трупа молодой женщины, найденного на старинном чарльстонском кладбище, где я работаю. Ниточки к убийце и его следующим жертвам скрыты в символах на надгробном камне, и только я одна могу их расшифровать. Детективу Девлину нужна моя помощь, но призраки, следуя за ним по пятам, вытягивают его тепло и энергию. Предупредить Девлина означает пригласить духов в мою жизнь, когда я поклялась держаться от них подальше. Но что делать, если притягательность этого мужчины становится все сильнее, а символы ведут все ближе к убийце и тонкой завесе, отделяющей наш мир от потустороннего.

Глава 1

Впервые я увидела призрака в девять лет.

Мы с отцом сгребали листья на кладбище, где папа работал смотрителем уже много лет. Стояла ранняя осень — ещё не слишком прохладная для свитера, — но в тот день стоило солнцу опуститься к горизонту, как в воздухе почувствовался заметный холодок. Лёгкий бриз донёс до меня запах горящего дерева и сосновых игл; поднялся ветер, и стая чёрных птиц взлетела с верхушек деревьев и, точно грозовая туча, заскользила в бледной синеве.

Я поднесла руку к глазам, любуясь полётом птиц. Когда же наконец опустила взгляд, то заметила вдалеке мужчину. Он стоял под поникшими ветвями дуба, зеленовато-золотистый свет, мерцающий в испанском мхе^[1], создавал вокруг него сверхъестественный ореол. Тень дерева скрывала незнакомца, и мне на секунду показалось, что это всего лишь мираж.

Но как только свечение исчезло, фигура стала отчётливей, и я даже смогла разглядеть лицо. Мужчина был стар, даже старше моего отца. Его седые волосы ниспадали на воротник пиджака, а взгляд, казалось, горел внутренним огнём.

Мой отец стоял, согнувшись над могилами, и методично счищал граблями лишние листья.

— Не смотри на него, — внезапно прошептал он.

Я удивлённо повернулась.

— Ты тоже его видишь?

— Да, вижу. А теперь возвращайся к работе.

— Но кто это?..

— Я сказал, не смотри на него!

Его резкий окрик застал меня врасплох. Я могу посчитать на пальцах одной руки, сколько раз папа поднимал на меня голос. И оттого, что он закричал на меня без всякого повода, на глаза мгновенно навернулись слезы. Неодобрение отца — единственное, чего я не выносила.

— Амелия.

В его голосе звучало сожаление, а голубые глаза переполняла жалость, — но это я

поняла лишь намного позднее.

— Прости, что так резок с тобой, но ты должна делать, как я велю, это очень важно. Не смотри на него, — повторил папа более ласковым тоном, — ни на кого из них.

— Он...

— Да.

Что-то холодное коснулось моей спины, и я смогла лишь потупить взгляд.

— Папа́, — прошептала я. Я всегда так его звала. Не знаю, почему ухватилась за столь старомодное прозвище, но оно ему шло. Отец всегда казался очень старым, хотя ему не было и пятидесяти. Сколько я себя помнила, его обветренное лицо испещряли морщины, напоминая потрескавшуюся грязь пересохшего русла ручья, а плечи сутулились от долгих лет работы над могилами.

Но, несмотря на плохую осанку, папа́ всегда держался с особым достоинством, а в его глазах и улыбке лучилась истинная доброта. Я любила своего отца всеми фибрами своей девятилетней души.

Он и мама были всем моим миром... до того дня.

Я заметила, как дёрнулось папино лицо и его глаза медленно и устало закрылись. Он отложил наши грабли и коснулся моего плеча.

— Давай немного передохнём.

Мы сели на землю спиной к призраку и стали любоваться, как с Низины^[2] наползает сумрак. Я не переставала дрожать даже при том, что угасающий свет все ещё согревал моё лицо.

— Кто он? — наконец прошептала я, не в силах больше сидеть в тишине.

— Не знаю.

— Почему на него нельзя смотреть? — И тогда я подумала, что ответ папа́ напугает меня больше, чем призрак.

— Ты не захочешь, чтобы он узнал о твоей способности.

— Почему? — Когда он не ответил, я подняла ветку и, проколов ею опавший лист, начала вращать между пальцами, точно вертушку. — Почему, папа́?

— Потому что больше всего на свете мёртвые хотят снова стать частью нашего мира. Они похожи на паразитов: охотятся за нашей энергией, питаются нашим теплом. Если они узнают, что ты их видишь, то пристанут, как чума. Ты никогда от них не избавишься. Твоя жизнь больше никогда не будет тебе принадлежать.

Не знаю, до конца ли я осознала его слова, но картина вечного преследования меня испугала.

— Их не все видят. А для таких, как мы, существуют определённые предосторожности, которые мы должны соблюдать, чтобы защитить себя и окружающих. Первое и самое важное: никогда не выдавай себя мертвецам. Не смотри на них, не говори с ними, не позволяй почувствовать свой страх. Даже когда они прикасаются к тебе.

По спине пробежал холодок.

— Они... прикасаются к нам?

— Иногда.

— И это можно почувствовать?

Папа́ сделал глубокий вдох.

— Да. Это можно почувствовать.

Я выбросила палку и, подтянув колени к груди, крепко их обхватила. Так или иначе,

даже в столь юном возрасте я умела внешне оставаться спокойной, хоть в глубине души леденела от ужаса.

— Второе правило, которое ты должна запомнить: никогда не уходи слишком далеко от священной земли.

— Священной земли?

— Древнейшая часть этого кладбища священна. Есть и другие места, где ты будешь в безопасности. Естественные места. Скоро инстинкт приведёт тебя к ним. Ты будешь знать, где и когда искать их.

Я попыталась переварить эту озадачивающую подробность, но в действительности не понимала слов отца, хоть и всегда знала, что старая часть кладбища — особенная.

Расположенное на склоне холма и охраняемое ветвистыми дубами, тенистое и прекрасное кладбище «Розовый холм» было самым безмятежным местом, которое я могла себе вообразить. Оно было закрыто для посещений уже многие годы, и иногда, когда я гуляла по нему в полном одиночестве между пышными зарослями папоротников и длинными занавесями серебристого мха, мне казалось, что покрытые трещинами ангелы — это древесные нимфы и феи, а я их повелительница, королева собственного кладбищенского королевства.

Голос отца вернул меня в реальность.

— Правило номер три. Держись подальше от тех, кого преследуют призраки. Если они найдут тебя, отворачивайся, поскольку они представляют собой ужасную угрозу и им нельзя доверять.

— Есть ещё правила? — спросила я, потому что не знала, что ещё можно сказать.

— Да, но мы поговорим об этом позже. Уже поздно. Лучше вернуться домой прежде, чем мама начнёт волноваться.

— Она их тоже видит?

— Нет. И ты не должна рассказывать ей о случившемся.

— Почему?

— Она не верит в привидений. Подумает, что ты воображаешь. Или сказки выдумываешь.

— Я никогда бы не солгала мамá!

— Знаю. Но произошедшее должно остаться нашей тайной. Когда вырастешь — всё поймёшь. А пока просто старайся следовать этим правилам, и всё будет хорошо. Сможешь?

— Да, папá.

Однако, даже дав обещание, я с трудом удерживалась от того, чтобы не посмотреть через плечо.

Поднялся ветер, и на душе стало холоднее. Как бы то ни было, мне удалось не обернуться, но я знала, что призрак подошёл ближе. Папá тоже это знал. Я почувствовала его напряжённость, когда он пробормотал:

— Больше не разговариваем. Просто помни, что я тебе сказал.

— Хорошо, папá.

Холодное дыхание призрака легонько коснулась моего затылка, и я задрожала. Это вышло само собой.

— Замёрзла? — спросил папá как ни в чем не бывало. — Ну, уж такие вечера в это время года. Лето не вечно.

Я ничего не сказала. Просто не могла. Руки призрака лежали на моих волосах. Он

поднял золотистые пряди, все ещё тёплые от солнца, и пропустил их сквозь пальцы.

Отец встал и потянул меня за собой. Призрак на мгновение отпрянул, а затем снова подплыл к нам.

— Лучше пойдём домой. Мама готовит на ужин креветочный суп.

Папá поднял грабли и положил на плечо.

— И кукурузный хлеб? — спросила я голосом чуть громче шёпота.

— Думаю, да. Пойдём. Давай срежем через старое кладбище. Хочу показать, что сделал на некоторых надгробиях. Я знаю, как сильно ты любишь ангелов.

Он взял меня за руку, успокаивающе сжал пальцы, и мы пошли через кладбище, преследуемые призраком.

К тому времени, как мы достигли старого участка, папá уже достал из кармана ключ. Он открыл замок, и массивные железные ворота тихо качнулись внутрь на хорошо смазанных петлях.

Мы вошли в тенистое прибежище, и страх тут же исчез. Новообретенная храбрость открыла меня. Я притворилась, что наступила на шнурок, и, наклонившись завязать его, осторожно покосилась на ворота. Призрак топтался снаружи. Очевидно, войти он не мог, и я не удержалась от самодовольной улыбки.

Однако стоило мне выпрямиться, как я увидела неодобрительный взгляд отца.

— Правило номер четыре, — серьёзно произнёс он. — Никогда не испытывай судьбу.

***

Воспоминание о детстве растаяло точно дымка, стоило официантке принести первое блюдо — суп с запечёнными зелёными помидорами, фирменное блюдо ресторана — и пекановый пирог^[3] на десерт. Полгода назад я переехала из Колумбии в Чарльстон, превратив его в свою базу, но ещё никогда не обедала в первоклассных ресторанах на побережье. Мой бюджет обычно не позволял столь изысканно ужинать, но сегодняшний вечер стал особенным.

Как только официантка открыла шампанское, я заметила её любопытный косой взгляд, но решила не обращать внимания.

Одиночество — ещё не повод лишать себя праздника.

Немного ранее я не спеша прогулялась вдоль Батарей^[4] и остановилась на самом краю полуострова, чтобы насладиться закатом. Город утопал в темно-красных лучах солнца позади меня, а впереди в расколоте небе смешались замысловатые узоры цвета розы, лаванды и золота. Закаты Южной Каролины всегда затрагивали особые струны в моей душе, но сейчас приближающиеся сумерки превращали всё в серость. Туман с моря напелзал и нависал над верхушками деревьев, точно серебряный балдахин. Сидя за столиком в ресторане, я наблюдала за призрачным вихрем, и мой восторг таял, как дым.

Сумрак — опасное время для таких, как я. Пограничное время, так же как побережье и край леса — пограничные места. Кельты называли их кеел'ать. «Тонкое» место, где барьер между нашим и потусторонним мирами превращается в хрупкую завесу.

Отвернувшись от окна, я глотнула шампанского, полная решимости не позволять вторгнувшемуся миру духов испортить мне праздник. В конце концов, мне не каждый день улыбается удача.

Моя работа обычно состоит из долгих часов ручного труда за скромную оплату. Я

реставратор кладбищ и путешествую по всему Югу: убираюсь на забытых и заброшенных кладбищах, восстанавливаю истёртые и сломанные надгробия. Это кропотливый, временами каторжный труд: огромным кладбищам требуются годы на полную реставрацию, поэтому моя профессия не даёт мгновенного удовлетворения. Но я люблю своё дело. Мы, южане, чтим своих предков, и я рада, что мои скромные старания хоть как-то позволяют современникам понять ушедшие поколения.

В свободное время я веду блог под названием «Раскапываю Могилы», где тафофилы — любители кладбищ — и другие люди со схожими интересами могут обменяться фотографиями, методами реставрации и даже случайными историями о призраках. Я завела блог как хобби, но за прошедшие несколько месяцев моя аудитория выросла до невиданных пределов.

Всё началось с реставрации старого кладбища в городке Самара на северо-востоке штата Джорджия. Самой свежей могиле было более века, а некоторые из самых ранних относились к временам до гражданской войны.

Кладбище было заброшено, так как в шестидесятых у местного исторического общества не осталось денег. Осевшие могилы заросли травой, надгробия почти уничтожила эрозия. Также здесь поработали вандалы, и сначала нужно было собрать и увезти весь мусор, скопившийся за почти сорок лет.

За долгое время запустения слухи о неупокоенных душах упорно не желали никуда деваться, и кое-кто из местных отказывался и шагу ступить за ворота. Хотя я и знала, что на самарском кладбище нет никаких привидений, найти постоянную помощь оказалось невозможно. В конце концов, большую часть работы я проделала в одиночку, но как только с уборкой было покончено, отношение местных жителей к этому месту кардинально изменилось. По их словам, с города словно спала тёмная пелена, а некоторые даже утверждали, что очищение было не только физическим, но и духовным.

Из Афин приехали репортёр и съёмочная группа, дабы взять у меня интервью, и, когда ролик попал в эфир, кто-то заметил на заднем плане расплывчатый человеческий силуэт. Казалось, он парил над кладбищем, возносясь к небу.

В этой аномалии не было ничего сверхъестественного, простая игра света, но десятки веб-сайтов о потустороннем разместили у себя это видео, и ролик стал вирусным. Тогда люди со всех континентов начали стекаться на мой блог, где я была известна под ником Королева кладбища. Трафик стал таким плотным, что продюсеры телевизионных программ об охотниках за привидениями начали просить меня поместить их рекламу на сайт.

И вот я потягивала шампанское и наслаждалась грибной тарталеткой в шикарном ресторане «Беседка у залива».

«В последнее время жизнь меня балует», — немного самодовольно подумала я и тут же увидела призрака.

Хуже всего, что он тоже меня увидел.

Глава 2

Я нечасто запоминаю лица существ, с которыми сталкиваюсь, но иногда испытываю чувство дежавю, словно мне доводилось пройти мимо них в прошлом. Мне повезло, что за мои двадцать семь лет я не теряла никого действительно близкого. Хотя нет, помню призрак учительницы из средней школы. Её звали мисс Комптон, и она погибла в автокатастрофе во

время праздничного уик-энда. Когда во вторник занятия возобновились, я задержалась поработать над проектом и столкнулась с её духом, что растерянно парил в полутёмном коридоре около моего шкафчика. Её возвращение в мир живых застало меня врасплох, потому что при жизни мисс Комптон была человеком скромным и непритязательным. Я не ожидала, что она вернётся алчным и прожорливым духом и будет жадно искать то, чем никогда снова не сможет обладать.

Каким-то невероятным образом мне удалось сохранить спокойствие и забрать рюкзак из шкафчика, но учительница последовала за мной по длинному коридору до главного входа. Её холодное дыхание щекотало мне шею, а ледяные руки хватали одежду. Прошло много времени, прежде чем воздух вокруг меня нагрелся, и я поняла, что призрак вернулся в небытие. После этого случая я всегда старалась уходить из школы до наступления сумерек, что означало никаких внеучебных мероприятий: ни спортивных соревнований, ни вечеринок, ни выпускного бала. Я не могла рисковать ещё одной встречей с мисс Комптон: слишком боялась, что она каким-то образом сможет уцепиться за меня, и моя жизнь никогда больше не будет прежней.

Я переключила внимание на призрак в ресторане. Я узнала его, хотя мы и не были лично знакомы. Просто его фотография красовалась на первой полосе газеты «Пост энд Курье» несколько недель тому назад. Его звали Линкольн Маккой, и этот видный чарльстонский бизнесмен однажды ночью зверски убил свою жену и детей, а затем прострелил себе голову, чтобы не сдать себя спецназу, который взял его дом в оцепление.

И хотя он появился передо мной совершенно неземным способом, на нем не было никакой печати зла, доказывающей, что это именно он сотворил такое с собой и своими родными. За исключением глаз. Тёмных, блестящих и одновременно ледяных. Стоило ему высмотреть меня через весь ресторан, как его призрачного лица коснулась тень улыбки.

Но вместо того чтобы вздрогнуть или отвернуться в испуге, я посмотрела прямо на Линкольна Маккоя. Он парил в ресторане позади пожилой пары, ожидающей свободного столика, и стоило духу впиться в меня взглядом, как я притворилась, что смотрю сквозь него, даже помахала воображаемому знакомому.

Призрак обернулся, но в тот самый момент официантка увидела мой жест и подняла палец, давая знать, что подойдёт ко мне через минуту. Я кивнула, улыбнулась и, подняв бокал шампанского, вернулась к созерцанию вида из окна. Я не обращала внимания на призрак, но ощутила его холодное присутствие минуту спустя, когда он прошёл мимо моего столика, всё ещё преследуя пожилую пару.

Интересно, почему он пристал именно к этим людям, и догадываются ли они хоть как-нибудь о его присутствии. Я хотела предупредить их, но не могла, иначе выдала бы себя с головой. А именно этого он и добивался. Отчаянно желал. Быть признанным живым, чтобы снова почувствовать себя частью нашего мира.

Я оплатила чек без дрожи в руках и покинула ресторан, ни разу не оглянувшись.

***

Выйдя на улицу, я позволила себе расслабиться и неспешно прошлась вдоль Белого сада^[5], не пытаясь как можно скорее добраться до убежища, моего дома. И хоть духи, которым удалось проскользнуть сквозь завесу в сумраке, уже разгуливают по земле, если я

сохраняю бдительность, пока солнце не сядет, мне не нужно прятаться от ледяных сквозняков и кружащих серых силуэтов.

Туман сгустился. Орудия гражданской войны и статуи в парке уже нельзя было различить с дорожки, а эстрада и дубы виднелись лишь расплывчатым силуэтом. Но я ощущала запах цветов, приторную смесь, которую я окрестила чарльстонским ароматом, — благоухание магнолий, гиацинта и конфедеративного жасмина^[6].

Где-то в темноте по бухте разнёсся туманный горн: это маяк высвечивал предупреждения грузовым судам, пересекающим узкий канал между островом и фортом Самтер^[7]. Я остановилась полюбоваться на огни гавани, и тут по спине пополз неприятный холодок. Кто-то стоял позади меня в тумане. Я отчётливо различала тихий, но безошибочный стук каблучков кожаных туфель со стороны волнолома.

Стук внезапно оборвался, и... затаив дыхание и дрожая, я обернулась. Долгое время ничего не происходило, и я уж было подумала, что это разыгралось моё воображение. Но затем из завесы тумана появился незнакомец, и у меня сжалось сердце.

Высокий, широкоплечий, одетый во всё чёрное, он словно вышел из страны грёз в детской сказке. Я едва могла различить черты его лица, но уже знала шестым чувством, что он прекрасен и задумчив. От его манеры держать себя и того, как он почти мучительно всматривался в туман, в мою спину впились ледяные иголки.

Он не был призраком и всё же представлял опасность, но одновременно так пленял, что я как зачарованная смотрела, как он идёт ко мне. Теперь я уже различала капельки воды, блестящие в его тёмных волосах, и отблеск серебряной цепочки, спрятанной под воротник чёрной рубашки.

За его спиной, прозрачные и едва различимые в тумане, парили два призрака: женщина и маленькая девочка. Они обе глядели на меня, но я натренированным взглядом смотрела только на мужчину.

— Амелия Грей?

— Да?

Мой блог стал настолько популярен, что иногда меня останавливали на улицах, узнав по фотографии на веб-сайте или по печально известному ролику о привидениях. Юг, особенно Чарльстонский округ, родина десятков заядлых тафофилов, но этот мужчина не показался мне фанатом или ревностным поклонником. Холодные глаза, отчуждённое поведение. Он искал меня не для того, чтобы поболтать о надгробиях.

— Меня зовут Джон Девлин, полиция Чарльстона, — сказал он, доставая свой бумажник и показывая удостоверение личности вместе со значком, которые я любезно разглядела, хотя моё сердце начало отбивать паническое стаккато.

Полицейский!

Не сулит ничего хорошего.

Должно быть, случилось нечто ужасное. Мои родители уже не молоды. А что, если они попали в аварию, заболели или...

подавив необоснованный страх, я спрятала ладони в карманы длинного непромокаемого пальто. Если бы что-то произошло с мамá и папá, мне бы уже позвонили. Дело не в них, а во мне.

Я ждала объяснений, а эти милые привидения кружили вокруг полицейского, словно оберегая его. Насколько я смогла рассмотреть лицо женщины, она выглядела изумительно красиво, высокие скулы и гордо раздутые ноздри указывали на креольское происхождение.

Из одежды на ней было красивое летнее платье, которое словно паутинка окутывало длинные стройные ноги.

Девочка выглядела годика на четыре-пять. Тёмные локоны скрывали бледное лицо, пока она кружила рядом с Девлином и время от времени тянулась к нему, чтобы ухватиться за ногу или хлопнуть по колену.

Он не замечал их присутствия, хотя его явно преследовали. Об этом свидетельствовали его глаза: веки почти смежились, словно их прокололи иглами. Я не могла не гадать, что могло связывать его с этими призраками.

Сфокусировала взгляд на лице детектива. Он тоже изучал меня, с таким подозрением и чувством собственного превосходства, что любой контакт с полицией, даже по столь же тривиальному поводу как штраф за нарушение правил парковки мог превратиться в настоящее испытание.

— Что вам нужно? — поинтересовалась я, хоть мне и не хотелось, чтобы вопрос прозвучал столь грубо. Я не конфликтный человек. Многие годы жизни с призраками свели на нет всю спонтанность, сделав меня чрезмерно дисциплинированной и замкнутой.

Девлин сделал шаг ближе, и я машинально сжала руки в карманах. По затылку побежал пот. Мне хотелось крикнуть, чтобы он сохранял дистанцию между нами, не подходил ближе. Но, конечно, я промолчала, мужественно терпя холодное дыхание его фантомов.

— Наша общая знакомая посоветовала мне обратиться к вам, — начал он.

— Кто именно?

— Камилла Эшби. Она подумала, что вы сможете мне помочь.

— С чем?

— С полицейским расследованием.

Теперь мне стало скорее любопытно, чем боязно... Дурацкое любопытство.

Доктор Камилла Эшби занимает руководящий пост в университете Эмерсон, элитном частном колледже с влиятельными выпускниками, среди которых встречаются самые известные адвокаты, судьи и бизнесмены Южной Каролины. Совсем недавно комиссия университета наняла меня на работу: восстановить старое кладбище, расположенное на территории кампуса. Одно из условий контракта с доктором Эшби состояло в том, что до окончания реставрации я не публикую никаких фотографий в своём блоге.

Я понимала её беспокойство. Плачевное состояние кладбища создаёт не самое хорошее впечатление об университете, который чтит традиции и мораль старого Юга. Как говорил Бенджамин Франклин: «Об уровне культуры можно судить по тому, как люди относятся к своим мертвецам». Не поспоришь.

Что я ещё пока не знала, так это почему она отправила Джона Девлина ко мне.

— Как я понимаю, вы работаете на кладбище «Дубовая роща»? — спросил он.

Я подавила дрожь.

«Дубовая роща» — одно из немногих кладбищ, вызывающих у меня такую тревогу, от которой кожа покрывается мурашками. Подобное ощущение я испытала лишь однажды, когда посетила небольшое кладбище в Канзасе, прозванное в народе вратами в ад.

Я поправила воротник, стараясь укрыть шею от ледяных колючек.

— К чему вы клоните?

Он не обратил внимания на мой вопрос и задал собственный:

— Когда в последний раз вы были на кладбище?

— Несколько дней назад.

— А конкретнее?

— В прошлую пятницу.

— Пять дней, — пробормотал он. — Вы уверены?

— Да, конечно. Той ночью разразилась настоящая буря, и с тех пор дожди идут не переставая. Жду, когда земля просохнет.

— Камилла... доктор Эшби обмолвилась, что вы фотографировали могилы. — Он подождал моего кивка. — Я хотел бы ознакомиться с этими фотографиями.

Что-то в его голосе, во всем тоне беседы заставляло меня уйти в глухую оборону. Возможно, виноваты его призраки.

— Вы можете сказать с какой целью? И я также хотела бы узнать, как вы нашли меня сегодня вечером.

— Вы упомянули о своих планах на ужин доктору Эшби.

— Я, быть может, и назвала ресторан, но не говорила, что прогуляюсь после ужина, потому что прогулка вышла спонтанной.

— Зовите это интуицией детектива.

Интуиция... или же он следил за мной с самой «Беседки»?

— У доктора Эшби есть мой номер. Почему вы просто не позвонили?

— Я пытался. Безрезультатно.

Ну, да, есть такое. Я выключила телефон на вечер. Однако ситуация мне совсем не нравилась. Джона Девлина преследуют призраки, и это автоматически делает его опасным человеком в моем мире.

К тому же он настойчив и наверняка смышлён, так что лучше избавиться от него поскорее.

— Почему бы вам не позвонить мне с утра? — предложила я живым, беззаботным тоном. — Уверена, дело терпит.

— Нет, боюсь, что нет. Нужно сделать это сегодня вечером.

Я задрожала от дурного предчувствия.

— Как зловеще звучит. Ну, вы такую деятельность развернули по моему поиску, поэтому, надеюсь, можете объяснить причину.

Он перевёл взгляд на темноту за моей спиной, и мне пришлось сопротивляться желанию обернуться.

— Дождь размыл тело в одной из старых могил на «Дубовой роще».

Старые кости часто вымывает из-за прогнивших гробов и выветриваемого грунта.

— Вы имеете в виду костные останки? — спросила я с некоторой долей деликатности.

— Нет, я имею в виду свежее тело. Жертву убийства, — прямо ответил он.

Его взгляд застыл на моем лице, пристально изучая, как будто Девлин пытался оценить мою реакцию.

Убийство. На кладбище, где работала только я одна.

— Именно поэтому вам нужны мои фотографии. Надеюсь, что они помогут точно определить, как долго тело пролежало в земле.

— Если повезёт.

Это я поняла и была только рада сотрудничать.

— Я использую цифровой фотоаппарат, но распечатываю большинство снимков. Снимки в увеличенном масштабе как раз у меня с собой, в портфеле, и если они вам позарез нужны, то пройдёмте к моему автомобилю. — Я кивнула в направлении, из которого мы оба

пришли. — Оставшуюся часть могу прислать по электронке, как только доберусь до дома.

— Спасибо. Это бы помогло следствию.

Я начала идти, и Девлин пошёл за мной следом.

— И ещё одно, — добавил он.

— Да?

— Уверен, что не мне объяснять вам кладбищенский протокол, но существуют определённые предосторожности, которые нужно соблюдать, имея дело с таким старинным кладбищем как «Дубовая роща». Нам бы не хотелось неосторожно осквернить место захоронения. Доктор Эшби обмолвилась о немаркированных могилах.

— Как вы сказали, это старое кладбище. Одна из секций — ещё со времён до гражданской войны. За такое долгое время довольно часто бывает, что надгробные камни были перенесены или попросту пропали.

— Как вы тогда определяете местонахождение могил?

— По-разному, в зависимости от затрат: по радиолокации, удельному электрическому сопротивлению, проводимости, магнитометрии. Предпочтение отдаётся методам дистанционного зондирования, потому что они бесконтактны. Как могилоходство.

— Могилоходство. Вроде лозоходства? — скептически спросил детектив.

— Да, принцип один. Используется Y-образный прут, иногда маятник, так определяется местоположение могилы. Метод был резко раскритикован в научных кругах, но верите ли вы или нет, я видела, он работает.

— Поверю вам на слово. — Он сделал паузу. — Доктор Эшби сказала, что вы закончили предварительную картографию, поэтому осмелюсь предположить, что вы уже определили местонахождение всех могил тем или иным способом.

— Доктор Эшби слишком оптимистично настроена. Мне ещё нужно провести множество дополнительных исследований, прежде чем я узнаю, где все покойники зарыты, так сказать.

Моя слабая игра слов не выдавила из него улыбки^[8].

— Но у вас должно же было сложиться общее представление.

Что-то в его голосе обеспокоило меня, и я остановилась посмотреть на него. Ранее я решила, что его тёмная привлекательность почти соответствует образу падшего ангела, но теперь детектив казался просто несговорчивым упрямым.

— У меня складывается такое впечатление, что вы попросите не только копию карты.

— Если во время эксгумации будет присутствовать опытный специалист, это сэкономит нам кучу времени и, возможно, уберёжёт от плохого пиара. Мы, конечно, оплатим ваше время.

— Раз вы имеете дело со старой могилой, то предлагаю вам связаться с государственным археологом. Её зовут Темпл Ли. Я раньше работала на неё. Вы окажетесь в хороших руках.

— На нас сильно давят, чтобы мы немедленно привезли специалиста из Колумбии, так что, как я уже говорил, дело не может ждать до утра. С той минуты, как нашли тело, тикают часики. Чем скорее мы установим личность жертвы, тем выше наши шансы на благоприятный исход дела. Кажется, доктор Эшби считает, что ваш послужной список умиротворит комитет.

— Комитет?

— Местных защитников, членов исторического общества, богатых выпускников... Если

мы сделаем что-нибудь не по процедуре, им хватит влияния, чтобы раздуть огромный скандал. Вы знаете кладбище, и вы знаете правила. Всё, что вам нужно сделать, так это удостовериться, что мы никому не наступим на пальцы, так сказать.

На сей раз я действительно увидела слабую улыбку.

— И всё?

— И всё. — Он посмотрел на воду. — Как только туман рассеется, может хлынуть дождь. Мы должны поскорее покончить с этим дельцем.

«Покончить с этим дельцем».

Фраза прозвучала зловеще.

— Как я уже сказал, вам заплатят.

— Дело не в этом.

Мне не нравилась идея придти на кладбище «Дубовая роща» после наступления темноты, но я не знала, как отказать. Несмотря на гражданский долг, сейчас мои финансовые ресурсы в руках Камиллы Эшби. В моих же интересах её осчастливить.

— Я едва ли одета по случаю, но если вы находите, что я могу оказать вам посильную помощь...

— Нахожу. Давайте заберём те фотографии и поедем на кладбище.

Он взял меня под локоток, как будто желая, чтобы я пошла вперёд, прежде чем смогу передумать.

Его прикосновение было по странному магнетическим. Оно то привлекало, то отталкивало меня. Я отстранилась и, неожиданно вспомнив третье правило своего отца, тихо повторила его как мантру:

Держись подальше от тех, кого преследуют призраки.

Держись подальше от тех, кого преследуют призраки.

— За рулём буду я, если не возражаете.

Он бросил на меня косой взгляд.

— Как хотите. Решайте сами.

Мы молча шли по дорожке через туман, а огни из особняков на Восток-Бэй подсвечивали парящего между нами призрачного ребёнка. Я боялась к ней прикоснуться. Внезапно её холодная кисть легла мне на ногу... Осторожнее, ни в коем случае не смотри вниз.

Женщина тянулась позади. Странно, но, казалось, в этой паре доминирует именно девочка, и мне снова стало интересно, какие отношения связывают их с Девлином.

Сколько времени они его преследовали? Он не догадывается об их присутствии? Не замечает резкого похолодания, скачков напряжения, необъяснимых шумов посреди ночи?

Он понимает, что его энергия медленно иссушается?

Слабое излучение тепла от его тела непреодолимо влечёт привидений. Даже я частично уязвима.

Когда мы вышли к чернеющему сквозь туман уличному фонарю, я бросила ещё один взгляд. Казалось, свет отвергал призраков, и когда они уплыли подальше, я мельком увидела — всего лишь отблеск — прежнего Джона Девлина.

Он поднял голову, не замечая меня точно так же, как не замечал привидений. Я подумала поначалу, что он вслушивается в отдалённый гул туманного горна, но затем поняла, что звук, привлёкший его внимание, раздаётся намного ближе.

Автомобильная сигнализация!

— Где вы припарковались? — спросил Девлин.

— Вон... там, — я указала в направлении звука.

Мы поспешили к мокрой автостоянке, бросились мимо ряда автомобилей, и я с тревогой всмотрелась вперёд, примечая свой освещённый сигнализацией серебристый внедорожник, точно там, где я его оставила. Задняя дверца была приоткрыта, выбитое стекло искрилось на влажном тротуаре.

— Моя машина!

Я кинулась вперёд.

Девлин поймал меня за руку.

— Пойдите...

Неподалёку взревел мотор.

— Ждите здесь! И ни к чему не прикасайтесь.

Девлин крадучись пробрался мимо блестящих машин, свернул за угол... и я потеряла его в тумане, звук шагов стих.

Я подошла к открытой дверце своего внедорожника и заглянула внутрь. К счастью, ноутбук и камеру я оставила дома, а бумажник и телефон у меня с собой. Кажется, исчез лишь один портфель.

Шум двигателя стал громче. Я обернулась, и тут из-за угла вынырнул чёрный автомобиль. Свет ударил мне по глазам. Я застыла на долю секунды. Выброс адреналина, и я прыгнула в просвет между своим внедорожником и соседней машиной. Чёрный автомобиль проехал мимо.

Как только я поднялась с тротуара, из тумана появился Девлин.

— Вы целы? Вас не задело? — с тревогой спросил он, но его тёмные глаза горели охотничьим блеском.

— Нет, всё нормально. Отделалась лишь испугом...

Девлин уже бежал по парковке в бесполезном усилии помешать преступнику скрыться. Раздался вой мотора и визг шин. Водитель нажал на педаль акселератора и резко свернул на улицу.

Из-за игры воображения и нервов я почти ожидала услышать выстрелы, но всё погрузилось в тишину, как только стих гул двигателя.

Девлин нёсся ко мне, прижимая к уху телефон. Он что-то быстро сказал, выслушал ответ и повесил трубку.

— Вы рассмотрели водителя? — спросил он.

— Нет, простите. Всё произошло слишком быстро. А вы?

— Я не смог близко подобраться. Даже номеров не разглядел.

— Значит, вы не в состоянии его разыскать? И мне придётся оплачивать ремонт из собственного кармана.

Я бросила несчастный взгляд на разбитое окно.

Девлин странно на меня посмотрел и повернулся к машине.

— Что-нибудь пропало?

— Портфель исчез.

— Он лежал на заднем сидении?

— Да.

— На видном месте?

— Не совсем. Позади сидения. Нужно всмотреться в окно, чтобы заметить.

— Кто-нибудь видел, как вы оставили его там?

Я минуту поразмышляла над ответом и пожалала плечами.

— Возможно. Я весь день провела в университетской библиотеке. Может быть, кто-нибудь и видел, как я бросила портфель за сидение, когда уезжала.

— Вы приехали прямо сюда?

— Нет. Сначала я вернулась домой, чтобы принять душ и переодеться.

— Вы брали портфель с собой?

— Оставила в машине. Я не всегда заносу его в дом. В нём нет ничего ценного. Только связанные с работой материалы.

— Вроде фотографий «Дубовой рощи»?

Честно говоря, об этом я ещё не подумала.

Наверное, моя реакция на внешний мир сильно заторможена в силу профессии и склонностей.

— Думаете, это может быть связано с обнаруженным на кладбище трупом?

Он не ответил.

— Вы упомянули, что у вас есть ещё копии?

— Конечно. Я всегда храню цифровые изображения онлайн. Жёсткий диск ломается слишком часто, поэтому я ничего не оставляю на волю случая.

В этот момент на меня нахлынул шок. Теперь моё беспокойство почти не имело никакого отношения к призракам Джона Девлина. Я больше их не видела. Словно отрицательная энергия, окружившая мой автомобиль, загнала их глубже в тень или, быть может, они ушли за завесу. Как бы то ни было, я знала, что они вернуться. Тепло Девлина привлечёт их обратно, они не могут долгое время существовать без него.

Я обняла себя и задрожала.

— Что мне делать?

— Мы перешлём вам полицейский отчёт, и вы сможете подать заявление в страховую компанию.

— Нет, то есть... если произошедшее каким-то образом связано с убийством, то убийца знает, кто я. И если он постарался заполучить эти снимки, то достаточно скоро выяснит, что у меня есть копии.

— Тогда мы должны разыскать его первыми, — ответил на это Джон Девлин.

Глава 3

Двадцать минут спустя мы с Девлином прошли через ворота «Дубовой рощи». Даже в лучшем виде кладбище производило жутковатый эффект. Старое, тёмное, пышное и готическое. Расположенное типично для кладбища-парка^[9] девятнадцатого века, когда-то это место должно было выглядеть милым и пасторальным. Но теперь под сокрытой тучами луной у испещрённых трещинами скульптур с зелёным налётом мне чудилось чьё-то потаённое присутствие, холодное, сырое и древнее.

Я повернулась и вгляделась в темноту, ища призрачную фигуру в тумане, но на кладбище «Дубовая роща» призраки не ходили. Даже мёртвые не хотели здесь находиться.

— Высматриваете кого-то? — поинтересовался Джон Девлин.

Я старалась не глядеть в его сторону. Излучаемый им магнетизм был осязаем. Странно, но мне показалось, что притяжение между нами лишь усилилось, как только мы прошли

через кладбищенские ворота.

— Что, извините?

— Вы всё время оборачиваетесь. Высматриваете кого-то?

— Привидений, — сказала я и стала ждать его реакции.

Но Девлин лишь полез в карман жакета и вытащил маленький синий флакончик.

— Вот.

— Что это?

— Эвкалиптовое масло. Не обещаю, что отгонит злых духов, но запах точно отобьёт.

Я уже собиралась сказать ему, что не намереваюсь подходить так близко к трупу и не должна волноваться о маскировке запаха, как в нос ударил какой-то зловонный, мерзкий оттенок, перемешанный с землистым ароматом папоротников и диких гиацинтов, росших на соседних могилах.

— Ну же, — сказал Девлин. — Возьмите.

Я натёрла восковой полоской палец и нанесла бальзам на верхнюю губу. Лечебный эфир обжог ноздри и сжал горло. Я прижала руку к груди и закашлялась.

— Сильный.

— Вы будете радоваться этому приблизительно минуты через две. — Девлин убрал флакончик в карман, даже не воспользовавшись им. — Готовы?

— Не особо, но, как я понимаю, пути назад нет?

— Не говорите так фаталистично. Ваше участие в этом деле скоро закончится.

Я рассчитывала на такой расклад.

Девлин отвернулся, не добавив ни слова, и я последовала за ним в лабиринт надгробных плит и памятников. Каменные ступеньки, обозначавшие дорогу, были скользкими из-за мха и лишайника. Я тащилась за Девлином, внимательно смотря под ноги. Туфли в грязи, обнажённые голени искусаны крапивой — одета я явно не для подобной прогулки.

Гул голосов стал громче, и вдоль тропинок замелькал свет фонариков. Сцена выглядела жуткой и ирреальной и напоминала мне о временах, когда тела хоронили при лунном свете и жаре могильного фонаря.

Впереди, вокруг того, что я приняла за выкопанную жертву, собралась небольшая группа полицейских в униформе и штатском. Место преступления было не разглядеть, но я запомнила силуэт надгробного камня и осмотрела окружающие памятники, чтобы позже точно определить местоположение могилы на карте.

Один из полицейских сдвинулся, и я мельком заметила бледную кожу и молочно-белые глаза. На меня накатила волна тошноты. Я отпрянула на дрожащих ногах. Одно дело слышать об убийстве, а другое — столкнуться с его ужасными последствиями.

Я провела большую часть жизни на кладбищах — моих королевствах. Каждое представляло спокойный, защищённый мир, где хаос города словно предали анафеме. Однако сегодня вечером, сея разрушения, реальность прорвалась через ворота.

Едва переведя дух, я стояла и жалела, что проболталась доктору Эшби о своих планах на ужин, потому что тогда Девлин не смог бы меня отыскать. Я не узнала бы об убийстве, не посмотрела бы в те остекленевшие глаза.

Как бы то ни было, я вовлечена в это дело с того момента, как выкрали мой портфель. По пути на кладбище мне удалось убедить себя, что кража случайна. Кто-то увидел сумку через заднее окно машины и неожиданно решил её забрать. Теперь, посмотрев на тело, я начала бояться худшего. Если убийце угрожало что-то попавшее на одну из фотографий, то

он может действовать, руководствуясь инстинктом самосохранения. А если он попытается ворваться в мой дом, чтобы добраться до камеры и компьютера? До меня?

Плотнее укутавшись в плащ, я смотрела, как Девлин подходит к группе, столпившейся вокруг тела. Даже в бедственном состоянии меня не могли не заинтересовать его отношения с коллегами. Девлину выказывали уважение, даже почтение, но я также ощущала в воздухе беспокойство. Другие полицейские держались от него на расстоянии, и это меня интриговало. Ясно, что Девлин здесь главный и находится в своей стихии. Я сочла сложившееся противоречие пленительным: он выглядел таким бодрым и деятельным на фоне насильственной смерти...

Или, возможно, дело в том, что призраки не последовали с нами за ворота.

Я отвернулась, позволив взгляду блуждать по тёмному некрополю, на секунду задерживаясь на сломанных скульптурах и разрушенных склепах. Если большинство кладбищ предлагали успокоение и побуждали провести многие часы в глубокой медитации и самоанализе, то «Дубовая роща» настраивала на мрачный лад.

Отец когда-то сказал мне, что место не обязательно должно быть населено духами усопших, чтобы стать обителью зла. Я верила ему, потому что папá разбирался в подобном. Пока я росла, он передал мне большую часть своих знаний, но также кое-что утаил. Уверена, только ради моей пользы, но эти тайны вбили клин недопонимания между нами, хотя раньше мы ничего не скрывали друг от друга. Первый увиденный мною призрак изменил нас обоих. Папá сильнее ушёл в собственный внутренний мир, но также стал ещё яростнее меня оберегать. Он был моим краеугольным камнем, якорем, единственным, кто понимал моё одиночество.

После того случая я никогда снова не видела старого мужчину с белыми волосами, но явились другие. Легионы прекрасных блуждающих фантомов. Молодых, старых, чёрных и белых — все они прошли сквозь завесу в сумраке. Изысканная демонстрация истории Юга, одновременно волнительная и пугающая.

Через какое-то время визиты духов просто стали частью моего мира, и я научилась терпеть морозное дыхание на затылке и ледяные пальцы, ощупывающие волосы и руки. Папá был прав, обучая и дисциплинируя меня, но, даже приняв ситуацию, я не получила должного объяснения. Я всё ещё не понимала, почему мы видим призраков, а мамá — нет.

— Это наш крест, — сказал отец как-то над могилой, отведя взгляд.

Такой ответ меня не удовлетворил.

— Моя настоящая мать может их видеть?

Папá всё ещё не поднимал глаз.

— Женщина, воспитавшая тебя, и есть твоя настоящая мама.

— Ты же знаешь, о чём я.

Мы никогда не говорили о моем удочерении даже при том, что я уже давно знала об этом. Меня также переполняли вопросы по этому поводу, но я научилась держать их при себе.

Папá уже был готов закончить беседу, поэтому я вернулась к теме призраков.

— Почему они хотят тронуть нас?

— Я же говорил. Они желают заполучить наше тепло.

— Но почему? — Я машинально сорвала одинокий одуванчик и развеяла семена по ветру. — Почему, папá?

— Думай о них как о вампирах, — сказал он, измученно вздохнув. — Вместо крови они

высасывают наше тепло, энергию, иногда даже желание жить и оставляют за собой лишь ходячую дышащую оболочку.

Из всего объяснения я ухватила за одно более-менее понятное слово, хотя частично понимала, что отец говорил в переносном значении.

— Но, папа, вампиров не существует.

— Возможно, не существует. — Папа качнулся на каблуках; взгляд стал обеспокоенным и рассеянным, что испугало меня до дрожи. — Но в своё время я видел такое... чудовищные надругательства...

Мой испуганный вздох вырвал его из угрюмой задумчивости. Он взял меня за руку и успокаивающе сжал пальцы.

— Тебе незачем волноваться, милая. Тебе нечего бояться, пока ты соблюдаешь правила.

Однако его слова меня не успокоили.

— Обещаешь?

Он кивнул, но быстро отвернулся. Измученное заботами лицо омрачили секреты...

***

Все эти годы я верно следовала правилам отца. Мои движения отлично выверены, а эмоции всегда под контролем, и, наверное, именно поэтому я сочла свою реакцию на Джона Девлина такой тревожащей.

Девлин подошёл ко мне и, должно быть, окликнул по имени, но я настолько ушла в собственные мысли, что не услышала. Когда он положил руку мне на плечо, чтобы привлечь внимание, у меня волосы встали дыбом, словно после удара током. Я машинально отпрянула.

Такая реакция озадачила детектива.

— Простите. Я не хотел вас напугать.

— Нет, всё в порядке. Просто...

— Дело в этом месте? Да, кладбище жуткое. Но всё же я считал, что вы привыкли к подобному.

— Не все кладбища такие. Большинство из них прекрасно.

— Вам видней.

Что-то в его тоне — холодном, прерывисто вкрадчивом — заставило меня задуматься о его призраках. Я снова задалась вопросом, кто они и кем приходились ему при жизни.

Девлин всё ещё с любопытством изучал меня. По каким-то причинам раньше я не замечала разницу в нашем росте, но теперь детектив, казалось, нависал надо мной.

— Вы уверены, что с вами всё в порядке? — побеспокоился он.

— Наверное, я всё ещё не пришла в себя после пережитого. А теперь вот ещё и это.

Не отрывая взгляда от детектива, я подбородком указала на труп. Я не хотела смотреть на жертву. Не хотела когда-нибудь столкнуться с беспокойным алчным призраком, прошедшим через завесу, и понимать, что уже видела его лицо.

— Я веду однообразную жизнь, — сказала я без иронии. — Не думаю, что создана для такого.

— В мире существует множество вещей, которых стоит бояться, и мёртвое тело не входит в их число.

«Говорит как человек, знающий толк в фобиях», — подумала я с дрожью.

Его голос звучал так любезно, что наводил на размышления о мрачном и пугал до мурашек.

— Не сомневаюсь, вы правы, — пробормотала я, всматриваясь в туман и спрашивая себя, могли ли его призраки в конце концов проскользнуть сквозь ворота. Это объяснило бы окружавшее его неестественное статическое электричество и дурное предчувствие, которое терзало меня, стоило Девлину встать рядом.

Но нет. В темноте ничего не было.

Только не на этом кладбище.

Я чувствовала, как отрицательная энергия цепляется за меня, точно корни плюща, спрятавшиеся в трещинах и щелях мавзолеев, как кудзу^[10], плотно обвившие стволы деревьев, как медленно стремящиеся к величию великовозрастные дубы, в честь которых кладбище и получило своё название. Интересно, чувствует ли Девлин то же самое.

Он наклонил голову, и лунный свет омыл его лицо, смягчая измождённые черты и предоставляя мне ещё один дразнящий шанс полюбоваться на человека, которым Девлин когда-то был. Я различала пелену тумана в его волосах и на кончиках ресниц. Высокие и рельефные скулы, густые совершенно симметричные брови и нос с горбинкой. Глаза тёмные, но я не видела их на свету, чтобы сейчас определить истинный цвет.

Девлин — красивый, обаятельный и крайне собранный человек, заинтриговавший меня почти столь же сильно, как и встревоживший. Не могу на него долго смотреть, не слыша в голове эхо третьего правила моего отца:

Держись подальше от тех, кого преследуют призраки.

Я втянула в лёгкие сырой воздух и попыталась избавиться от странных чар детектива.

— Вы узнали что-нибудь о жертве? — Мой голос прозвучал неуверенно даже для собственных ушей, и мне стало интересно, обратит ли Девлин внимание на моё волнение. Он же, вероятно, привык, что людям становится неуютно в его присутствии. В конце концов, он полицейский. Детектив с очень сложным прошлым, как я уже начала подозревать.

— Мы так и не установили её личность, если вы спрашиваете именно об этом.

Значит, убили женщину.

— Вы знаете, как она умерла?

Он выдержал паузу и посмотрел куда-то вдаль:

— Мы не будем знать наверняка до окончания вскрытия.

Дело не в том, что он сказал, а в том, о чём умолчал. И то, как избегал встретиться со мной взглядом. Что он от меня скрывает? Какие ужасы сотворили с несчастной?

И затем я подумала обо всех часах, которые провела в одиночестве на этом кладбище. А если убийца ходил рядом?

Как будто читая мои мысли, Девлин ответил:

— Я мало что могу вам рассказать. Её убили не здесь. Тело перенесли.

Это должно меня успокоить?

— Интересно, почему именно сюда?

Он пожал плечами.

— Место подходящее. Кладбище заброшено уже много лет, и земля под старыми могилами мягкая. Легко рыть. После остаётся только накрыть тело опавшими листьями и мусором, и случайный наблюдатель даже не заметит, что почва была разрыта.

— Но затем пошёл дождь.

Его взгляд вернулся ко мне.

— Дождь и ваше появление. Даже если бы грязь не смыло, скорее всего, очистив могилу, вы бы заметили свежую землю.

Назовите меня трусихой, но я рада, что события не пошли по такому сценарию.

— Кто нашёл тело?

— Парочка студентов захотела устроить небольшую частную вечеринку и перелезла через забор. Ребята увидели выступившую из земли голову и туловище и сообщили о находке охране кампуса. Доктор Эшби вызвала полицию и встретила нас у ворот, чтобы впустить. — Его голос слегка изменился. — Она упомянула, что у вас тоже есть ключ.

Я кивнула.

— Она дала мне дубликат, когда мы подписали контракт.

— Вы никому не одалживали ключ в последние несколько дней? Не теряли? Ничего такого?

— Нет, конечно, нет. — Я с тревогой посмотрела на Девлина. — Вы же не думаете, что убийца использовал мой ключ, чтобы открыть ворота?

— Я просто задаю вам те же самые вопросы, что и Камилле Эшби. Замок не выглядит взломанным, поэтому самый логичный вывод состоит в том, что убийца использовал ключ.

— Возможно, он не пользовался воротами. Может, он перелез через забор, как те ребяташки.

Девлин огляделся.

— Стены десять, может, двенадцать футов высотой, в виноградных лозах и шиповнике. Одно дело подняться с бутылкой виски или блоком пива. Перетащить тело... не так-то легко.

— У него мог быть сообщник.

— Давайте надеяться, что нет, — сказал Девлин, и что-то тёмное и пугающее промелькнуло в этих словах.

Любопытно, какая мысль пронеслась в его голове в тот момент. Он показался мне основательным человеком, скрупулёзным и дотошным, что камня на камне не оставит, пока не найдёт все ответы.

И я снова задумалась о его призраках...

Они возвращаются из-за него?

Несмотря на то, что отец рассказывал мне о паразитической природе духов, я убедилась, что некоторые призраки действительно задерживаются в нашем мире из-за неоконченного дела, своего ли или невольного хозяина. Но от этого они не менее опасны для таких, как я. Напротив, эти духи волновали меня больше всего, ведь они часто пребывают в отчаянии или сбиты с толку, а иногда очень, очень сердиты.

Мы замолчали, затихла ночь. Туман приглушил голоса команды криминалистов, когда они обсуждали свою зловещую работу.

Я уже хотела спросить Девлина, сколько ещё времени ему понадобится моя помощь, но тут подошёл другой полицейский, и Девлин повернулся переговорить с ним на достаточно низких тонах, чтобы я не смогла расслышать. Мне бы не хотелось, чтобы они подумали, будто я пытаюсь подслушать, так что я отошла в сторону и вернулась к молчаливому созерцанию.

Никто не обращал на меня внимания, и через некоторое время я решила, что, наверное, могу просто уехать, и никто даже не заметит. Идея выглядела очень соблазнительной. Я

хотела просто оказаться дома, живой и невредимой, в моем личном убежище, но пришлось сопротивляться этому порыву. Нельзя вот так уйти после того, как я дала Девлину своё слово. Я — южанка, воспитанная матерью-южанкой. Долг и обязательство глубоко укоренились в моей душе наряду с потребностью нравиться людям.

Как и папа, моя мама обучила меня определённому своду правил, который я, по её ожиданиям, буду соблюдать всю свою жизнь. От более несерьёзных указаний я давно отказалась: больше не гладила вручную постельное бельё и не всегда пользовалась скатертью, когда обедала в одиночестве. Но, возвращаясь к данному слову... нарушу я его только под страхом смертной казни.

Волосы на затылке предупредительно встали дыбом, как только за моей спиной зашевелился воздух. Я поняла, что Девлин снова подошёл сзади, и повернулась прежде, чем он успел меня тронуть.

— Коронёр закончил, — сказал он. — Скоро мы увезём тело. После этого можете быть свободны. Мы мало что можем сделать без дневного освещения.

— Спасибо.

— Я сообщу, на какой адрес отправить счёт.

— Меня не волнуют деньги.

— Почему? Сегодня вечером вы их заработали. И всё же, один момент. Когда об убийстве станет известно, в университет нагрянут репортёры, жаждущие сенсационных заявлений. Если вас упомянут в качестве консультанта, то журналисты, скорее всего, захотят взять интервью. Буду премного благодарен, если вы не будете ни с кем делиться информацией без предварительного разрешения.

— Конечно.

Я не намеревалась обсуждать с прессой ужасную находку в «Дубовой роще». Хочу лишь вернуться домой, заползти в кровать и оставить эту ночь в прошлом.

Однако приятному финалу не суждено было случиться. Всё в моем мире собиралось измениться навсегда... включая правила моего отца.

Глава 4

Моё жилище на Рутледж-авеню пропитано духом Чарльстона — это узкий двухэтажный дом, обшитый вагонкой, с верхней и нижней верандой и палисадником, окружённым забором из кованого железа.

Но для меня важнее всего, что это одно из тех мест, которые отец давным-давно научил меня искать. Здесь никогда не появится призрак. Это убежище, безопасная зона, священная земля, хотя я понятия не имею почему. За все шесть месяцев, которые я прожила в этом доме, мне так и не удалось раскопать большую часть его истории, я лишь узнала, что он был построен в 1950 году после того, как снесли оригинальное здание.

В 90-ых собственник установил центральное отопление и кондиционер и разделил дом на две квартиры. С обеих половинок можно попасть в подвал с низким потолком, земляным полом, кирпичными стенами и потрескавшейся известью (единственную сохранившуюся до наших дней часть первоначального строения) и в старинный сад на заднем дворе, где особенно приятно пахло по вечерам, когда на восточной стороне дома раскрывалась Королева ночи^[11].

На верхнем этаже живёт студент-медик по имени Мейкон Доуз. Я мало что о нём знаю.

Наши пути редко пересекаются. Он работает в сумасшедшем графике, и я часто слышу, как он приходит и уходит в совершенно разное время дня и ночи.

Вернувшись домой, я надеялась увидеть свет в одном из его окон и старенькую «хонду цивик», припаркованную на обычном месте. Мы с соседом даже не перешли на «ты», но из всех ночей именно сегодня я была бы рада его присутствию. Не люблю одной заходить в пустой дом, даже защищённый от потустороннего мира. Призраки не пройдут через его стены, но ничто не сможет помешать доведённому до отчаяния убийце выбить стекло или взломать замок.

Однако дом тёмный и тихий, подъездная дорожка пуста. Сжав ключ в руке, я прошла к боковым воротам мимо карликовых пальм, чьи мощные листья нависали над забором. Как только я вошла в сад, к дому подъехала полицейская машина, и из неё вышел мужчина в форме. Я не ударились в панику. Наоборот, почувствовала облегчение, увидев его.

Он прошёл через парадный вход, и мы встретились у ступенек крыльца.

— Мисс Грей? Амелия Грей?

— Да?

Он вежливо кивнул и коснулся края шляпы.

— Добрый вечер, мэм.

Он говорил с сильным акцентом, растягивая слова, и мне стало любопытно его прошлое. Высокий мужчина, около тридцати, и весьма привлекательный, насколько я могла судить, ведь у меня не получалось разглядеть в темноте отдельные черты. Но намного сильнее меня интересовало, что за находка или открытие привело полицейского к моему порогу.

— Что-то случилось? — спросила я, готовясь к худшему.

— Нет, мэм. Джон Девлин попросил меня подежурить у вашего дома сегодня ночью.

От того, что он назвал полное имя детектива, веяло едва различимой формальностью, и я вспомнила, как стало неуютно другим полицейским на кладбище в присутствии Девлина. Чего они боялись? Точнее... почему Девлин так меня нервировал?

Полицейский внимательно меня изучил. Я могла только гадать, вызвано ли его любопытство просьбой Девлина или моим собственным потрёпанным видом. Мужчина достал бумажник и продемонстрировал удостоверение личности. После всех событий этого вечера я разозлилась на себя за то, что не додумалась попросить его сразу.

— Я понимаю, что вы пережили немало неприятного за сегодня.

— Кто-то забрался в мой автомобиль и выкрал портфель.

Я указала подбородком на свою машину, хотя с нашего места нельзя было разглядеть разбитое окно.

— В последнее время такие кражи не редкость. Панки только ищут чего бы стянуть, и никто никогда ничего не видит. — Полицейский бросил на меня ещё один взгляд. — Хотя, возможно, это связано с кладбищенским делом.

Казалось, он ожидал ответа, и поэтому я пожала плечами.

— Надеюсь, что нет.

— На всякий случай не теряйте бдительности. В конце смены я сделаю объезд. — Он достал визитку из кармана и вручил мне. — На обратной стороне мой номер. Если увидите или услышите что-нибудь подозрительное, не бойтесь, звоните.

Я с благодарностью взяла протянутую визитку и поднялась на крыльцо. Зайдя в дом, я задвинула засов, включила свет и выглянула в окно. Полицейский сел обратно в служебную

машину, но не съехал с обочины. В салоне загорелся свет, и я увидела, что мужчина поднёс телефон к уху. Интересно, отчитывается ли он перед Девлином. И почему от этой мысли мне стало одновременно легче и тяжелей на душе?

Отвернувшись от окна, я оказалась наедине со своим пустым домом.

Свет от подсвечников провёл меня через арочный дверной проём в длинную, узкую прихожую. Направо — просторная комната, заставленная старинными вещицами из благотворительного магазина. Налево — неровная лестница и запертая дверь, отделявшая квартиры на первом и втором этажах.

Мой кабинет находился на переделанной террасе в дальней части дома, прямо за кухней. По утрам через высокие окна пробивался маслянистый свет, и мне нравилось начинать свой день именно там, с ноутбуком и чашкой чая.

Сегодня вечером за окнами лежала одна только темнота.

Повернувшись спиной к теням, я села за стол, открыла ноутбук и сконвертировала папку «Дубовая роща», чтобы отправить все изображения в одном письме по адресу, указанному на визитке Девлина.

Сделано.

Расслабилась и выдохнула. Моё участие в этой тревожащей неразберихе закончено. Помогла полиции всем, чем смогла.

Но даже нажав кнопку «отправить», я всё ещё не могла избавиться от тревоги. Если убийца не знает, что Девлин получил фотографии, то может до сих пор считать меня угрозой, а он никак не может знать, что я отправила снимки, если только не наблюдает за мной в эту самую минуту.

Я бросила опасливый взгляд через плечо.

Конечно, за спиной никого не оказалось. Никаких глаз, выглядывающих из темноты. Никакого лица, прижатого к окну. По стеклу лишь ползли еле заметные дорожки конденсата.

Я понаблюдала, как на инее проявляются крошечные линии, точно призрачные гравюры, но в этих разводах не было ничего сверхъестественного. Ничего зловещего, просто тёплый воздух столкнулся с холодной поверхностью.

Наверное, дело в том, что от моего плаща исходил неприятный запах: принесённая с кладбища вонь усиливала мрачные предчувствия.

Поднявшись по лестнице, я поспешила в ванную, где сбросила с себя всю одежду и положила её в мешок для мусора. Затем встала под душ и стала тереть кожу и волосы добрых двадцать минут, пока каждая частичка кладбищенской грязи не смылась в канализацию.

Завернувшись в полотенце, я прошла через прихожую в спальню, надела хлопчатобумажную пижаму и пару толстых носков: деревянный пол неприятно холодил ноги.

Отрегулировала термостат и отправилась на кухню сделать чай. Принеся чашку в кабинет, я села за стол и ещё раз открыла ноутбук.

Чай с успокаивающей ромашкой и хороший душ одолели моё волнение. Я расслабилась и начала работать над новой статьёй для блога: «Кладбищенская сирень — божественный аромат смерти».

«Конечно, сегодня вечером кладбище пахло не настолько божественно», — подумала я с отвращением.

Не в силах собрать мысли в кучу, я сдалась и вернулась к снимкам «Дубовой рощи».

Используя зеркало во весь рост чтобы отразить свет, я успела сфотографировать почти каждую могилу в передней секции прежде, чем начался дождь. Создание визуального отчёта — первый шаг перед восстановлением кладбища. Затем начинается стадия поисков. Путь к успешной реставрации всегда лежит через архивы. Если невозможно найти справочник или карту, то приходится скрупулёзно штудировать регистрацию смертей в округе, церковные реестры и семейные Библии иногда в течение многих недель или даже месяцев. Я изучала книги, сколько времени бы это ни занимало, потому что ничто не выглядит столь же печальным, как безымянная могила.

Просматривая все изображения в формате .jpeg, я искала место захоронения жертвы по памятникам и ориентирам, которые запомнила ранее на кладбище. Переключила снимки на полный экран и увеличила масштаб. Используя лупу, я внимательно рассмотрела все могилы, тщательно исследуя каждый пиксель.

Не найдя никаких доказательств, что почва была разрыта, пока делались снимки, я пришла к заключению, что убийца закопал тело после того, как я покинула кладбище в конце пятницы, но прежде чем в полночь разразился шторм.

Как бы то ни было, я заметила одну действительно любопытную деталь.

Наклонившись вперёд, чтобы внимательнее изучить изображение, я рассеянно потёрла большой палец о полированный камень, который носила на цепочке вокруг шеи.

Надгробный камень не был повернут к могиле. Само по себе это не было необычным. Иногда родные просили, чтобы надпись можно было прочесть, не подходя к могиле. Связано ли положение надгробного камня с тем, почему убийца выбрал именно это место, чтобы избавиться от тела, или нет — я понятия не имела.

Положив ногу на ногу, я перешла к следующему снимку. На этот раз к самому изображению надгробия. Кратко занесла в блокнот имя, эпитафию, год рождения и смерти и описала символы — ветвь плакучей ивы, переплетённая с лозой пурпурного выюнка, и перо, падающее к основанию камня.

Затем открыла соответствующий файл и просмотрела информацию, которую собрала относительно покойной, некой Мэри Френсис Пинкни. Она умерла от скарлатины в 1887 году в возрасте четырнадцати лет.

Ничего примечательного.

Вернулась к своим записям и перечитала эпитафию:

Над её безмолвной могилой

Под луной скорбят звёзды ночные.

Не мертва, лишь в забвение ушла,

Ибо душа не была спасена.

Стих вызвал секундную меланхолию, но в нём тоже не было ничего примечательного. Скорее всего, могила выбрана случайно, или потому что она располагалась вдалеке от стен и ворот, чтобы её было трудно заметить случайному прохожему.

Я ещё долго просидела за компьютером, изучая фотографии и волнуясь об украденном портфеле. Беспokoясь о своей реакции на Джона Девлина, я задавалась вопросом: может, мне послано некое испытание, только я ещё этого не поняла. Но главным образом я думала о мёртвой. Её закопали в старую могилу на «Дубовой роще» без всякой церемонии или опознавательных знаков. Бездушные похороны беспокоили меня почти так же, как и убийство. Это свидетельствовало о нехватке совести и человечности и вызывало суеверный страх.

Монстр разгуливает на свободе. Бродит по улицам и, возможно, запах его следующей жертвы уже сжигает ему ноздри.

Запах его следующей жертвы...

Уйдя с головой в изучение фотографий, я только сейчас почувствовала запах, который вторгся в мой кабинет.

Теперь же я закрыла глаза и втянула воздух.

Кладбищенская сирень? Нет, жасмин...

Запах настолько сладкий и вездесущий, что на мгновение мне показалось, что я оставила окно открытым. Виноградные лозы разрослись по всему заднему двору. Иногда ночью их надоедливое благоухание становилось невыносимым.

Однако этот аромат был другим. Сильнее, настойчивее, с оттенком, о котором я не хотела задумываться.

Встав проветрить помещение, я услышала мягкий перезвон музыки ветра на веранде.

Странно, ветра ведь нет.

Встревоженная, я попятилась и закрыла ноутбук.

Дрожа от страха, я стояла в темноте и вглядывалась сквозь своё отражение в стекле на веранду и сад.

Сквозь тонкий слой тумана я различила мягкое свечение луноцвета, гардений и звёздную россыпь жасмина на железных пиках забора. Самый тёмный угол сада охранял старый дуб. На одной из его изогнутых ветвей, словно воспоминание о детстве, висели деревянные качели.

Они тихонько покачивались, как будто с них только что встали. Назад и вперёд... назад и вперёд... назад и вперёд...

От скрипа проржавевших цепей у меня волосы встали дыбом.

По саду кто-то гулял. Плечо задело музыку ветра. Рука мимоходом толкнула качели.

Мне хотелось поверить, что это Мейкон Доуз пришёл домой из больницы и решил в полночь прогуляться по саду, чтобы развеяться. Но разве бы я не услышала, как подъехал его драндулет?

Кто-то или что-то разгуливало под моими окнами. Я ощущала чужое присутствие в темноте и устремлённый на меня взгляд.

Нашарила на столе сотовый и визитку, которую дал мне полицейский. Используя дисплей с подсветкой, набрала номер и за секунду, прежде чем нажать вызов, поняла, что набрала Девлина.

Большой палец навис над кнопкой. Не знаю, почему я колебалась: остановил ли меня некий инстинкт или предчувствие, что возможно что-то произойдёт. В тот момент меня поглотил страх. Ледяной ужас перед тем, что подстерегало за окном. Но я всё ещё не могла заставить себя нажать на кнопку, которая вызовет Девлина обратно в мою жизнь.

А затем я увидела её. Туманную сказочную фигуру, парящую прямо за потоком бледного лунного света.

Призрачная девочка Девлина.

Сначала я подумала, что это галлюцинация. Молила, что переутомлённое воображение заклинило на самом глубоком страхе.

Но она действительно была там.

Я чувствовала холодный огонь её глаз в темноте.

Скрип качелей и перезвон музыки ветра стихли. Я совсем не слышала звуков, за

исключением панического грохота сердца.

Как это возможно? Этот дом был приютом, освящённым убежищем, которое защищало меня от вторжения призраков. Здесь я в безопасности. Точнее была в безопасности... до встречи с Девлином.

Я заставила себя остаться у окна, словно случайно выглянула в сад. Но в ту секунду, как мой взгляд скользнул в сторону от призрачного ребёнка, я почувствовала её раздражение. Недовольство.

Прежде чем я успела обдумать происходящее, девочка вышла из тени в поток лунного света, и у меня перехватило дыхание. Она была самым красивым, утончённым созданием, которое я когда-либо видела.

Окружённая призрачной аурой, ее кожа словно сияла изнутри, а волосы казались кудрявой гривой цвета воронова крыла. Из одежды на ней было милое синее платье с веточкой жасмина, приколотой к поясу. Призрак подняла руку и указала на окно, за которым я стояла дрожа, и на её пальчике блеснуло крохотное колечко.

Её намерение было ясно.

Она знала, что я там.

Знала, что я видела её.

И она сообщала мне, что она знает.

Никогда прежде я не контактировала с призраком. Как это могло произойти, когда я неукоснительно соблюдала отцовские правила?

Так или иначе, всё изменилось. Правила нарушены, а я даже не понимаю каким образом.

Меня захлестнули эмоции. Водоворот смятения. Ощущение длилось лишь мгновение, а затем помрачение прошло.

Призрак опустила руку, ушла в тень и медленно растворилась в тумане.

Глава 5

Следующим утром я проснулась в рассветной полутьме. Почти шесть часов утра, ещё целый час до звонка будильника, но тем не менее я его выключила. Воспоминания о событиях прошлого вечера нахлынули волной, и я прикрыла глаза рукой.

Возможно, из-за того, что я ещё не до конца проснулась, всё казалось немного расплывчатым. Выкопанный труп на кладбище. Визит призрачного ребёнка. Даже моя странная реакция на Джона Девлина.

Я перекатилась на бок и посмотрела в сторону окна, подумав, что позже нужно обязательно позвонить матери. Я знала, что она будет волноваться, услышав в новостях о находке на «Дубовой роще», но боялась, что мой голос выдаст слишком многое, если в разговоре всплывёт имя Девлина. Да и как я могла объяснить то, что сама не понимала? Его преследуют призраки, отсюда табу, и значит, часть общего очарования можно списать на ситуацию. Но я спрашивала себя, нет ли здесь чего-то большего. Почему он нервировал меня даже без призраков?

Вчера вечером он мне приснился. Мне редко снились мужчины, даже те, с которыми я встречалась. Ничего символического или эротического, просто череда странных сценок, которые возбудили и так уже нездоровое любопытство.

Конечно, будь я мудрее, то полностью бы выбросила мысли о Девлине из головы. Я

сделала, как он просил, и теперь нет никаких причин для дальнейшего общения. Если мы снова встретимся, я должна возвести эффективную защиту, потому что не могу рисковать. Что, если в следующий раз призрачной девочке удастся пройти дальше сада? Мысль о бреши пугала меня, но даже в этом случае я не могла отрицать, что прошлый вечер был более чем будоражащим. Встреча с Девлином перевернула мой безопасный небольшой мирок. Мне было что обдумать, пока я одевалась и спускалась к почтовому ящику за газетой.

Находка на «Дубовой роще» попала на первую полосу «Пост энд Курье». Я просмотрела статью, сидя за кухонной стойкой и потягивая сок из стакана. Деталей дали очень мало, но, как Девлин и предупреждал, в официальном заявлении университета Камилла Эшби упомянула меня как «опытного консультанта», принимающего участие в расследование, дабы защитить историческую целостность кладбища. Не совсем то, что я делала, но близко.

Свернув газету, я отложила её в сторону и отправилась на ежедневную прогулку, на юг от Рутледж-авеню. Пройдя два квартала, повернула на восток, где из-за горизонта уже показались первые лучи солнца. Лёгкий бриз покачивал ветви пальметто и разносил аромат цветов магнолии, которые, точно голуби, устроившиеся на ночлег в гнезде, цвели среди тёмных блестящих листьев.

Утром, когда призраки уже убралась обратно за завесу, я не могла вообразить места прекраснее. Святой город. Некоторые называли его так из-за огромного числа церковных шпилей, испещряющих низкую линию горизонта. Чарльстон — это кусочек старого Юга, особое состояние души, пышный пейзаж потерянных мечтаний. Всюду, куда бы я ни бросила взор, куда бы ни пошла, меня окутывало прошлое.

Я жила в городе только шесть месяцев, но у меня здесь глубокие корни. Моя мать родилась и выросла в Чарльстоне. Она покинула дом детства, чтобы выйти замуж за моего отца четыре десятилетия назад, но до конца осталась верной дочерью этого города. Она и её сестра Линроз выросли в уютном домике в историческом районе. Их родители, оба учителя по профессии, много читали и путешествовали, но их приверженность традициям и тонкость вкуса не помешали семье общаться с представителями низших классов.

В отличие от семьи матери, отец рос в горах Северной Каролины, у Голубого хребта^[12]. В глазах джентри, живущих к югу от Брод-стрит, он был всего лишь жалким отбросом. В 1960-ых в сегрегированном Чарльстоне происхождение папá ставило его только на одну или две ступеньки выше темнокожих, вместе с которыми он ухаживал за садом у церкви Св. Михаила, пока не женился.

Как и мои бабушка с дедушкой по материнской линии, я образована и много путешествую. Получила степень бакалавра в области антропологии в университете Южной Каролины в двадцать лет — что ещё мне оставалось делать, кроме как учиться? — и учёную степень в области археологии в университете Северной Каролины в Чапел-Хилле. Я член американского Института консервации исторических и художественных ценностей, Юго-восточной региональной ассоциации консервации, Ассоциации по исследованию могильных камней и Союза по сохранению исторического пейзажа. Я веду своё дело и уважаема как настоящий профессионал, а из-за того вирусного видео на YouTube стала ещё и небольшой знаменитостью среди чарльстонских тафофилов и охотников за приведениями. Но, несмотря на достоинства и мимолётную славу, часть вымирающей аристократии Чарльстона никогда не примет меня в свои круги из-за низкого происхождения моего отца.

Однако это меня нисколечко не беспокоило.

Я гордилась наследием папá, но мне всё равно оставалась интересно, как ему и моей

матери удалось встретиться и полюбить друг друга, несмотря на разделявшую их социальную пропасть. За все годы мои вопросы к родителям были встречены лишь неопределёнными ответами и увиливанием.

Я получила только одну подсказку — и то только потому, что подслушала разговор между матерью и тётёй Линроз, когда она навестила нас в Тринити, небольшом городке к северу от Чарльстона, где мы жили, пока отец работал смотрителем на кладбище округа. Каждый вечер две сестры садились на крыльцо перед домом и пили сладкий чай из высоких матовых стаканов, а сумерки нежно окутывали их, точно шёлковый шарф, который они накидывали себе на волосы.

Прижавшись подбородком к подоконнику, я сидела в комнате и слушала мамины разговоры, загипнотизированная лирическим перезвоном прекрасного протяжного произношения. Став старше, я научилась выделять французские нотки диалекта гугенотов и языка галла^[13], которые делали чарльстонский акцент настолько отличительным. Из речи мамá никогда окончательно не исчезали долгие гласные среднего подъёма, и для такого домашнего ребёнка, как я, подобные экзотические речевые обороты придавали маме очарования и таинственности.

Одним вечером таким вечером мама и тётя предались воспоминаниям, и тут я различила печаль в мамином голосе.

Тётя Линроз погладила руку мамá.

— Иногда всё происходит не так, как мы планируем, но мы должны максимально использовать то, что нам дают. У тебя хорошая жизнь, Этта. Прекрасный дом и трудолюбивый муж, который тебя любит. И не забывай, у тебя есть Амелия, твоё благословение. После стольких ужасных выкидышей...

— Благословение? Иногда я спрашиваю себя...

— Этта! — В голосе тётки прозвучала нотка осуждения. — Зачем заикливаться на том, что не можешь изменить? Вспомни, что всегда говорила мама. От жизни в прошлом добра не наживёшь.

— Я волнуюсь не о прошлом, — пробормотала моя мать.

Спустя какое-то время они переключились на другую тему, а я продолжила сидеть у окна, напуганная и одинокая, даже не зная почему.

Я никогда не спрашивала маму о той беседе. Как посоветовал бы любой хороший адвокат, никогда не излагайте вопрос, если уже знаете ответ. Или будете готовы иметь дело с последствиями. Я не была готова и предпочла остаться в неведении относительно того, почему моё удочерение мамá не считала благословением.

Повернув направо на Традд-стрит, я оставила позади мрачные воспоминания и колокола церкви Св. Михаила.

Передо мной оживал город. Притягательные ароматы кофе и свежей выпечки доносились из пекарен и ресторанчиков на открытом воздухе, подающих завтрак первым клиентам.

Я двигалась в сторону набережной, и в воздухе ощущался запах океана. Бодрым шагом прошла вчерашним маршрутом мимо красочных домов на Рейнбоу-роу и великих особняков Восток-Бэя с изящными верандами и садами, прекрасных, как шкатулки с драгоценностями.

Дошла до южного края полуострова и остановилась посмотреть на восход солнца. Одинокий пеликан кружил в небе, и мгновение я полюбовалась его полётом, а затем перевела взгляд на смутные очертания полуразрушенных стен форта Самтер, отдалённого

отголоска истории Юга, возвышающегося посреди чарльстонской гавани.

Внезапно краем глаза я заметила, как кто-то подошёл к парапету, и обернулась, почти ожидая увидеть Джона Девлина. Незнакомец был примерно такого же роста и телосложения, как и детектив, и от него веяло схожей аурой защитника. И всё же он заставил меня задуматься, нет, не о Девлине, а о его призраках. Мужчину также отличал цвет лица «кофе с молоком», указывающий на смешанное происхождение, но осанка у него была обычной, не аристократической, а черты лица скорее приятными, чем экзотичными. По крайней мере, что я смогла разглядеть ниже солнцезащитных очков. На нём была полинявшая одежда, но я бы не подумала, что он бездомный. Но и туристом незнакомец мне не показался.

Он окинул меня лишь мимолётным взглядом и перевел взгляд на панораму, по-видимому, зачарованный необъятностью гавани.

Я оробела. Мы стояли в тихом месте и в ранний час. Человек, выбивший окно моей машины и выкравший портфель, всё ещё разгуливает на свободе. Убийца той бедной девочки, чьё тело обнаружили на «Дубовой роще», до сих пор не пойман.

Совпадение ли, что этот человек появился на Батарее в то же самое время, что и я?

Мне хотелось уйти, но я отказывалась привлечь к себе внимание и ещё более не решалась повернуться к незнакомцу спиной.

Как будто почувствовав, что мне неуютно в его присутствии, мужчина полюбовался ещё с минуту восходом солнца, повернулся и медленно ушёл, исчезая среди пышной листвы Белого сада.

Я двинулась домой, заскочив выпить кофе и перекусить рогаликом по дороге. С каждым шагом, приближающим меня к моему убежищу, я чувствовала возрастающий трепет. Гнетущий страх заставлял меня задаваться вопросом...

Как призрачному ребёнку Девлина удалось пройти через мою защиту? И что мне делать, если девочка вернётся?

***

По возвращению домой я отправилась напрямик в сад. Луноцвет закрылся от жары, а восходящее солнце медленно пробуждало ипомею^[14].

Прошла вдоль узких клумб фиолетового флокса к месту, где стоял призрак девочки. Не знаю, что я ожидала там найти. Ничего столь же земного или человеческого, как следы. Но что-то всё же осталось.

Из земли торчало крошечное гранатовое колечко.

Я могла его не заметить, если бы внимательно не искала доказательства визита духа.

Казалось, кольцо пролежало в этом месте очень долгое время. Возможно, как и тело на «Дубовой роще», его вымыло недавним дождём. Мне хотелось верить, что украшение потерял бывший жилец дома, но я не могла не вспомнить блеск на пальчике призрака, когда она указала на окно, за которым я стояла.

Я опустилась на колени в траву, положила руки на бёдра и долго-долго смотрела на это колечко.

Его оставили здесь как сообщение? Предупреждение?

Призраки на такое способны?

Я чувствовала их паучьи пальцы в волосах, шёпот и морозное дыхание на шее, но

никогда ещё не находила вещественных доказательств их присутствия. И всё же на том месте, где исчез один из призраков Девлина, лежало кольцо.

Казалось неправильным оставить его вот так в грязи, но мне также не хотелось вносить эти вещицу в свой дом или жизнь. Я и так уже влипла в это дело, так что мне совсем не нужны вдобавок ещё и «незваные гости».

Ещё немного подумав, я встала и пошла в дом, чтобы достать из комода старинную серебряную коробочку для безделушек и корзинку с галькой и морскими ракушками, которые я собрала в старой части кладбища «Розовый холм», детской площадки моего отрочества. Все эти вещи были найдены в священном месте, как и полированный камень, который я носила на серебряной цепочке. Имели ли они какие-либо защитные свойства, я понятия не имела. Однако мне нравилось думать, что они меня оберегают.

Вернувшись в сад, кончиком лопатки я осторожно подцепила кольцо с сырой земли, положила его в серебряную коробочку, вырыла ямку и закопала «опасную» находку. Поверх насыпи выложила галькой сердечко.

Работая спешно и сосредоточенно, я отключилась от звуков с улицы, включая мягкий шум разбрызгивателя с лужайки ближайшего соседа. Стоило мне поднять голову, как я услышала шаги на дорожке, но к тому времени было слишком поздно. Джон Девлин уже стоял в саду.

У меня сразу же возникло чувство, что он наблюдал за мной какое-то время через ворота из кованого железа. Думаю, интуиция подсказывала мне о его присутствии, но я решила проигнорировать предупреждение.

Теперь же его тень падала прямо на меня, а я вытаращила на него глаза под оглушительный грохот сердца.

— Кто-то умер? — поинтересовался Девлин.

Глава 6

— Никто не умер, — ответила я будничным тоном, зная, что он скроет бешеный стук моего сердца. Как и «маска» на лице. Я никогда не выдавала своих чувств. Не могу позволить себе, чтобы нервный тик или косой взгляд выдал меня призраку.

Кстати, о призраках. Девлин пришёл один. Не удивительно, ведь солнце уже высоко в небе. Его неземные спутницы вернутся через завесу в сумерках, они ждут пограничного времени в пограничном месте.

— Раз мне неожиданно выпало свободное время, я решила немного позаниматься садом. В обычный день я бы уже была на кладбище и пыталась пережить жару.

— Убийство имеет тенденцию путать самые продуманные планы, — ответил Девлин без следа иронии или улыбки. Он кивнул на груды камней на земле. — А сердце зачем?

— Это просто декоративный символ. Он может означать что угодно. Мир, любовь, гармонию.

Я искоса посмотрела на Девлина. Мы впервые встретились при свете дня, и он выглядел одновременно моложе и старше, чем мне первоначально показалось. Лицо без изъянов, за исключением тонких морщинок вокруг глаз и рта, волосы тёмные и густые, стриженные коротко и модно, что придавало Девлину неотразимости, как и крой брюк и приталенной рубашки. Он казался человеком, который гордится своей внешностью, и не без основания. Он был очень привлекателен и обладал особым задумчивым очарованием, заставлявшим

трепетать не одно женское сердце. Моё не стало исключением.

Я решила бы, что ему около тридцати-тридцати пяти, но тени под глазами и впалые скулы добавляли по крайней мере лет десять, в зависимости от угла зрения и света. В глазах детектива читалась какая-то тревога. Что-то заставило меня снова подумать, что передо мной человек, который много чего видел. И многое из этого было худшим проявлением человеческой природы.

Но такие мрачные мысли казались не к месту в залитом солнцем саду, где витал аромат магнолий.

Девлин протянул ладонь, и я с неохотой обхватила её, позволяя помочь мне встать. По моей руке пробежали мурашки, электрический заряд, от которого на мгновение остановился весь мир, и у меня перехватило дыхание.

Я отпустила ладонь Девлина, задаваясь вопросом, почувствовал ли он то же самое. Но он либо ничего не ощутил, либо так же мастерски, как и я, скрывал свои чувства.

Затем он слегка повернул голову, и я заметила любопытную пульсацию на его виске: возможно, всего лишь возможно, он не такой безразличный, каким хочет казаться.

Я задумалась на мгновение. От его реакции мне стало лучше или хуже? Конечно, он меня взволновал. Моё сердце всё ещё бешено билось, и я сделала пару медленных вдохов, чтобы успокоиться.

От неловкости спрятала руки в карманы шорт.

— Что принесло вас в мой сад в такую рань? Вы ведь не нашли мой портфель?

— Нет, простите. Я хочу поговорить с вами вот об этом.

Он протянул копии фотографий, которые я отправила ему вчера вечером. Наверху стопки лежало изображение могилы, где была зарыта жертва.

— Вы их просмотрели?

— Да. Вчера вечером я изучила эту фотографию с помощью лупы и не нашла доказательств, что могила была разрыта.

— Когда вы сделали эти снимки?

— В прошлую пятницу. Мне нужно взглянуть на цифровой отпечаток, чтобы сказать точное время, но судя по местоположению могилы, где-то днём. Я закончила с этим участком приблизительно в три часа дня и как раз собиралась перейти в более старую секцию, как накатили тучи, и я лишилась света. Я собрала все вещи и уехала ещё до четырёх. Это поможет вам с графиком времени?

— Для начала.

Он стал внимательно изучать фотографию, а я опустила взгляд на его руки. Сильные и изящные... тёплые. Я всё ещё ощущала жар его прошлого прикосновения. Это породило новые вопросы. Если я так сильно среагировала на простое прикосновение, на что будет похож поцелуй?

Не то что это когда-либо произойдёт. Я не могу позволить этому произойти. Даже если Девлин будет душкой.

Он перевёл взгляд на меня, тёмные глаза стали совсем чёрными. К счастью, он не мог прочитать мои неподобающие мысли, хотя мне без сомнения хотелось узнать, о чём он думает.

— Вы говорите, что не нашли признаков, что могила была раскопана, но может вы заметили что-либо ещё? Что-нибудь необычное или неуместное на этом или каком-либо другом снимке?

— Что, к примеру?

Я наклонилась поднять корзину с раковинами и камнями. Несколько камешков выпало, и Девлин наклонился собрать их. И снова я заметила блеск серебра у шеи, дразнящий краешек тёмного медальона, который выпал из-за воротника рубашки, когда Девлин наклонился.

Он выпрямился, и медальон лёг на место.

— Эксперт вы.

— У меня не было возможности изучить другие изображения так же внимательно, поэтому я не могу сказать наверняка. Единственная особенность этой могилы — положение надгробного камня. Надпись отвёрнута от тела.

Девлин бросил ещё один взгляд на фотографию.

— Как вы это поняли? Могилы же не стоят ровными рядами, а растительность настолько густая, что некоторые надгробия едва видны.

— Я же сказала, что сделала этот снимок днём. Фотографировала лицом к солнцу. Следующая фотография — изображение надгробного камня, и на этом снимке солнце позади меня.

— Так?

— Если бы надпись была повёрнута к могиле, то тело было бы захоронено на запад. Видите? — Я осторожно взяла фотографию, чтобы не задеть пальцы Девлина, желая показать, что я имела в виду. — Почти все старинные южные кладбища расположены так, чтобы тела лежали на восток, к восходящему солнцу. Люди склонны думать, что захоронение трупа относительно частей света — христианская традиция, но эта практика восходит ещё к временам древнего Египта.

— Информация о традиции восток-запад общедоступна, или об этом знают только такие специалисты как вы?

— Ну, конечно, это не тайна. Вы могли узнать всё, что я сейчас рассказала, с помощью простого интернет-сёрфинга. Но сомневаюсь, что большинство людей будет задумываться о расположении кладбища, старого или нового. — Я рассеянно взяла камень из корзины и потёрла его между большим и указательным пальцем. — Думаете, убийца питает некий интерес к кладбищам?

— Не исключаю такую возможность. Почему из всех могил он выбрал именно эту? Каково значение надгробия, отвёрнутого от могилы?

Я пожала плечами.

— Обычно это вопрос предпочтения. Иногда расположение кладбища диктует размещение надгробного камня, но, очевидно, «Дубовая роща» — не тот случай. Конечно, есть также старое суеверие, что отвёрнутый, или обратный камень ставят на могилу ведьм, но сомневаюсь, что это стоит принимать во внимание. — Я мельком взглянула на снимок. — В этой могиле похоронена четырнадцатилетняя девочка, умершая от скарлатины в конце девятнадцатого века. Я не нашла ничего необычного в окружном отчёте о её смерти или в университетских архивах.

— Что насчёт эпитафии? Или знаков на надгробии? Что они означают?

— Эпитафия представляет собой довольно стандартный викторианский стих, а символы открыты для интерпретации. Спросите пять экспертов и, скорее всего, получите пять различных мнений. Также интерпретация может меняться в зависимости от места и времени. Учитывая надпись и возраст покойницы, я сказала бы, что ветвь ивы

символизирует горе разбитой семьи, а переплетённая лоза вьюнка представляет воссоединение. Вьюн также использовался в качестве символа молодости и красоты.

— А перо у основания?

— Оно означает полёт души, хотя символ немного более неоднозначен, чем голубь или крылатые лики.

Девлин оторвал взгляд от фото.

— Какого дьявола, что за крылатые лики?

— Название отражает суть: лицо с крыльями, иногда череп. Вы также могли слышать, что их называют изображениями души или ликами смерти. Эта разновидность символов намного более распространена на старинных кладбищах Новой Англии, где пуританские резчики по камню отдавали предпочтения более ужасным и буквальным образам: череп и скрещённые кости, тела в гробах, скелеты... — Я осеклась и посмотрела на детектива. — Простите. Я немного увлеклась.

— Нет, это полезная информация. Продолжайте.

Он не выразил нетерпения на моё разглагольствование, и я это оценила.

— Только в начале девятнадцатого века искусство резки по камню стало более эфемерным и символическим, открытым для множества интерпретаций, как с символами, которые вы видите на этом надгробном камне.

— Значит, вы говорите мне, что значения этих символов в глазах смотрящего, — глубокомысленно произнёс он.

— Возможно. — Я бросила гальку обратно в корзину. — Может, зайдёте на минутку? Если хотите больше узнать о символах на могильных камнях, у меня есть несколько книг, которые вы могли бы найти полезными.

Вероятно, не самая лучшая идея пригласить его зайти, но он нуждался в моей помощи, и в настоящее время его призраки благополучно убрались за завесу.

Я провела его в дом с бокового сада, через кухню и в мой кабинет. Солнечный свет, текущий через высокие окна, был мягким и жёлтым и мерцал пылью.

Выбрав несколько книг из коллекции, я повернулась вручить их Девлину. Его взгляд был прикован к ряду фотографий на стене.

Он подошёл рассмотреть их.

— Это ваши работы?

— Да.

Его любопытство странно меня нервировало. Не считая нескольких снимков, которые я разместила в блоге, никто и никогда не видел моих фотографий.

— Вы дважды использовали плёнку и так интересно наложили старинные кладбища на городские пейзажи. Видна определённая тема и точка зрения. И скрытое сообщение, как я подозреваю.

Я подошла к Девлину.

— Не совсем. Как и в искусстве резки по камню сообщение находится в глазах смотрящего.

Девлин ещё немного изучил снимки.

— Я нахожу их... одинокими. Красивыми, но слишком одинокими. Мне от них неуютно. — Он перевёл взгляд на меня. — Простите. Я не хотел вас обидеть.

— Я и не восприняла это как оскорбление. Рада, что мои работы нашли в вас отклик.

Его взгляд задержался на моём лице, словно что-то искал.

— Вам нравятся кладбища?

— Они — моё средство к существованию, — ответила я, пожав плечами.

— Мне кажется нечто большее. — Он перевёл внимание на снимки. — Фотографии пропитаны чувством одиночества, но оно исходит не от могил, а от города. От людей. Эти снимки обнажают душу автора, на мой взгляд.

Я подавила дрожь. Его наблюдение заставило меня почувствовать себя беззащитной и уязвимой.

— Я бы не стала копать так глубоко. Мне нравится играть с интересными композициями и различными методами. В снимках нет никакого глубинного смысла.

— Не соглашусь. Но, возможно, этот разговор лучше всего отложить для другого раза.

Глава 7

— Вот. — Я вручила Девлину книги. — Может, просмотрите их, пока я схожу помыть руки?

Я оставила его на краю кушетки за чтением одного из томов, а сама быстро прошла в прихожую.

В ванной вымыла руки и лицо, переделала «конский хвост» и надела чистую футболку. Специально в зеркало не смотрела. Я склонна быть отчасти чересчур строгой к себе, хотя знаю о своей привлекательности. Таких, как я, называют милашками. Светлые волосы, голубые глаза, здоровый цвет лица и пышные губы. Худая, но мышцы сильные и тугие после стольких лет работы на кладбищах. Я наслаждаюсь своей долей восхищённых взглядов, но никогда не считала себя экзотичной или знойной, какой, к примеру, была женщина, преследовавшая Девлина. И отчего это меня беспокоит, хотя не должно ни капельки волновать?

Я отсутствовала не больше десяти минут, но когда вернулась в кабинет, то обнаружила Девлина на кушетке крепко спящим. Одна из книг покоилась на его груди, другая лежала на полу рядом.

Это стало неожиданным поворотом событий.

Я подошла к нему и рассмотрела. На лоб Девлина упал локон тёмных волос, и я подавила желание убрать его.

Я ни за что не должна касаться Девлина, поэтому позвала его по имени, но он не проснулся.

Он так крепко заснул, что я даже немного побоялась будить его. В конце концов, он вооружённый детектив полиции.

Я оказалась в затруднительном положении и спрашивала себя, не дать ли ему просто поспать. Скорее всего, он полностью вымотан, к тому же выглядит таким умиротворённым, когда спит. Это странно. Для меня.

Используя ситуацию в своих интересах, я решила полюбоваться Девлином всласть. У него оказался шрам под губой, который я раньше не заметила. Маленький, но зазубренный, как будто что-то очень острое прокололо кожу. Нож, возможно. Мысль об этом вызвала дрожь.

Взгляд опустился к шее, где в горловой впадине лежал серебряный медальон. Когда я наклонилась лучше его разглядеть, произошла ещё одна странность. У меня внезапно перехватило дыхание. Только это было не сосущее чувство под ложечкой, вызванное

волнением или страхом, а паралич, сродни тому, что бывает, когда из лёгких выбили весь воздух.

Я отшатнулась и приложила руку к груди. Стоп.

Девлин пробормотал что-то во сне, и я попятилась ещё дальше и врезалась в стол. Ноги подкосились, и я рухнула на стул. Взгляд вернулся к Девлину, и я нервно убрала прядь за ухо. Что только что произошло?

Я пыталась не слишком остро реагировать, но давление в груди было очень неприятным. Такого раньше никогда не случалось.

Наконец дыхание выровнялось, и я решила, что это просто расшалились нервы или сверхбогатое воображение сыграло со мной злую шутку. Уводя внимание от Девлина, я включила ноутбук, чтобы проверить ответы на прошлонедельную запись в блоге: «Кладбищенский детектив: в поисках мёртвых». Статья оказалась вещей. Теперь я немного побаиваюсь своей следующей темы: «Секс на кладбище: кладбищенское табу».

Я бросила на Девлина ещё один взгляд: крепко спит.

Прошёл час, прежде чем он наконец-то пошевелился. Девлин открыл глаза и растерянно осмотрелся, не понимая, где находится. Увидев меня, он резко сел, свесил ноги с кушетки и потёр лицо руками.

— Сколько я проспал?

— Час, плюс-минус пять минут.

— Чёрт. — Он посмотрел на часы и провёл ладонью по спутанным волосам. — Простите. Я никогда так не поступаю. Не знаю, что на меня нашло.

Я пожала плечами.

— Это очень приятное место, такое солнечное. Меня саму всегда клонит в сон на этой кушетке.

— Меня не просто склонило в сон, а полностью вырубил. Я не спал так крепко с тех пор... — Он осёкся, нахмурил брови и отвёл взгляд.

Интересно, что он хотел сказать.

— У вас была ночная смена. Вы, наверное, очень устали.

— Дело не во мне, а в этом месте. — Он покачал головой, как будто пытаясь стряхнуть остатки сна. — Здесь так спокойно.

Его взгляд встретился с моим, и у меня по коже пробежали мурашки.

— Я не чувствовал такое умиротворения долгие годы, — добавил он.

Возможно, дело в моём воображении, но он действительно выглядел по-другому, сидя на той кушетке в солнечном свете. Тёмные пятна под глазами исчезли, Девлин казался отдохнувшим и безмятежным. Помолодевшим, сказала бы я.

В отличие от него я всё ещё чувствовала слабость в коленях, и хотя давление в груди уменьшилось, в животе образовалась неприятная пустота, вызывая полную летаргию, которая была мне чужда. Пока мы сидели и смотрели друг на друга с разных концов комнаты, меня озарила внезапная догадка, что Девлин каким-то образом высосал мою энергию, пока спал.

Конечно, это невозможно. Он не призрак. В тот момент я никогда не видела никого более живого.

— С вами всё хорошо? Вы побледнели, — сказал он.

Я сглотнула.

— Правда?

— Может, всё дело в свете. — Он поднял книги и встал. — Не возражаете, если я одолжу их на нескольких дней? Они будут в целостности и сохранности.

— Нет, не возражаю. — Я тоже встала на дрожащих ногах. — Вы можете хотя бы приблизительно сказать, когда я смогу вернуться на кладбище?

— Завтра днём мы проведём ещё один осмотр. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже на нём присутствовали, если можете.

Правила моего отца вспышкой пронеслись в мыслях.

— Разве я не буду мешаться?

— Совсем наоборот. Вы больше знакомы с местностью, чем любой из нас. Если что-нибудь окажется не на месте, кто лучше это определит, чем вы?

— Я не уверена, что буду свободна, — пробормотала я.

— Если дело в деньгах...

— Нет. Дело в моём графике.

— В час дня, если сможете. На осмотр может уйти несколько часов, поэтому советую планировать ваш день соответственно.

Я проводила его тем же путём, а затем быстро прошла через весь дом и чуть отодвинула занавеску на одном из окон, чтобы понаблюдать, как он уезжает.

Стоило Девлину появиться, как его внешность снова меня поразила. Его походка уже казалась тяжелее, и я не смогла не задуматься о его призраках. Представила их, невидимых в солнечном свете, как они идут по бокам от Девлина, по одной в каждой руке, связанные с ним навек.

Видела я их или нет, призраки всегда были с ним, превращая Девлина в самого опасного человека в Чарльстоне для таких, как я.

***

Оставшаяся часть дня прошла без инцидентов... по большей части.

Я отвезла свою машину в мастерскую на замену окна и провела просто неприличное количество времени ожидания, заиклившись на последней встрече с Девлином. Она напомнила мне о папиной аналогии про вампиров: вместо крови призраки высасывают нашу энергию. Именно так я себя и почувствовала, как будто мои силы истощены. Но в моём кабинете не было призраков. Только Девлин.

Если он каким-то образом питался моей энергией, то это свяжет нас, как кровь связывает вампира с жертвой?

Сумасшедшая идея, но при подобных обстоятельствах я не винила своё бурное воображение. Тем не менее, через какое-то время я устала от попыток понять произошедшее и, выбросив Девлина из головы, поехала в пригород взглянуть на семейное кладбище на остатках старой рисовой плантации. Новые владельцы земли предложили мне провести полную реставрацию, и прогулка по месту захоронения стала желанным отвлечением.

И так как я оказалась недалеко от Тринити, то подумала, что пришло подходящее время навестить родителей. Я не видела маму больше месяца, а отца — ещё дольше.

Мама и тётя Линроз сидели на крыльце нашего уютного белого бунгало, попивая лимонад. Они спустились ко мне, охая и ахая, и мы обнялись посреди двора.

Как всегда, родные пахли замечательно, их аромат представлял собой уникальную смесь

знакомого и экзотического: жимолости, сандалового дерева и духами «Эсте Лодер белый лён». Мама и тётя были выше меня ростом, стройные и с лебединой осанкой как в день выпуска из школы Св. Агнес.

— Какая приятная неожиданность, — сказала я, обвивая рукой подтянутую тётину талию.

— Счастливый случай, можно сказать. — Тётя погладила мою щёку. — Какая жалость, что я должна проделать огромный путь, чтобы увидеть единственную племянницу, когда она живёт не больше пяти минут ходьбы от меня в Чаа’стоне, — растянула она последнее слово.

— Прости. Я хотела зайти в гости, но в последнее время была очень занята.

— С новым кавалером, смею надеяться?

— Боюсь, нет. С бизнесом и блоготом у меня просто нет времени для общественной жизни.

— Тебе стоит выделить время. Ты же не хочешь кончить свои дни старой девой, как и твоя любимая тётя?

Я улыбнулась.

— Я могла придумать судьбу и похуже.

Её глаза горели любовью.

— Однако есть время для работы и время для игры.

— Оставь её в покое, Лин.

— Оставить её в покое? Этта, ты видела кожу своей дочери? Коричневая, как ягода, и вся в веснушках. Что ты кладёшь ночью на лицо? — поинтересовалась она.

— Что под руку попадётся.

— Детка. — Она щёлкнула языком от неодобрения. — Я знаю одну женщину с Маркет-стрит, которая делает лучший в мире крем для лица. Не представляю, что она в него добавляет, но запах божественный и действует как по волшебству. В следующий раз, как зайдёшь ко мне, я обязательно дам тебе баночку.

— Спасибо.

— Теперь позволь посмотреть на твои руки.

Стоило мне протянуть ладони, как тётя тяжело вздохнула.

— Всегда, всегда пользуйся перчатками. Это обязательный атрибут в твоей работе. Когда речь заходит о возрасте женщины, руки выдают нас с головой.

Я посмотрела на свои мозолистые ладони. Им действительно нужны перчатки.

Мама исчезла в доме, но вернулась минуту спустя с высоким стаканом лимонада. Я взяла прохладный напиток и плюхнулась на верхнюю ступеньку на крыльце.

— Ты останешься на ужин.

Я всегда любила, как она произносила это слово — «ужинь».

Так как это был не вопрос, я просто кивнула.

— Что в меню?

— Цыплёнок и булочки. Пюре с соусом. Листовая капуста. Нарезанные помидоры. Жареная кукуруза. Ежевичный пирог на десерт.

— Слюнки уже текут.

Я серьёзно, особенно что касается домашних овощей.

— Я никогда не могла приготовить цыплёнка, как по щелчку пальца, — стала размышлять вслух тётя Линроз, устроившись на зелёном металлическом диване-качалке; тихое покачивание фактически вводило в транс в усыпляющей жаре. — Это целое искусство,

знаешь. За все годы я, должно быть, перепробовала рецептов сто. Замачивала в пахте, обваливала в кукурузной муке, делала панировку и так далее. В конце концов, я просто сдалась. Теперь же не могу жить без куриных ножек и заказываю еду на вынос, но вкус совсем не тот. — Она вздохнула. — В нашей семье кулинарный ген получила только Этта.

— А тебе достался дар чесать языком, — ответила мамá.

Я улыбнулась, поскольку Линроз заговорщически мне подмигнула. Она была единственным известным мне человеком, с кем моя мрачная мамá лукаво шутила. В детстве я любила, когда тётя приезжала к нам в гости. Мамá всегда казалась такой беззаботной со своей сестрой.

В прошлый раз я видела их вместе месяц назад, когда мамá приезжала в Чарльстон на день рождения. Она провела выходные с Линроз, и мы втроем ходили праздновать. Выпили достаточно вина за ужином, чтобы смеяться как дурочки над нелепой игрой, в которую втянула нас тётя. Я никогда не видела свою маму такой несерьёзной. Ею можно было залюбоваться. В тот день маме исполнилось шестьдесят, но ни она, ни тётя не выглядели старше сорока. Я всегда думала о них как о самых красивых женщинах в мире, и время не изменило мои чувства.

Теперь же я вглядывалась в лицо своей матери, надеясь найти хоть немного той девичьей радости, которую видела в её день рождения. Вместо этого я заметила, какой хрупкой и измождённой она выглядела. Какой усталой казалась. Тёмные круги под глазами напомнили мне о Джоне Девлине.

По спине пробежали мурашки, и я отвела взгляд.

— Где папá? — спросила я.

— На «Розовом холме», — ответила мамá. — Ему все ещё нравится туда ходить, хотя округ нанял постоянного смотрителя в прошлом году.

— Он закончил ангелов?

Слабая улыбка коснулась её губ.

— Да. Они нечто, ведь так, Лин? Обязательно сходи и полюбуйся на них прежде, чем уедешь.

— Само собой.

— Говоря об ангелах, — лениво произнесла моя тётя. — Помнишь Энджел Пеперкорн? Высокую девочку с неудачным прикусом. Я столкнулся с ней на днях в небольшой чайной на Черч-стрит. Ты знаешь ту чайную, Амелия. Ту, с милым чёрно-жёлтым навесом. Так вот, оказывается её сын, Джексон, занимается кинобизнесом. Она сказала, что он известный режиссёр в Голливуде, но ходят слухи, что он снимает фильмы для взрослых. Не могу сказать, что удивлена. В этом мальчике всегда было что-то извращённое, — рассказала она со злорадным ликованием.

Пока тётя продолжала болтать, я начала расслабляться, позволяя заботам о здоровье мамы и тёмным воспоминаниям о «Дубовой роще» забыться. Мы провели приятный день на крыльце за сплетнями и пошевелились, только когда мамá поднялась приготовить ужин. Мы с тётей предложили помочь, но она отказалась.

— Не знаю, кто из вас более беспомощен на кухне, — сказала она. — Вы же будете только мешаться под ногами.

Она ушла в дом, и я снова устроилась на крыльце, а тётя начала новую историю. Я дождалась паузы и небрежно бросила:

— Тётя Линроз, ты знаешь кого-нибудь из Девлинов в Чарльстоне?

— Ты про Девлинов с Юг оф Брод? — спросила она, называя самую престижную и старую часть города.

— Не думаю. Девлин, которого я встретила, работает в полиции.

— Тогда это не тот Девлин. Если он только не их дальний родственник. Представляю, как их много, ведь в семнадцатом веке их предки с кем только не спали. Конечно, теперь род вымирает. Единственный сын и невестка Беннетта Девлина погибли в несчастном случае на воде несколько лет назад. К ним переехал внук, но они рассорились. Кажется, припоминаю, я слышала, мальчик вовлёк себя в какой-то скандал или что-то в этом роде.

Я наострила уши.

— Какой скандал?

— Обычный. Связался с плохой компанией, женился не на той женщине. — Она пожала плечами. — Я не помню детали.

Я попыталась вспомнить, видела ли обручальное кольцо на пальце Девлина. Вполне уверена, что видела.

— Ты сказала, что встретила полицейского? Милая, ты ведь не попала в неприятности? — подразнила тётя.

— Едва ли. Я провожу небольшую консультацию чарльстонской полиции.

— Бог ты мой, звучит солидно.

Она уставилась с беззастенчивым любопытством.

— Фактически, это одна из причин, по которой я сегодня приехала. Хотела рассказать мамá, прежде чем она услышат об этом от кого-то ещё. На кладбище, где я работала, нашли тело. Жертву убийства.

— Господи пощади. — Моя тётя прижала руку к сердцу. — Детка, у тебя всё хорошо?

— Да, всё хорошо. Мне не угрожала опасность, — ответила я, удобно игнорируя историю про украденный портфель. — Моя причастность к делу совсем незначительна, но моё имя упомянули в статье в «Пост энд Курье» этим утром. Я удивлена, что вы ещё не знаете.

— Я всю ночь провела с Эттой и в глаза не видела утреннюю газету.

— Так или иначе, детектив Девлин попросил, чтобы я присутствовала при эксгумации, и я согласилась.

— Хочешь сказать, что была там, когда выкапывали тело? — Тётя Линроз вытянула руку. — Посмотри. У меня от тебя мурашки по телу.

— Прости.

Я уловила движение позади дверцы с проволочной сеткой и задалась вопросом, сколько времени мама нас слушала.

— Мам? Тебе помочь?

— Скажи папе, что ужин готов.

— Хорошо.

Стоило мне пройти через двор к дороге, как скрипнула дверь. Обернувшись, я увидела, что мамá вышла на крыльцо и заговорила с тётей на полутонах, как в моём детстве. На этот раз я не сомневалась, что говорили они обо мне.

Вместо того чтобы проехать по дороге, я срезала через лес и вышла на старую секцию. Ворота были заперты, но я знала, где папá держит запасной ключ.

Я вошла, закрыла ворота, спустилась с мягкого склона по тропе, окаймлённой папоротником, и прошла через толстые серебристые занавесы испанского мха к ангелам.

Пятьдесят семь.

Пятьдесят семь ангелов на пятидесяти семи крошечных могилах. Жертв пожара, что поглотил приют в 1907 году.

Местные жители собрали средства, чтобы купить первого ангела, и каждый год добавляли по памятнику, кроме времени двух мировых войн и Великой депрессии.

К тому времени, когда последний ангел встал на оставшуюся могилу, некоторые более ранние статуи пали жертвой погоды и вандализма. Папá потратил не один год на восстановление всех пятидесяти семи ангелов, имея в своём распоряжении лишь терпение и старинные инструменты.

В детстве те ангелы были моими единственными товарищами. В округе не оказалось других детей, но не думаю, что удалённость нашего дома сильно повлияла на моё одиночество. Оно было врождённым, а когда появились призраки, стало постоянным.

Солнце уже начало медленно скользить к горизонту, когда я нашла участок тёплого клевера и опустилась на землю. Прижала колени к груди и стала ждать.

Через несколько мгновений воздух замер в прелюдии, благоухающей летом.

И затем это произошло...

Солнце скрылось с прощальной вспышкой, последнее дыхание умирающего дня озолотило верхушки дерева и пустило поток золотых стрел сквозь листья. Свет отразился от камня, и на долю секунды ангелы наполнились жизнью. Мимолётная сцена, от которой у меня всегда перехватывало дыхание.

***

Пока ангелы засыпали под мягким одеялом сумрака, я сидела, ожидая папá. Наконец встала и пошла обратно к воротам. Снаружи кто-то стоял, и я его окликнула.

Внезапно я с дрожью осознала, что это не отец. Но я знала этого человека. Это был призрак старика, которого увидела в девять лет. Я стояла на святом месте, поэтому он не представлял угрозы, но дух всё равно меня испугал. Его присутствие на кладбище после стольких лет казалось зловещим, проявленное неуспокоение разрушило гармонию моего маленького королевства.

Он выглядел точно таким, каким я его помнила. Высокий, измождённый, с длинными седыми волосами, падающими на воротник пиджака. С ледяными глазами и смутно зловещей манерой поведения.

Я почувствовала присутствие ещё одного человека и обернулась.

Ко мне шёл папá. Также беловолосый, но коротко стриженный, с погасшим взглядом и отчуждённой манерой держать себя, но нисколько не угрожающей.

Он казался сосредоточенным на далёкой точке, но я знала, что призрак привлёк его внимание.

— Ты ведь тоже его видишь? — прошептала я, переводя взгляд обратно к воротам.

— Не смотри на него!

Его резкий тон удивил, хотя я никак не отреагировала.

— Я не смотрю.

— Сюда. — Он взял мою руку и повернул меня к ангелам. — Давай немного посидим.

Мы опустились на землю, спиной к призраку, как тогда. Мы долго молчали, но я ощущала папино напряжение и, возможно, страх. Я задрожала в сгущающейся темноте и, чуть выпрямив ноги, устроила подбородок на коленях.

— Папá, кто он? Кем был? — наконец спросила я.

Он не смотрел на меня, но вместо этого перевел взгляд на статуи.

— Предвестник... посыльный. Я не знаю.

На душе стало холоднее. Предвестник чего? Посыльный для кого?

— Ты видел его прежде? Я имею в виду... с того дня?

— Нет.

— Почему он вернулся? Почему именно сейчас, после стольких лет?

— Возможно, это предостережение.

— Какое предостережение?

Он медленно повернулся ко мне.

— Это ты скажи мне, дитя. Что-то случилось?

И затем я поняла. Что-то случилось. Что-то пришло в движение в этом мире и потустороннем. Всё изменилось с того момента, как Джон Девлин вышел из тумана.

Я сильнее обхватили колени, не в силах подавить дрожь.

Папá нежно положил руку мне на плечо.

— Что ты сделала, Амелия?

Теперь я не могла смотреть на него.

— Я встретила кое-кого. Полицейского, детектива по имени Джон Девлин. Его преследовали два призрака, женщина и маленькая девочка. Вчера вечером девочка появилась в моём саду. Папá, она знала, что я вижу её, и пыталась со мной общаться. И затем этим утром я нашла крошечное кольцо в саду, в том месте, где она исчезла.

— Что ты сделала с кольцом?

— Закопала там, где нашла.

— Ты должна избавиться от него, — ответил отец, и затем его голос приобрёл такой оттенок, что-то такое, чего я раньше никогда не слышала. Я даже не могла понять, что это. — Ты должна вернуть его туда, откуда оно взялось.

Я смотрела на него, поражённая.

— Вернуть... призраку?

— Вернуть на место, где умер ребёнок. Или к её могиле. Просто избавься от него. И обещай мне, что никогда больше не встретишься с этим человеком.

— Не думаю, что всё так просто.

— Всё просто, — настоял он. — За нарушением правил следуют последствия. Ты знаешь.

Его строгий тон пробудил во мне желание защищаться.

— Но я не нарушала правила...

— Держись подальше от тех, кого преследуют, — напомнил он. — Если они ищут тебя, уходи, поскольку они представляют ужасную угрозу и не заслуживают доверия.

Я подумала о том, как Девлин спал в моём кабинете, истощая энергию. Я не осмелилась рассказать папе об этом.

— Ты не должна позволить этому человеку войти в твою жизнь, — предупредил он. —

Не искушай судьбу.

— Папа́...

— Выслушай меня, Амелия. Есть сущности, которые ты никогда не встречала прежде. Силы, о которых я даже не осмелюсь заговорить. Более холодные, сильные и голодные создания, чем ты можешь себе вообразить.

У меня перехватило дыхание.

— О чём ты говоришь? Ты имеешь в виду... призраков?

— Я называю их иными, — сказал он, и я никогда ещё не слышала так много страха и отчаяния в человеческом голосе.

Иные. Моё сердце стучало с мучительной болью.

— Почему я не могу их видеть?

— Будь благодарна, что не можешь, дитя. Убедись, что не впустила их в свою жизнь. Как только дверь откроется... её нельзя будет закрыть.

— Ты видел их, папа́? — прошептала я.

Он закрыл глаза.

— Да. Я видел их.

Глава 8

Иные — более холодные, сильные и алчные существа их всех, которых я когда-либо встречала. Такое описание не могло не пугать. И все же даже по пути домой, у меня не получалось отделаться от вопроса, почему именно сейчас наступило время для подобного открытия. Почему папа́ только теперь заговорил со мной о другой разновидности призраков, которых я не могла видеть?

Он боится силы запрета, притяжения табу? Хочет напугать, чтобы я держалась подальше от Девлина?

Возможно, план сработал, если бы только на следующий день мне не позвонила Камилла Эшби.

По крайней мере, так я себя уверяла.

Камилла не только мой нынешний работодатель, но ещё и одна из самых влиятельных людей со связями в Чарльстоне. Помимо поста в университете Эмерсон она входит в совет почти каждой городской ассоциации по консервации. Её признание — золотая жила для моей деятельности. Поэтому, когда она позвонила и попросила о встрече на кладбище, я прекрасно понимала, что ей нельзя отказать.

Меня тревожила новая встреча с Девлином — особенно после предупреждения папа́ — но мне удалось убедить себя, что он не мог истощить мою энергию во время сна в кабинете. Лишь призраки питаются человеческой энергией, а Девлин не призрак. Он человек из плоти и крови, красавец с мрачной харизмой. Слабость, которую я испытываю в его присутствии, вызвана ни чем иным как физическим проявлением моего влечения к нему.

Да, он меня привлекал. Теперь я могла это признать, хотя и никогда не рассказала бы об этом папа́. Задумчивый взгляд и таинственное поведение — мощный дурман для такого одинокого романтика, как я. Несмотря на то, что Девлин жил в двадцать первом веке, он обладал аурой старого мира. Опыняющая смесь Байрона, Бронте и По с современной ноткой.

И так же как у вымышленных героев названных авторов, у него был смертельный изъян. Его преследовали призраки.

По понятным причинам его призрачная девочка произвела на меня сильное впечатление, но теперь мои мысли обратились к женщине. Для меня до сих пор оставалось загадкой, какие отношения связывают её с девочкой. Я чувствовала дистанцию между ними, непонятную разобщённость, которая, казалось, не свойственна материнской связи. Она выглядела больше охранником, чем защитницей.

Это всё очень таинственно, и у меня накопилось множество вопросов. Почему девочка пришла в мой сад одна? Если она оставила кольцо специально для меня, то что это значит? И прав ли папá? Должна ли я найти способ вернуть его?

Теперь, спустя какое-то время после её визита, мысль об общении с призраком не пугала, как раньше. И это само по себе довольно страшно: я обдумывала мотивы, толкнувшие её на попытку связаться со мной, как нечто повседневное. Ещё сильнее тревожило, что часть меня хотела узнать, что ей нужно, а не укреплять защиту против незваных гостей.

Видимо, как и при любом кошмаре, дневной свет лишил случившееся силы, и верх взяло естественное любопытство. Пришлось снова и снова напоминать себе правила номер один и четыре: «Никогда не позволяй призраку понять, что ты его видишь, и не соблазняй судьбу».

Если бы я только соблюдала эти правила. Если бы только послушалась предупреждения своего отца...

Но этим благоухающим летним днём было совсем не сложно отпихнуть в сторону ранние опасения, проходя мимо ряда припаркованных на краю дороги патрульных автомобилей и машин без опознавательных знаков.

«Дубовая роща» удалена от проезжей части. Когда-то к воротам вела торёная тропинка, но колея давным-давно заросла густым клубком кустарника, виноградных лоз и тернистой южки^[15], которую первоначально высадили около некоторых могил, чтобы не дать духам бродить по кладбищу. За долгое время колючая растительность расползлась за стены и теперь уже мешала потенциальным нарушителям, а не призракам, хотя, как видите, не остановила убийцу.

Сбросив сандалии, я потянулась через всё сидение за ботинками. Никогда не устану от прогулок по старинным кладбищам, хотя они и хранят скрытые опасности. Осевшие могилы и упавшие надгробные камни становятся прекрасным убежищем для ромбического гремучника^[16]. Папá когда-то сказал мне, что нашёл целое гнездо на небольшом кладбище около Тринити. За один день он убил двадцать три змеи.

Во время уборки мне часто попадаются всякого вида змеи, ящерицы и тритоны. Заурядные ползучие гады меня не пугают; я почти не обращаю на них внимания. Но ядовитые змеи и пауки заставляют глядеть в оба. Смотря под ноги, я прошла через высокие сорняки к воротам.

На воротах стоял полицейский в форме, я назвалась. Так как на встречу я приехала заранее, а Камиллы нигде не было видно, я попросила Девлина.

— Он ждёт меня, — сказала я полицейскому.

— Вы эксперт по кладбищам? Ворота открыты. Ходите по тропинкам и не заходите за огороженные участки.

Я кивнула.

— Можете подсказать, где я могу его найти?

— Нет, но здесь довольно тихо. Покричите. Он обязательно вас услышит.

Поблагодарив его, я прошла через тяжёлые железные ворота и остановилась осмотреться. Я не увидела Девлина или кого-либо ещё, но не собиралась нарушать торжественную тишину кладбища криком. Папá учил меня вначале рассмотреть каждое кладбище, как будто я гость. Уважай мёртвых, уважай их владения. Ничего не забирай и не оставляй.

Я подумала о корзине с ракушками и гальками, которую собрала в детстве на святом месте в «Розовом холме». Я никогда не рассказывала отцу о той «краже», как умолчала о произошедшем в кабинете. Папá не единственный, у кого есть тайны.

Облака заволокли солнце, и по могилам пронёсся желанный бриз, неся с собой отдалённый шум беседы где-то со стороны стен: видимо, именно там полиция сконцентрировала свои усилия по поиску. Я опустила на мшистый камень, чтобы перевязать шнурок, и на тропе раздался женский голос, сопровождаемый более низким знакомым баритоном.

Отчего от простого звука его голоса мне становилось так неудобно, я не понимала. Первым порывом было поспешно уйти, прежде чем он меня увидит. Вместо этого я проигнорировала внутренний голос и осталась на месте; позже я расценила это решение как поворотный момент в моих отношениях с Девлином. Скоро я пойму, что это был момент, когда дверь, о которой меня предупреждал папá, открылась немного шире.

Глава 9

Близость Девлина застала меня врасплох, и потребовалась секунда, чтобы узнать голос Камиллы Эшби, и ещё секунда на понимание, что я, возможно, подслушиваю личный разговор. Но даже тогда я не дала знать о своём присутствии, но стала медленно перевязывать шнурок.

— ...должен же её кто-то искать, родственники или друзья. Уверена, кто-то объявится, ведь новость попала на первую полосу, — сказала Камилла.

— Будем надеяться.

Пауза.

— Кем бы ни была жертва, она не может иметь отношение к университету. Надеюсь, вы понимаете, о чём я. Мы же с вами не хотим, чтобы какой-нибудь назойливый репортёр установил связь между преступлениями.

— Оба тела были найдены на одном кладбище, — ответил Девлин. — Определённые домыслы ожидаемы.

В мою поясицу словно впились крошечные колючки. На «Дубовой роще» уже находили жертву убийства?

Голоса приближались. Я поднялась и потопталась на каменных плитках, чтобы предупредить о своём присутствии. Несмотря на это, Камилла и Девлин встали как вкопанные, стоило им обойти памятник, который скрывал меня от их глаз.

Не знаю, почему они так удивились и почему мне было неприятно видеть их вместе. Я подозревала, что неудобно мне стало от того, как Камилла коснулась руки Девлина, когда увидела меня на дорожке. Больше всего мне не понравилась фамильярность этого жеста, потому что Девлин казался таким недостижимым, неприкосновенным... но, очевидно, не для Камиллы Эшби.

Я сделала вид, что не заметила прикосновения и взгляда, которым они обменялись.

— Ой, здравствуйте. А я как раз вас искала, — поздоровалась я как можно любезнее.

— А разве уже время? — сдавленным голосом спросила Камилла.

Девлин проверил наручные часы.

— Мы договорились на час, так что вы точно по времени.

Я кивнула, неожиданно довольная, что он встал на мою защиту.

— Как я вижу, поиски уже начались.

Девлин посмотрел на небо.

— Сегодня облачно. Мы стараемся опередить дождь.

— Тогда, наверное, и нам стоит приступить к делу, — бестактно вмешалась Камилла. —

Если не возражаете, я хотела бы поговорить минутку с Амелией.

— Конечно-конечно.

Девлин отошёл в сторону и достал сотовый.

Я попыталась сосредоточиться на Камилле, но чувствовала, что Девлин не сводит с меня глаз. Его взгляд немного отвлекал, и я пожелала, что не уделила большего внимания своей внешности. Мой «конский хвостик» обвис от влажности, а из «косметики» я воспользовалась лишь кремом от загара и средством от насекомых. Более официальный вид, даже для кладбища, мог вызвать сомнения в моём здравомыслии.

С другой стороны, Камилла выглядела такой холодной и невозмутимой даже в жару.

— Извините. Я не хотела прерывать ваш разговор.

— Нет, ничего страшного. Мне, наоборот, нужно поблагодарить вас за пунктуальность.

В наши дни все то и дело опаздывают, а эту привычку я на дух не переношу.

Морщинки на её лбу разгладились, а голос постепенно потеплел. Акцент чарующе напоминал о моей матери и тёте, но Камилла не так сильно тянула гласные, и «а» было чуточку изящней.

Она выглядела совершенно по-иному в нашу первую встречу в её кабинете. Я представляла её красавицей, но Камилла Эшби была женщиной неопределённого возраста, настолько чопорная в манерах и внешнем виде, что являла собой воплощение благовоспитанности и потомственной аристократии.

Сегодня, в хрустящей белой рубашке, аккуратно заправленной в пояс накрахмаленных джинсов, она выглядела моложе, свежее и намного доступнее. Светлые волосы, обычно зачёсанные в гладкое каре, теперь очаровательно вились от влажности, а глаза без очков приобрели более глубокий фиолетовый оттенок.

Девлин казался её более тёмным мужским двойником — высокий, подтянутый и убийственно мужественный. Вчера я оценила превосходную подгонку его рубашки и брюк, а сегодня обратила внимание на профессиональный крой и дорогую ткань, в очередной раз убеждаясь, что он не обычный детектив. Его прошлое интриговало меня всё больше и больше с каждой новой встречей.

Я была среди них явно белой вороной: ни модная и ни стильная в мешковатых карго и топе.

— Я попросила вас встретиться на кладбище по нескольким причинам. Во-первых, мне нужно, чтобы вы присутствовали во время поисков. Я не желаю слышать придирки, что к могилам отнеслись не с должным вниманием и уважением. И во-вторых... — она окинула взглядом кладбище, и между её бровями вновь залегла складка, — будем предельно откровенны: выполненный объём работы вызывает у меня тревогу. Я ожидала увидеть большой прогресс.

— Я потеряла почти неделю из-за дождей, — напомнила я.

— Мы согласовали график независимо от погоды и других факторов.

— Я помню о крайнем сроке, но не могу начать уборку, пока не закончу карту, а я не могу закончить карту, пока мне не позволят вернуться к работе и сфотографировать старую секцию. Ничего нельзя передвигать или убирать, пока мы не составим точное описание хода будущей реставрации.

Камилла на секунду задумалась над дилеммой.

— А если я предложу вам помощь? Работа пойдёт быстрее?

Я постаралась объяснить как можно дипломатичней:

— Я всегда рада добровольцам, но сначала они должны пройти обучение, а это может отнять много времени. Я видела слишком много случаев, когда местные жители из лучших побуждений налетали на старое кладбище с топорами и пилами и начинали вырубать многовековую растительность, совершенно не заботясь об эстетике или символизме.

— Да, это может стать проблемой, — рассудила Камилла.

— Кроме того, я не нахожу причин для беспокойства. Мы не сильно отстаём от графика, и, как только мне позволят вернуться, я найму как можно больше помощников. Это маленькое кладбище. Уборка пойдёт быстро, как только всё будет на месте.

— Эксперт вы, так что оставляю детали на вас, но, пожалуйста, имейте в виду, что эта работа должна быть закончена до начала осеннего семестра и ни днём позже. В этом году наш вуз отмечает двухсотлетие, и комитет решил внести «Дубовую рощу» в национальный реестр.

Это объяснило, почему время вдруг стало столь важным фактором после десятилетий позорного пренебрежения.

На языке сразу же завертелось несколько ответов, которые я разумно не осмелилась озвучить. Не указала я и на сложность включения кладбища, даже такого старого, как «Дубовая роща», в национальный реестр исторических мест. Камилла Эшби сама прекрасно знает жёсткие критерии отбора и то, как лучше всего их обойти.

Так что я просто улыбнулась, кивнула и заверила её ещё раз, что, если не возникнет дальнейший осложнений, закончу проект вовремя и не превышу бюджет.

К счастью, у Камиллы звякнул телефон на входящее смс, и она тут же отвлеклась проверить сообщение.

— Что-то случилось, — отрывисто сказала Камилла, бросая телефон в сумочку. — Мне нужно в университет. Я попрошу своего сотрудника договориться с вами по поводу регулярных отчётов.

— Хорошо, — пробормотала я, хотя больше всего на свете ненавидела, когда у меня стоят над душой.

Камилла бросила взгляд на Девлина, который всё ещё разговаривал по телефону.

— Передайте Джону, что я буду на связи. И скажите... что я рассчитываю на него. Он поймёт, о чём я.

Я проводила её взглядом, злясь, что позволила себя запугать. Может, мне чего-нибудь и не хватает, но в своих профессиональных навыках я никогда не сомневалась — даже с таким запущенным кладбищем, как «Дубовая роща». Процесс реставрации сродни снятию множества слоев запустения, словно восстановление старой картины. Нужно терпение, талант и почти одержимая самоотдача.

За два года с открытия своего дела я работала как проклятая над созданием безупречной

репутации. Никто не мог обвинить меня в нехватке образования, но мой возраст и куцее портфолио несколько раз работали против меня, несмотря на то, что всё детство и отрочество я училась у отца уходу за кладбищем.

Считаю себя преданным ремесленником, но я также деловая женщина и нуждаюсь в благосклонности Камиллы Эшби и прекрасной рекомендации, когда проект будет завершён. Таким образом, я проглотила обиду и приказала себе отправлять еженедельные отчёты, письменные и визуальные, без напоминания.

Я стояла спиной к Девлину, дожидаясь, когда он закончит говорить по телефону, но снова почувствовала тот момент, когда он подошёл ко мне. Волосы на затылке встали дыбом. Я провела по ним рукой и повернулась к Девлину.

Голос отца шептал предупреждение:

Обещай мне, что никогда больше не встретишься с этим человеком.

Я глубоко вздохнула и усилием воли подавила внутренний голос.

Прости, папа.

— Камилла ушла? — поинтересовался Девлин.

От меня не ускользнуло, что он обращается к ней по имени.

— Да. Ей нужно вернуться в университет. Она просила передать вам, что будет на связи и что... она рассчитывает на вас. Она сказала, что вы поймёте, о чём она.

Девлин пожал плечами, как будто сообщение не имело для него ни малейшего смысла, но секундная вспышка раздражения ещё больше разожгла мое любопытство по поводу его отношений с Камиллой Эшби. Они обращались друг к другу по именам, что, казалось, указывало не просто на мимолётное знакомство, как и подслушанная беседа и прикосновение к руке. Камилла старше Девлина, но ненамного, да и для такой привлекательной женщины возраст не помеха.

— Что-то не так?

— Что? Нет... простите. Просто задумалась.

Мне стало интересно, осознаёт ли он всю силу своего взгляда. Догадывается, какой эффект возымел на меня. Возможно, это должно стать ещё одним предупреждением — факт, что я не могу отвести от него глаз. Девлин словно зачаровал меня, но я его не винила. Я и только я ответственна за свои действия. Я приехала на кладбище не ради встречи с Камиллой Эшби. Она только дала мне удобный повод. Я приехала сюда в стремлении к запретному, хотя никогда не делала ничего отдалённо столь же опрометчивого за всю свою жизнь.

В нашу сторону двигалось несколько искателей, и я постаралась перевести на них внимание и успокоить нервы.

— Как иголку в стог сена, — пробормотала я. — Разве дождь не смыл вещественные доказательства, вроде следов обуви и пятен крови?

За долгие годы самодисциплины я научилась говорить спокойным тоном даже под бешеный стук сердца.

— Не всё. Что-то всегда остается. Нужно искать, пока не найдём.

— А если не найдёте?

Девлин посмотрел мне в глаза, и у меня по спине пробежали мурашки.

— Тогда мы позволим ей привести нас к убийце.

— Ей?

— Жертве. Мёртвым есть много чего рассказать, если вы только готовы слушать.

Ирония его заявления меня ошеломила. Перед глазами внезапно всплыла картина, как призрачная девочка тянет его брючину, гладит ногу, изо всех сил стараясь привлечь его внимание. Что она пыталась сказать? И почему он не слушал?

Она пришла и ко мне, но у меня есть веские причины отказать ей. Папа́ прав. Я слишком хорошо знала последствия нарушения правил. Признать призрачную девочку означало пригласить её в мою жизнь, предложить питаться моим теплом и энергией, пока от меня не останется лишь одна ходячая дышащая оболочка. Чего бы она от меня ни хотела, я должна любой ценой защитить свою жизнь. Ради собственной же безопасности я не должна больше встречаться с Девлином и его призраками.

И всё же я стояла на месте, очарованная его близостью.

Девлин повернулся оглядеть кладбище, так глубоко уйдя в свои размышления, что на мгновение мне показалось: он забыл о моём присутствии. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы изучить его профиль, линию скул и подбородка и задержаться взглядом на затемнённом чувственном участке кожи под пухлой нижней губой, где зазубренный шрам портил в целом безупречный профиль. По каким-то причинам этот единственный недостаток гипнотизировал меня. Чем сильнее я пыталась отвести глаза, тем больше он меня манил.

— Мне нужно кое в чём признаться.

Сначала мне показалось, что Девлин меня не услышал, но он всё-таки обернулся, слегка приподняв бровь.

— Когда я только что подошла, то подслушала ваш разговор с доктором Эшби. Вы говорили, что на кладбище был найден ещё один труп.

Его выражение лица ни на каплю не изменилось, но я почувствовала его настороженность, как зверь учуял бы на ветру возможную угрозу.

— И что с того?

— Когда это произошло?

— Много лет назад, — неопределённо ответил он.

Его нежелание уточнять только разожгло моё любопытство. Он мог ещё этого не знать, но моё упорство иногда граничило с одержимостью, если я что-то взяла в голову.

— Убийцу поймали?

— Нет.

— Есть шанс, что эти два убийства могут быть связаны? Я просто спрашиваю, — и тут же поспешила добавить: — Я буду проводить здесь много времени в одиночестве. Это всё немного нервирует, мягко говоря.

Держась более чем осмотрительно, Девлин посмотрел на меня с непроницаемым лицом.

— По прошествии пятнадцати лет я сказал бы, что смело думать о связи, но всё же не рекомендовал бы вам приходить сюда одной. Хотя это место и в черте города, оно довольно изолированно.

— А городские кладбища, особенно в стороне от проезжих дорог, как магнит, притягивают преступников.

— Именно. Вы не можете пригласить кого-нибудь работать вместе с вами? Помощника или кого-нибудь в этом роде?

— У меня будет много помощников с уборкой. До тех пор я буду осторожна.

Казалось, Девлин хотел что-то ещё добавить, но вместо этого отвернулся с коротким

КИВКОМ.

— Могу я кое-что спросить?

— Да?

И снова колебания. Та же скрытность и настороженность.

— Я убила множество часов на исследование истории кладбища и всё же впервые слышу о другом убийстве. Как это возможно?

— Возможно, вы искали не в том месте.

— Не думаю. Я всегда читаю всё, что могу достать, о каждом кладбище, которое реставрирую. Не только окружные отчёты и церковные книги, но также всегда внимательно просматриваю газетные архивы.

— Зачем?

— Трудно сказать, но погружение в историю даёт мне уникальную ретроспективу. Реставрация не сводится к выдёргиванию сорняков и чистке надгробий. Это возрождение места.

— Вы, кажется, сильно увлечены своей работой.

— В противном случае я бы выбрала другую профессию. А вы?

Девлин перевел взгляд с меня на окружавшие нас могилы, но даже мимолётного взгляда в мою сторону хватило, чтобы на душе стало немного теплее.

— Думаю, да, — пробормотал он голосом мягким, точно прохладный шёлк.

— О том теле... — напомнила я.

Он вернулся к старой теме с нежеланием.

— Есть причина, по которой вы не нашли эту информацию в газетах.

— Какая причина?

— Совместное усилие определённых сторон, включая семью девочки, по сохранению расследования в тайне.

— Как им это удалось?

— В этом городе важнее всего то, с кем ты знаешься. Особенно среди высшего сословия. Люди, наделённые властью и влиянием, склонны «смыкать ряды».

Его голос выдал давнее презрение, и я вспомнила тёткино замечание о Девлинах с Юг оф Брод, богатой аристократической семье, которая могла проследить свои корни до времён основания города. Если Девлин дальний родственник из «нечистой» генеалогической ветви, это могло объяснить его отношение.

— В то время начальник полиции, мэр и редактор самой крупной местной газеты были выпускниками Эмерсона. Убийство на территории вуза нанесло бы огромный ущерб репутации заведения.

Я потёрла внутреннюю часть локтя, куда нацелился комар, так как забыла там побрызгать.

— Но почему семья жертвы согласилась на неразглашение?

— Делакуры — чарльстонские аристократы. Если вы хоть что-то слышали о том классе особняков, то знаете, что там готовы избежать скандала любой ценой. Я много чему сам стал свидетелем и всё же был потрясён, как далеко готовы зайти эти люди, лишь бы защитить фамильную честь.

— Даже замолчать убийство?

— Если убийство несёт за собой оскорбление и позор, то да. Эфтон Делакур была семнадцатилетней прожигательницей жизни, неразборчивой искательницей острых

ощущений. Она злоупотребляла наркотиками и алкоголем и, по слухам, баловалась оккультизмом. Неплохой материал для сенсации.

Что-то в его голосе, в настороженном взгляде ускорило мой пульс.

— Что значит, баловалась оккультизмом? Проводила спиритические сеансы?

— Более мрачные вещи.

— Более... мрачные?

Девлин не ответил.

— Как именно она умерла? — наредила я.

— Вы не захотите знать подробностей. Поверьте на слово, — спокойно ответил он.

Я вспомнила, как он отвёл взгляд в ту ночь на кладбище, когда я поинтересовалась причиной смерти. Теперь мне стало интересно: его нежелание озвучивать определённые аспекты убийств — как старого, так и нового — связано с профессиональным благоразумием, или же осмотрительность, с которой он отвечал на мои вопросы, объяснялась его воспитанием и характером. Судя по тому, что я увидела, он в чём-то казался человеком прошлых поколений и мог расценивать свою роль защитника как выходящую за пределы обязанностей детектива.

Странно, но меня не задело его старомодное отношение. Думаю, в какой-то мере это питало юную фантазию, которая все эти одинокие года сидела на постоянной диете в виде Джейн Эйр и мистера Рочестера, Баффи и Ангела.

Как бы то ни было, я была полна решимости вытянуть из Девлина всю историю. Казалось, он это почувствовал и, к моему удивлению, продолжил без дальнейшего побуждения.

— Как много вы знаете о студенческих тайных обществах?

— Почти ничего. Мне известно о «Черепе и костях». Я также знаю, что такого рода сообщества любят использовать кладбищенские образы, так что их эмблемы и символы иногда можно найти на старых надгробных камнях.

— Образы выбирают очень обдуманно. По большей части их используют для создания эффекта властности и устрашения.

— По большей части?

Его выражение внешне не изменялось, но я ощутила едва различимую напряжённость в чертах, в том, как незаметно сжались губы и челюсть.

— Общество в Эмерсоне известно как «Орден гроба и когтя». У него богатые традиции в студенческой среде. Обет наследия передается из поколения в поколения. Некоторые люди считают, что Эфтон Делакур связалась с членом общества. Он завлёл её на кладбище и убил во время своего рода ритуала инициации.

Я почувствовала сырость в брize, что пронесся сквозь старые дубы. Было в этом нечто зловещее, словно я ощутила холодное гнилое прикосновение трупа.

— Его арестовали?

— Никто из непосвящённых не знал, кем он был, и никто в обществе не сдал своего товарища. Верность превыше всего, как и сохранность тайны.

— Вот как? И эта группа до сих пор существует?

— Университет осудил их деятельность после убийства, но многие полагают, что вместо роспуска они просто сильнее ушли в подполье и, словно тень, участвуют в жизни университета и по сей день.

Не знаю, уловила ли я что-то в его голосе или мысль пришла сама по себе, но несколько

частей головоломки словно встали на своё место.

— Те люди, о которых вы упомянули ранее... начальник полиции, редактор газеты, мэр... были членами общества?

— Как я уже сказал, членство в обществе — тщательно скрываемая тайна.

— Но ведь разве всё не встает на свои места? Уберечь пытались не репутацию Эмерсона, а защитить члена общества. — Голос оживился от уверенности. — Теперь я начинаю понимать, почему вчера утром вы пришли ко мне домой и расспросили о символике надгробного камня и образах. Вы думаете, что тот, кто совершил недавнее убийство, может быть каким-то образом связан с тайным обществом.

Девлин не получил шанса ответить. Кто-то окликнул его по имени, и он резко повернулся.

— Я здесь!

— Мы кое-что нашли! — крикнул полицейский. — Вы захотите это увидеть!

— Ждите здесь, — бросил Девлин через плечо и поспешил по дорожке.

Я действительно ждала... секунд так тридцать, но почувствовала необходимость последовать за Девлином через лабиринт надгробий в более старую часть кладбища.

Пройдя через арку, разделяющую секции, я заметила остроконечную крышу прямо впереди. Мавзолей Бедфорд был самым старым на кладбище, его построили в 1853 году как последний приют для Доротеи Прескотт Бедфорд и её потомков. Готического дизайна, увенчанный серией крестов, сам мавзолей встроили в склон холма, что делало его уникальным. Любая возвышенность необычна для Низины, и это стало одной из причин, по которой я сочла «Дубовую рощу» такой неуютной. Топография здесь просто ненормальная.

Я шла глубже во мрак, и температура заметно понизилась. Раскачивающиеся космы вьющегося мха не пропускали большую часть света, позволяя щупальцам плюща опутать статуи и памятники, уже потемневшие от лишайника. Там, где свету всё же удалось пробиться, точно кристаллы, на гигантских филодендронах блестели бусинки воды. Словно я оказалась в сердце первобытного тропического леса.

Я потеряла Девлина из виду, но стоило мне дойти до конца заросшей тропы, как я услышала его голос. Он был где-то справа от мавзолея. Как только я выпуталась из дикой виноградной лозы, то разыскала его. Он стоял с группой потрёпанного вида мужчин в потных рубашках и забрызганных грязью брюках. Они собрались вокруг могилы, отмеченной надгробием в виде дощечки.

Я медленно подошла к ним, ожидая, что в любую минуту Девлин обернётся и прикажет мне отойти. Но он ничего не сказал, даже когда я подошла к нему вплотную.

В пятнистом свете я уставилась вниз в поисках того, что привлекло их внимание.

И тут я это увидела...

Точно ранневесенний шафран, среди мёртвой листвы торчала рука скелета.

Глава 10

Через полчаса приехала целая толпа. Полицейские в штатском и униформе, отмахиваясь от комаров и вытирая потные лица, пробирались сквозь заросли, чтобы взглянуть на последнюю находку. Они были профессионалами и держались на солидном расстоянии, пока чарльстонский коронёр, крошечный рыжеволосый моторчик по имени Регина Спаркс, осматривала останки. Я ещё никогда не встречала человека, которому бы так шла его

фамилия^[17]. Даже стоя неподвижно возле могилы, эта женщина излучала маниакальную энергию, что не вязалось с её невозмутимостью.

Я подалась назад, чтобы не путаться под ногами. После долгих консультаций с коллегами Девлин подошёл ко мне.

— Вы в порядке?

— Насколько может быть в порядке обычный человек в сложившихся обстоятельствах. — Я колебалась, не желая озвучивать страшные мысли, крутящиеся в голове, как заезженная пластинка. — Это ведь не совпадение? А если есть и другие? Если это только начало... — Я не смогла выговорить нужное слово. — Вы поняли, о чём я.

Девлин оставался по-прежнему осмотрительным, но я почувствовала скрытую тревогу, которая не смогла унять мой страх.

— Лучше не делать подобных выводов, пока у нас не будут на руках все факты. Прямо сейчас я хотел бы задать вам несколько вопросов о «Дубовой роще». Мне нужно знать об этом месте, и вы единственная, кто может мне помочь.

Я кивнула, благодарная, что хоть чем-то могу быть полезна.

— Что вы делаете первым делом, когда берётесь за подобную работу?

Вопрос меня немного удивил, но я ответила без колебаний:

— Прохожу всё кладбище. Ещё до того, как начинаю делать фотографии.

— Значит, вы были везде. Даже здесь?

— Сюда я ходила, да. Но только я начала фотографировать в пятницу, как небо затянуло тучами.

— Вы не заметили ничего необычного, в любой из секций?

Я взглянула на останки.

— Ничего подобного, уверяю вас.

— Меня больше интересуют отвёрнутые надгробия, о которых мы вчера говорили. На кладбище есть ещё такие?

— Не могу сказать.

Он нахмурился.

— Вы не помните?

— Не совсем. Я уже говорила вам раньше, что отвёрнутые надгробия не так уж редки. Это только из-за расследования они привлекли внимание. В тот обход меня больше заинтересовали другие особенности этого кладбища.

— Какие, например?

— Семь нетронутых могил со съёмной крышкой и надгробными выступами. Это действительно редкость, особенно в Южной Каролине.

— Что вы только что сказали?

— Могила со съёмной крышкой и надгробными выступами. Название прямо отражает вид захоронения — это горизонтальная гробница в форме коробки. У изголовья и изножья делаются выступы, а поверх кладут крышку со специальными прорезями. Подобные захоронения я встречала только в северо-восточной Джорджии. И, конечно, мавзолей Бедфорд. — Я повернулась и посмотрела на башни и зубцы, едва различимые сквозь пышную растительность. — Его построили в склоне холма. Такого в Низине не увидишь.

— Рукотворный?

— Холм? Должно быть. Весь мавзолей покрыт кудзой, поэтому я мало что могу сказать о постройке. В любом случае, как я уже сказала, это лишь некоторые из особенностей,

которые привлекли моё внимание. Я не помню отвёрнутых надгробий, но они должны быть. Давайте обойдём кладбище, чтобы знать наверняка.

— Неплохая идея.

В этот момент к нам подошла Регина Спаркс, её круглое лицо блестело от жары. Девушка приподняла волосы, чтобы проветрить шею.

— Жарче, чем в аду. Влажность должно быть под сто. — Она одарила меня дружелюбной улыбкой. — Поверить не могу, что мы встретились. Регина Спаркс.

— Амелия Грей.

— Она кладбищенский эксперт, о котором я рассказывал, — представил меня Девлин.

Регина бросила на него взгляд, а затем повернулась ко мне. Казалось, она тоже не застрахована от Девлиновского магнетизма.

— Вас зовут Королевой кладбища?

— Да, но откуда вы знаете?

Я была одновременно рада и смущена, что она знает мой ник.

— Моя тётя живёт в Самаре, штат Джорджия. Она прислала мне видео с вашим интервью и парящим «привидением», — объяснила Регина, делая в воздухе кавычки. — Это была самая сенсационная новость в этом городке за последние лет сорок. Тётя про вас все уши прожужжала.

— Мир тесен, — пробормотала я.

— Без шуток. Вот подождите, я про нашу встречу ей расскажу. У вас не найдётся надгробия с оттиском или чего-нибудь с вашим автографом?

— Э-м-м, нет, извините. А оттиски я не рекомендую. Процесс может быть разрушителен для надгробия.

— Правда? Как жаль. Тёте бы очень понравилось.

— Вы не возражаете? — вмешался Девлин. — Если не проблема, я хотел бы узнать твою первоначальную оценку.

— Амелии? — Регина мне подмигнула. — Милая девушка, уверенно держится на камеру.

— Я про останки, — сухо перебил Девлин.

— Ах, ты про трупик. Мёртв, как покойник.

Вероятно, такому человеку, как Девлин, трудно воспринимать остроты Регины. Он весь в деле, и я бы удивилась увидеть что-то большее, чем намёк на улыбку. Люди, за которыми охотятся привидения, часто ходят мрачнее тучи, и их вряд ли можно за это винить.

Регина откинула чёлку, отчего у неё на макушке образовался странный хохолок, хотя я сомневаюсь, что именно такого вида она добивалась.

— Мне тут особо делать нечего. Я даже не могу сказать наверняка, что мы нашли не первоначальное захоронение. Рука чертовски чистая. Ни мышц, ни связок, только кости. Кем бы ни был этот бедный мужичок, он здесь уже лежит не один год.

— Должна быть женщина, — заметила я, и ответом мне стали одновременно поднятые брови. — Если кости из первоначального захоронения, то останки, скорее всего, женского пола.

— Вот как. — Регина прихлопнула комара, оставив кровавый след на руке, и машинально вытерла руку об джинсы. — Могу я полюбопытствовать, как вы пришли к такому выводу. Надпись на могильной плите ведь совсем не разобрать.

— Если посмотреть на верхнюю часть камня, то можно заметить цветочный мотив...

роза, которая почти всегда символизирует женственность. Бутон ли, цветок или что-то среднее между ними указывает на возраст умерших. Бутон — ребёнок до двенадцати. Полуоткрытый цветок — подросток, и так далее. Распустившаяся роза и бутон иногда используются вместе для обозначения совместного погребения матери и ребёнка. На этом камне я увидела одну розу в полном цвету.

Регина повернулась к Девлину.

— Ну, видимо не зря её прозвали Королевой кладбища.

— Очевидно, что не зря. — Его глаза казались почти чёрными в тени. — Что-нибудь ещё добавите?

— Да, и это немного странное совпадение, учитывая наш предыдущий разговор. Если присмотреться, то можно разглядеть очертания крылатого лика. Только не мёртвую голову, а херувима, который получил распространение в середине девятнадцатого века.

— Может, просветите, о чём вы, — сказала Регина, почёсывая место укуса.

Я дала ей самое короткое объяснение:

— Череп, мёртвая голова, используется для представления таких мрачных аспектов смерти, как конечность жизни и покаяние, но эволюция образов херувимов и подобных ему символизировала более оптимистичное отношение к загробной жизни — душу в полёте и вознесения на небеса.

— Душу в полёте, — задумчиво произнес Девлин. — Как перо на другом камне?

Вот она. Связь между телом, обнаруженным прошлой ночью, и скелетными останками, найденными меньше часа назад. Никто из нас ничего не сказал, но я знала, что наши мысли потекли в мрачном направлении.

Регина недоуменно переводила взгляд между нами.

— Ну и?..

Девлин кратко пересказал ей наш прошлый разговор. Она выслушала его с хмурым видом.

— Я никогда не задумывалась, как все эти надгробия ставятся, но разве крылышки и перья — все эти души в полёте — не распространены на христианском кладбище?

— Да, это не редкость, — согласилась я. — Особенно на таком старом кладбище, как «Дубовая роща». Разные эпохи используют разные образы, но некоторые символы никогда не исчезают. Они просто изменяются.

Регина повернулась обратно к Девлину.

— Ты правда думаешь, что это имеет отношение к делу?

— Я займу выжидательную позицию. Ещё слишком рано считать, что символы больше, чем просто интересное наблюдение.

— Вот именно, интересное. — Она посмотрела на меня. — Вам есть что ещё нам сказать?

— Только это. Если кости из первоначального захоронения, то вам необходимо уведомить центр государственной археологии. Останки, которым более века, попадают под юрисдикцию Темпл Ли. Я могу позвонить ей, если хотите.

Регина пожала плечами.

— Лишним не будет.

— Нам нужен Шоу для эксгумации и энтомолог, чтобы помочь определить ИПМ.

— Что такое ИПМ?

— Интервал пост мортем. Количество времени, прошедшее с момента смерти.

— Я думал, Шоу всё ещё на Гаити, — заметил Девлин.

Регина вытащила телефон из заднего кармана.

— Есть только один способ узнать наверняка.

Она отошла позвонить, оставив меня наедине с Девлином.

— Она про Итана Шоу говорила?

Девлин удивлённо взглянул на меня.

— Да. Он судебно-медицинский антрополог, и обычно мы пользуемся его услугами в подобных случаях. Я так понял, вы его знаете?

— Я встречалась с ним один раз, совсем недолго, через его отца.

— Охотника за привидениями?

— Руперт Шоу — больше, чем охотник за привидениями. Он руководит одним из самых уважаемых институтов по исследованию парапсихологии в нашей стране.

— Вряд ли это заслуживает доверия, — заметил Девлин. — Не говорите мне, что верите во всё это мумбо-юмбо.

— Стараюсь держать разум открытым. А вы его знаете, доктора Шоу?

— Наши пути пересекались.

Что-то в его голосе привлекло моё внимание.

— По работе?

— Послушайте, я, наверное, не тот человек, которого стоит спрашивать про Руперта Шоу. По-моему, в лучшем случае он чудак, в худшем — мошенник. Хотя не удивлён, что он смог сделать себе имя в этом городе. Чарльстонцы всегда были высокого мнения об эксцентриках.

— Но не вы.

На его лицо упала тень.

— Я не особо верю в то, что не могу увидеть собственными глазами.

Интуиция подсказывала мне, что нужно закрыть эту тему, но, видимо, я не особо прислушивалась к предупреждениям в последние дни, ни к голосу рассудка, ни к другим увещаниям.

— А что насчёт эмоций? Страх, одиночества, печали. Или даже любви. Просто потому, что вы не можете что-то увидеть, ещё не значит, что этого нет.

Он замер, и я заметила, как что-то мелькнуло в его глазах: тьма, от которой у меня побежали мурашки по коже, прежде чем наваждение прошло.

— Просто дружеский совет насчёт Руперта Шоу. Я не знаю, какие дела вас связывали с этим мужчиной, но я бы осторожнее отнёсся к будущему сотрудничеству.

— Я ценю вашу заботу, но если вы не можете предложить что-то более определённое, чем презрение к его профессии, то я не вижу необходимости менять своё мнение или отношения с доктором Шоу. Он всегда был со мной любезен.

— Как хотите, — пробормотал он.

Я думала, что разговор окончен, но Девлин взял меня за локоток и повёл вглубь теней, где нас никто не мог подслушать. Мы стояли так близко, что я чувствовала кладбищенский запах на его одежде. Не смрадный запах смерти, но чувственный аромат земли пышного таинственного сада.

«Это не честно», — подумала я. Кладбище должно было быть моим владением, так почему им пахнет другой? И почему у меня покалывает кожу в том месте, где он обхватил мою руку?

Словно почувствовав моё смущение, Девлин отпустил руку.

— Ранее вы спрашивали о задержании по ходу убийства Эфтон Делакур. Ни одному человеку не было предъявлено официальное обвинение, но Руперта Шоу доставили на допрос.

— На каком основании?

— Он был профессором университета, читал лекции по древней погребальной практике, примитивным погребальным обрядам и прочему. После убийства Эфтон некоторые из его учеников признались, что присутствовали на спиритических сеансах в его доме и в мавзолее здесь, на этом кладбище. Они сказали, что у него есть теория касательно смерти, и он одержим сбором доказательств.

— Что за теория?

— По его словам, во время смерти открываются двери или ворота, которые позволяют наблюдателю заглянуть за другую сторону. Чем медленнее смерть, тем дольше дверь остаётся открытой, так что можно даже пройти сквозь неё и вернуться назад.

И тут я снова вспомнила папины слова.

Как только дверь откроется... её нельзя будет закрыть.

Я в тревоге уставилась на Девлина.

— Какое отношение эта теория имеет к смерти Эфтон Делакур?

Выражение его лица не дрогнуло.

— Её пытали, стараясь как можно дольше отстрочить смерть.

— Это ужасно, но вряд ли доказывает...

— Её тело было найдено в мавзолее, где Шоу якобы проводил свои спиритические сеансы.

Я не нашлась, что ответить. Во рту внезапно пересохло.

— Я не утверждаю, что он в чём-то виновен, — добавил Девлин. — Просто будьте осторожны. Не имейте дел с ним и его подозрительным институтом.

Прошло меньше сорока восьми часов с моей первой встречи с Джоном Девлином, но, кажется, ни один из нас не подумал, что Девлин проявляет слишком назойливый интерес к моим личным делам.

— Откуда вы столько знаете? — спросила я с тревогой. — Вы сказали, что расследование замяли, а вы слишком молоды, чтобы служить тогда в полиции.

— Моя жена была одной из студенток Руперта Шоу, — тихо сказал он и с этими словами удалился.

Глава 11

Миллион вопросов крутилось в моей голове — о жене Девлина, его призраках, — но я оставила их при себе, наблюдая, как Девлин идёт обратно к Регине Спаркс. Думаю, я ещё не готова узнать ответы. Может быть, до сих пор цеплялась за мысль, что, если Девлин останется незнакомцем, я смогу сохранить дистанцию между нами.

Конечно, совершенно ложное представление, так как, несмотря на всё, наши судьбы уже переплелись. Мы просто этого ещё не знали.

С некоторым усилием я повернула мысли в другое русло и пошла обратно к своей машине. Я не знала, что делать с информацией про Эфтон Делакур, но начала опасаться худшего. Я не понимала, как обнаружение трёх тел на одном кладбище не может быть

связано между собой, даже несмотря на временной разрыв. Однако если скелетные останки окажутся первоначальным захоронением, то я с большей охотой поверю, что два убийства случайны. Как сказал Девлин, пятнадцать лет — большой срок, а заброшенное кладбище неплохое место, чтобы спрятать труп.

Из всех «откровений» Девлина, которые я вытянула из него клещами, не сомневалась я только в одном: он презирает Руперта Шоу. По моему мнению, его отношение совершенно ошибочно.

Я познакомилась с доктором Шоу вскоре после переезда в Чарльстон. Кто-то отправил ему самарское видео, и он связался со мной через мой блог. Мы продолжали общаться по электронной почте и иногда ужинали вместе. С помощью одного из его научных сотрудников я нашла дом на Рутледж-авеню. По одной только этой причине я была склонна иметь положительное мнение о Руперте Шоу независимо от слов Девлина.

Выбравшись из бурьяна на дорогу, я поспешила к своему внедорожнику за телефоном. Он провалился между сиденьем и приборной панелью: должно быть, выскользнул из кармана, пока я переобувалась.

Темпл в офисе не оказалось, и я оставила ей голосовое сообщение, кратко объяснив ситуацию и попросив как можно скорее перезвонить.

Стоило мне захлопнуть дверцу автомобиля, как я заметила мужчину, прислонившего к машине, припаркованной перед моим внедорожником. Несмотря на пасмурный день, на мужчине были солнцезащитные очки, и он поднял голову так, что я смогла полностью разглядеть его лицо. Но я сразу же его узнала. Этого человека я видела вчера на Батареи.

А сегодня он оказался на «Дубовой роще».

Я оглянулась на дорогу и заметила рядом с патрульной машиной полицейского в униформе, который разговаривал по голосовой связи. Раздался шум радиопомех, и я убедилась, что страж порядка достаточно близко и услышит мой крик, если понадобится.

Пришелец слегка поднял голову, стоило мне подойти к капоту машины.

— Амелия Грей?

Зазвучал тревожный звоночек.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я прочёл о вас в газете. Меня зовут Том Геррити.

Вместо рукопожатия он сложил руки на груди и перекинул ногу на ногу, по-прежнему прислоняясь спиной к машине. Он выглядел весьма непринуждённым. К сожалению, о себе я не могла сказать такого же.

— Мы знакомы?

— Нет, но я видел вас один раз.

— Вчера на Батареи?

Мелькнула улыбка.

— Мне льстит, что вы помните.

Я бросила ещё один взгляд на полицейского. Он продолжал говорить по рации, в пределах слышимости.

Я чувствовала, как меня изучает Геррити. Смущало, что я не могу заглянуть ему в глаза. Та часть лица, которую не скрывали очки, была очень привлекательна. Он был даже красивее, чем Девлин, но не обладал Девлиновским опасным очарованием, следовательно не нёс никакого соблазна нарушить правила.

«У судьбы очень странное чувство юмора», — решила я. Первый мужчина на свете,

который разжёт во мне искру желания, оказался жертвой привидений.

Но я не могу об этом сейчас беспокоиться. Том Геррити преследовал меня, и я должна выяснить почему.

— Что вы хотите, мистер Геррити?

— Прямо к делу. Мне нравится такой подход. А хочу я, мисс Грей, канал в полиции.

Я уставилась на него с нескрываемым подозрением.

— Канал? Вы репортёр? Хотите, чтобы я поделилась информацией о ходе расследования? Зря надеетесь.

— Я не репортёр и здесь не за информацией. Хочу, чтобы вы передали Джону Девлину сообщение от меня.

Я кивнула в направлении ворот.

— Он всё ещё на кладбище. Можете поговорить с ним сами.

— На воротах охрана. Меня не пропустят.

— Но если вы располагаете информацией...

— Не в этом дело. Для чарльстонской полиции я персона нон грата.

Я отогнала муху, кружащую у моего лица.

— Почему?

— Скажем так, копы не любят частных детективов. Девлин никогда со мной не встретится и не ответит на мой звонок. Мне нужно, чтобы вы стали нашим посредником.

— А с чего мне им становиться?

— Я знаю личность жертвы.

Его откровение застало меня врасплох, и я уставилась на него в изумлении.

— Её звали Ханна Фишер. Её мама попросила меня разыскать её.

— Разыскать? Она пропала?

Всё это время он оставался в одной и той же позе. Руки сложены на груди, лодыжки скрещены, голова откинута. Удивительно, как он мог оставаться таким неподвижным.

— В прошлый четверг, за день до бури, миссис Фишер нашла Ханну в её комнате, дочь упаковывала вещи. Девушка выглядела так, словно не спала и не мылась несколько дней. Было ясно: она скрывается от кого-то, но Ханна так и не сказала, от кого именно. Ей совсем не хотелось подвергать мать опасности. Она попросила достаточно денег, чтобы исчезнуть, настаивая на том, что это единственный способ обоим выжить. Миссис Фишер отдала ей все свои деньги и ключи от машины. Ханна сбежала, и с тех пор я её ищу, пока пару дней назад след не привёл к её окоченевшему трупу.

— Как вы можете быть так уверены, что это она? Газета не описывала внешность жертвы.

Он поднял плечо.

— Называйте это интуицией, инстинктом. Моя бабушка сказала бы, что это дар. Могу лишь сказать, что я не ошибаюсь в подобном. Никогда. Вот почему меня зовут Пророком.

На шее выступила гусиная кожа.

— Вы знаете, кто убил Ханну Фишер?

— Это вам придётся выяснить самой.

— Надеюсь, вы это не буквально.

— Тело Ханны Фишер оставили на той могиле специально. Выясните причину — найдёте убийцу.

— Я не детектив.

— Но вы знаете кладбища. А это может стать ключом в расследовании.

Не особо утешающая мысль.

Вибрация на телефоне испугала меня так сильно, что я подпрыгнула. С неохотой отвела взгляд от Геррити и проверила дисплей. Это перезванивала Темпл.

— Мне нужно ответить на звонок. Что ещё вы хотите, чтобы я передала Девлину?

— В последний раз, когда Ханну видели живой, она была в белом сарафане с красно-жёлтыми цветочками. Можете сказать ему это.

Я приложила телефон к уху и пошла к задней части машины, чтобы Геррити не услышал разговор.

— Спасибо, что так быстро перезвонила.

— Судя по сообщению, у тебя там настоящий шурум-бурум.

— Могу сказать наверняка только то, что для эксгумации будет разрыта могила, относящаяся к периоду до гражданской войны. Я решила, что ты захочешь приехать.

— Да, но... подожди секунду.

Она произнесла что-то неразборчиво, и я услышала возбуждённые голоса на заднем фоне.

— Где ты? — поинтересовалась я.

— В твоих краях, на одном из островов. Раскапываем возможный курган. Только что нашли прелюбопытные артефакты, так что я не смогу сегодня попасть на кладбище.

— Завтра?

— Очень постараюсь. С кем мне связаться?

— Джон Девлин из чарльстонской полиции, но также вызовут судебного антрополога по имени Итан Шоу.

— Я знаю Итана. Позвоню ему, как только мы закончим разговор. Кстати, может, купишь мне сегодня ужин и поведешь как твоё житьё-бытьё? Ну, помимо того, что ты оказалась замешана в убийстве.

Мы договорились насчёт времени и места, и я повесила трубку. Когда я обошла машину, то обнаружила, что Том Геррити уже исчез.

Я проверила дорогу в обоих направлениях, но его не увидела и пошла обратно на кладбище. На полпути к воротам возникло странное ощущение, что за мной наблюдают.

Обернувшись через плечо, я ожидала увидеть Геррити за своей спиной, но на тропе никого не оказалась. Я не заметила никакого движения, не считая вихря семян лисохвоста^[18] рядом с деревьями — словно ребёнок тряхнул игрушечный снежный шарик. Немного полюбовалась пейзажем и продолжила путь.

Десяток шагов спустя снова испытала странное ощущение.

Встрепенувшись от испуга, я настороженно осмотрелась, бросив по сторонам косые взгляды. Справа мне удалось поймать краем глаза какое-то движение, и сердце тут же забилося чаще.

С нарочитой медлительностью я обернулась и увидела что-то прямо за линией деревьев. Тёмная фигура крадучись выскользнула из-за леса.

Силуэт двигался прочь от меня, но стоило мне бросить на него взгляд, как тёмная голова поднялась и медленно повернулась в мою сторону.

Воздух словно застыл, и я ощутила сомнение, словно животное присматривалось к своей жертве. И вдруг бурьян резко разошёлся в сторону, как будто кто-то рванул прямиком ко мне, прорезая себе путь невидимой косой.

Что бы это ни было, оно шло на меня, точно товарняк, и предшествовал ему неестественный холод, подобный которому я никогда раньше не испытывала. Я стояла ни живая, ни мёртвая.

Вьюга из пуха кружилась в воздухе, а у меня по спине бежали ледяные мурашки. Оно приближалось. Я уже ощущала противоестественную сырость на коже, но всё равно не могла пошевелиться.

Сердце бешено колотилось, по венам рванул адреналин. Я развернулась и побежала.

Ничего не слышала позади. Ни топота шагов. Ни треска веток. Но я знала, что оно там знала, что не смогу обогнать эту... тварь, тёмную сущность.

Тем не менее, я не останавливалась.

Мгновение спустя выбежала из бурьяна и увидела Девлина. Он был один и шёл в моём направлении, и я отреагировала чисто инстинктивно: бросилась прямо ему в объятия. Это было импульсивное решение, но Девлин с лёгкостью меня поймал.

Он был такой тёплый, такой сильный, такой... человечный. И в его объятиях было так хорошо. Я не отпрянула, как того требовали приличия, но ещё сильнее прижалась к нему.

— Что случилось?

Не в силах говорить, я могла только дрожать.

Девлин крепче меня сжал, и теперь я ощутила, что аура защитника, которую чувствовала в нём ранее, хоть капельку, но распространяется и на меня. Он ещё ненадолго одолжил мне уют своей груди, прежде чем отступил на шаг и, удерживая меня на расстоянии вытянутой руки, посмотрел в лицо.

— Скажите мне, что случилось.

Страх и шок заставили меня говорить, не думая.

— Я увидела что-то на краю леса.

— Что это было? Животное?

— Нет... тень.

Сущность. Призрак. Один из иных.

Девлин посмотрел на меня в недоумении, но попытался найти хоть крупицу смысла в моём лепете.

— Вы увидели тень какого-то человека?

Не человека, а тёмной твари.

— Я не рассмотрела. Когда он пошёл за мной, я просто повернулась и побежала.

Он сжал мои руки.

— Пошёл за вами? Вас кто-то преследовал?

— Да. Думаю... да.

— Но вы не разглядели лица.

— Нет. Я не разглядела лица.

Его взгляд переместился в сторону леса позади меня.

— Скорее всего, вас решил попугать кто-то из студентов. Я пойду посмотрю.

— Девлин?

Я даже не знала, что хотела сказать ему, но слова замерли на губах, стоило мне посмотреть за его плечо, где уже появился мерцающий свет. Спустя мгновение через завесу в сумерках прошли его призраки.

Девлин ничего не нашёл в лесу. Я не была удивлена. Сущность, которую я увидела на краю леса, была не из плоти и крови, чтобы оставить след, но каким-то образом она обладала силой. Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Но на данный момент мне было о чём ещё беспокоиться. Мы стояли возле моего внедорожника, а призраки Девлина кружили рядом. Холод их присутствия снедал меня. Я сдерживалась из последних остатков сил.

Девочка держалась сбоку, щекоча Девлина за ногу, но женщина на этот раз скользнула вперёд. Её смелость встревожила меня. Ледяной огонь её глаз пугал. Конечно, я не смотрела на неё в открытую, но всё равно видела краем глаза. Она была красавицей. Экзотичной и знойной. Даже в смерти она обладала мощной, ощутимой аурой.

Девлин взглянул на меня.

— Вы уверены, что с вами всё в порядке?

Он коснулся моей руки, и меня словно пронзило молнией. Воздух вокруг нас наэлектризовался, и по моему телу пробежали мурашки.

Привлечённая приливом энергии, женщина потянулась в мою сторону. Она положила ладонь на мою руку, подражая Девлину. Дневная жара ещё держалась на моей коже, и призрак скользнула пальцами вверх по моей руке, смакуя тепло. Я чувствовала её ладони в моих волосах, дыхание у уха. Её губы коснулись моей шеи. Прикосновения напоминали леденящий шёпот, и подошла она ко мне не для того, чтобы просто отобрать моё тепло. Она дразнилась.

Призрак стояла позади меня, а Девлин — передо мной. Более жуткую шведскую семью я не могла себе представить. Мне потребовалась вся сила воли, до последней капли, чтобы проигнорировать призрачные ласки. Девлин что-то мне сказал, но я не расслышала ни слова.

Я уставилась на него, пытаюсь сосредоточить на нём всё своё внимание. Выражение его лица не изменилось. Он совершенно не представлял, какое представление разыгрывается вокруг нас.

— Я чуть не забыла вам сказать, — сказала я лишь слегка запыхавшимся голосом. — Я кое-кого видела ранее. Частного детектива по имени Том Геррити.

Слова возымели эффект разорвавшейся бомбы. Руки призрака замерли в моих волосах, а у Девлина напряглось лицо. Женщина уплыла обратно на своё место, а затем вместе с ребёнком растаяла вдалеке, как если бы его внезапная смена настроения отразила их атаку.

— Чего он хотел? — Его слова прозвучали неожиданно холодно и резко. Мне пришлось подавить очередную дрожь.

— Он попросил меня передать вам сообщение.

— Какое сообщение?

Я быстро пересказала наш разговор с частным детективом. Девлин ничего не сказал, но я заметила, что одно упоминание имени Геррити его расстроило.

— Он сказал, что ему нужен посредник, потому что он персона нон грата в отделе полиции, — ответила я. — Что он сделал?

У Девлина на скуле выступили желваки.

— Он был копом. Расследование обернулось крахом, и из-за него погиб другой полицейский.

У меня возникло такое чувство, что это лишь крохотная часть истории, но я не услышу

её от Девлина. Но меня это полностью устраивало. Наше время кончилось. Мне нужно убраться от него и его призраков. Подальше от «Дубовой рощи» и твари, что вышла из леса. Случилось много чего, и я хотела оказаться дома, в целостности и сохранности, в моём маленьком святилище, чтобы попытаться понять смысл происходящего.

Но стоило мне уехать, как я поняла, что скучаю по прикосновениям Девлина. Холодная и опустошённая, я стала повторять правила отца, точно молитву.

Глава 12

Мы с Темпл договорились встретиться вечером в «Восторге», фьюжн ресторане на Митинг-стрит, расположенном в красивом старинном здании, бывшем когда-то домом приходского священника. Не знаю, освящено ли само здание или земля под ним, но это было одно из немногих мест в Чарльстоне — не считая множества церквей — где я чувствовала себя в безопасности и покое. А сегодня вечером это чувство было нужно мне сильнее, чем когда-либо.

Покинув кладбище, я приехала домой принять душ и переодеться и постаралась не думать о твари, что вышла из леса. Или о Девлине и его призраках. Я хотела верить, что в событиях дня определённую роль сыграло моё воображение, но несколько часов спустя меня всё ещё била дрожь.

Даже в детстве я никогда не испытывала подобного ужаса. Отец внушил мне страх перед призраками, но также дал возможность защитить себя от них. Теперь я не была так уверена, что этих правил достаточно. Подобного тому, что выглянуло из леса, я никогда прежде не встречала.

Более холодные, сильные и алчные существа их всех, которых ты когда-либо встречала.

Папино предупреждение заставило меня вздрогнуть от ужаса, и я задалась вопросом, как же всё связано между собой: призраки Девлина, повторное появление старика и теперь ещё та тень. И в центре всего моё растущее притяжение к мужчине, за которым охотятся духи. Нужно просто держать дистанцию с Девлином, но его притяжение я чувствовала даже на расстоянии.

Найдя место для парковки в нескольких кварталах от ресторана, я поспешила вдоль по-прежнему шумных улиц, всё время оглядываясь через плечо. Сегодня ночью я беспокоилась не только о потусторонних опасностях. Пока убийца на свободе, я не ослаблю бдительность.

Ветер стих, и у меня волосы встали дыбом — верный знак, что атмосферное давление упало, погружая город в тяжёлое ожидание. Жуткое затишье перед бурей.

Темпл поджидала меня в баре, и я пришла в замешательство, обнаружив, что она пригласила с собой Итана Шоу. Не то чтобы я была против его компании. Он унаследовал достаточно отцовского обаяния и харизмы, чтобы быть интересным компаньоном для ужина. Но если Руперт напоминал увядающую кинозвезду, Итан был больше похож на парня по соседству.

Как только мы расселись, я быстро узнала, что Итан и Темпл знакомы друг с другом по университету. Мне смерть как хотелось узнать больше об убийстве Эфтон Делакур и слухах о причастности «Ордена гроба и когтя», но поскольку Руперт, по-видимому, был замешан в убийствах, я подумала, что лучше подождать, пока мы с Темпл останемся одни. Выложив им о находке на «Дубовой роще», я стала тихонько потягивать каберне совиньон, пока эти двое

обсуждали мою новость.

С моего места сквозь арочные окна открывался вид на сад, где сразу за фонтаном в глубокой тени парил призрак.

Это был мускулистый парень с толстой шеей и широкими бычьими чертами лица. Ученик старших классов, решила я, потому что на нём была темно-бордовая школьная куртка с золотой W на груди и рукаве.

Он стоял, расставив ноги врозь и сжав руки в агрессивной обезьяноподобной манере, отведя их подальше от своего тела. Призраки молодых, особенно детей, всегда ко мне прикасаются, но этот был другим. Что-то в нём (не считая того что это был призрак) я находила крайне неприятным. Даже пугающим.

Чем бы духи ни занимались при жизни, аура у большинства призраков была туманной и эфирной, но в его случае я не увидела грации и красоты. Его окружала тьма, искажённая враждебностью и гневом, и мне не хотелось смотреть на него.

Я как ни в чём не бывало подняла бокал и отвернулась от окна, гадая, есть ли у этого парня жертва, которая сейчас в ресторане.

Темпл ловко перевела разговор на свою любимую тему — работу. Этим вечером она выглядела прекрасно в белой хлопчатобумажной тунике и джинсах. Расшитый бисером вырез придавал простой рубашке богемный стиль, который был ей очень к лицу.

— Два года, а я до сих пор не нашла подходящей замены Амелии, — жаловалась она Итану. — Она была моим самым дотошным напарником. Настоящая зануда. Мы как-то приехали на кладбище, и там нужно было всё воспроизвести, вплоть до положения каждой ракушки. Амелия сводила меня с ума, но теперь я мечтаю о двух таких.

— Ты мне льстишь, — возразила я.

— Нет, это правда. В наши дни больше не найдёшь человека, который бы так соблюдал профессиональную этику.

— Видимо, всё дело в правильном воспитании.

— Скорее всего, — улыбнулась она.

— Папа сказал мне, что вы выиграли заказ на «Дубовую рощу». Мои поздравления.

Итан поднял бокал в мою честь.

— Спасибо, но как доктор Шоу узнал о контракте? Как я понимаю, вся работа должна держаться в тайне до дня открытия.

— Он заседает в комитете, который отвечал за окончательное утверждение кандидата.

— Ясно. Ну, я ценю его веру в меня, но если вскоре не смогу добиться значительного прогресса, то не уверена, как долго будут необходимы университету мои услуги.

— Задержки произошли не по вашей вине. Комитет войдёт в ваше положение.

— Комитет, возможно. Я не уверена насчёт доктора Эшби.

— Камиллы Эшби? — насмешливо фыркнула Темпл.

— Ты знаешь доктора Эшби? — удивилась я.

— Камилла училась вместе с нами в Эмерсоне, — объяснил Итан.

— Мы с ней какое-то время были соседками по комнате. — Темпл деликатно прикрыла свои рубиновые губки салфеткой. — Мы были близкими подругами, пока она не попыталась меня убить.

— Она... что?! — Я уставилась на неё в изумлении.

— Я не шучу. — Темпл пожала плечами, словно обвинение в покушении на убийство было обычным явлением. — Я проснулась однажды ночью, а она стоит надо мной с

ножницами. Было очевидно, что на уме у неё не уроки кройки и шитья.

— Ужас какой. Зачем ей пытаться тебя убить?

Я знала, что Темпл никогда не станет преувеличивать и уж тем более выдумывать, но обвинение в убийстве звучало немного натянутым. Я не могла себе представить, чтобы такой человек как Камилла Эшби напала на кого-то с парой ножниц хотя бы по причине омерзения к тому, сколько крови потом придётся отмывать.

— Боюсь, это не самая красивая история, — ответила Темпл, и её глаза заблестели в свете свечей. — Мне рассказать?

— Разумеется, — ответил Итан и озорно мне усмехнулся.

— Итак, дело случилось на третьем курсе, — торжественно начала она. — У нас были общие пары в прошлом году, поэтому мы друг друга знали, но затем обстоятельства сложились так, чтобы столкнуть нас лоб в лоб. Мы поняли, что у нас много общего: обе за свободу самовыражения и экспериментирования, в социальном и половом плане.

— Мне уже нравится история, — ответил Итан с некоторой долей энтузиазма.

— Переходя к сути дела, Камилла оказалась не настолько либеральна, как меня в этом убеждала. Она была напористой, ревнивой и очень мстительной сучкой. Восприняла наши забавы серьёзно...

— Эй, постой-постой. Забавы? — Итан бросил на неё страдальческий взгляд. — Почему ты утаиваешь самые интересные подробности?

— Бог дал тебе воображение, используй его по полной, — посоветовала Темпл. — В общем, как-то вечером Камилла застучала меня с одним парнем, и дело приняло уродливый оборот. Она разбила мой компьютер и разорвала всю одежду. Наплела обо мне множество ужасной лжи. Я попыталась спасти нашу дружбу, но после инцидента с ножницами просто убралась от неё ко всем чертям. Я не видела её много лет, но с её проблемами, не думаю, что она сильно изменилась.

— У неё до сих пор тяжелый характер, — согласился Итан.

Темпл подняла стакан.

— Должно быть, очень изнуряюще большую часть жизни притворяться тем, кем не являешься. Дай только время, а секреты уж найдут способ стать непосильной ношей.

Я подумала о наших с папой секретах и почувствовала мимолётный приступ депрессии.

— Почему она скрывает свою сексуальную ориентацию? — довольно наивно спросила я. — Я не знаю ни одного человека, которого волновала бы её личная жизнь.

— Не обманывай себя, Поллианна^[19]. Эмерсон, может быть, и либеральный колледж, но совет и большая часть выпускников по-прежнему очень консервативны. А её семья ещё хуже, особенно отец. У старика, скорее всего, голова взорвётся, если дочь сознается. Хотя это был бы неплохой поворот событий, — добавила Темпл голосом полным яда.

Раньше, когда я увидела Камиллу вместе с Девлином на кладбище, я быстро пришла к неправильному выводу об их романтических отношениях, и это не делает мне чести, но сейчас по большей части я почувствовала облегчение.

Я вспомнила о его прикосновении, дразнящих ласках призрака и вздрогнула. Эпизод на кладбище так сильно и по стольким причинам меня потряс. Девлин не мог быть более запрещен для меня, даже если и был только призраком самого себя. Я не могла перестать думать о нём.

За столом замолчали, так как принесли первое блюдо: крабовый крем-суп для Итана и Темпл и салат со свёклой и рукколой для меня. Стоило официантке отойти, как я снова

увидела привидение.

Он не сводил с меня своего ледяного взгляда, и у меня по спине пробежал жуткий холод. Но в отличие от ситуаций с Девлином, я всё же держала своё поведение под полным контролем... пока не услышала хруст стекла.

На долю секунды я испугалась, что призрак как-то разбил окно. Но затем я поняла, что звук исходил от нашего стола. Бокал Темпл дал трещину и разбился о тарелку. Я в шоке уставилась на алые капли, стекающие между её пальцами.

— Темпл, рука!

— Нет, всё в порядке. Это просто вино. Видишь? — Она обмакнула следы салфеткой. — Не знаю, что произошло. Стекло просто... треснуло.

Итан уже вскочил с места и бросился к ней.

— Ты уверена? Дай мне взглянуть.

— Я не порезалась, — настояла она, отодвигая стул. — Пойду, приведу себя в порядок. Наслаждайтесь пока блюдами без меня.

Перед тем, как она встала, подошла официантка вытереть пятно со стола и смести осколки стекла. Всё было проделано так незаметно, что только сидевшие неподалёку знали об инциденте.

На стол принесли новый бокал, снова налили вино, и я ещё раз бросила взгляд на окно. Опустился туман. Я посмотрела на шипящие свечи на столах и задалась вопросом, куда мог уйти призрак.

С соседнего столика встал мужчина и подошёл к Итану. Я решила, что это коллега по работе, поэтому особо не прислушивалась к их разговору, пока неожиданно не расслышала своё имя.

Подняла голову и вздрогнула.

— Извините. Я была мыслями в миллионах миль отсюда.

— Я просто поинтересовался, знакомы ли вы с Даниэлем, — ответил Итан. — Он один из самых выдающихся историков Южной Каролины.

— Конечно, зависит от того, кого вы спросите. — Его улыбка была немного задумчивой, немного самоироничной. — Даниэль Микин.

— Амелия Грей.

— Если вам понадобится что-то узнать о Чарльстоне, Даниэль — ваш человек, — ответил Итан.

— Я запомню.

Итан повернулся к Микину.

— Амелия — тоже своего рода историк. Она кладбищенский реставратор.

— Ах. Какая необычная профессия.

Микин стоял, положив правую руку поверх левой, — неловкий жест, из-за которого казалось, что он как будто пытается взять под контроль нервный тик.

— Люблю кладбища. У мёртвых много чего можно узнать.

Именно так говорил Девлин ранее, но совершенно в другом контексте.

— Вы будете рады услышать, что комитет нанял Амелию для реставрации «Дубовой роши». — Итан посмотрел на меня раскаивающимся взглядом. — Извините. Я выпустил кота из мешка, но в свете последних событий, не думаю, что это всё ещё тайна.

По птичьим чертам Микина скользнула тень.

— Страшное дело. Не могу представить...

— Да, страшное, — согласился Итан.

Они обменялись взглядами.

— Вы давно работали на кладбище, когда нашли тело? — спросил Микин.

— Несколько дней. Только-только начала фотографировать.

Он покачал головой.

— Какая жалость. Я, конечно, надеюсь, что вы сможете возобновить реставрацию, после того как всё придёт в норму. Что бы это ни значило, — добавил он с иронической улыбкой. — Множество лет «Дубовая роща» были занозой Эмерсона. Не могу понять, зачем надо было так затягивать и доводить кладбище до такого жалкого состояния. Вопрос финансирования, видимо.

— Ничего необычного. Содержать кладбище дорого, и всегда найдутся другие приоритеты. Как только на заброшенных кладбищах запирают ворота, люди склонны забывать про их существование.

— Но теперь вы приехали вернуть его обратно к жизни, — он лучезарно улыбнулся, маленькие белые зубы заблестели в свете свечи. — Вы знали, что фактически «Дубовая роща» — это два отдельных кладбища. В древней части особенно много важных исторических памятников, включая, по крайней мере, парочку надгробий, вырезанных самими Бигемами, — сказал он, назвав знаменитую семью каменотёсов.

— Меня особенно очаровал мавзолей Бедфордов. Но я не смогла нарыть о нём много информации.

— Ах да, Бедфорды, — пробормотал он и обменялся очередным взглядом с Итаном. — Я хотел бы поговорить с вами подольше, но вижу, что у бедного Итана уши уже сворачиваются в трубочку.

— Тогда отложим разговор на другой раз.

— С удовольствием с вами побеседую. Мой кабинет находится в гуманитарном корпусе, на втором этаже. Заходите в любое время.

— Спасибо. Я непременно воспользуюсь вашим приглашением.

— Надеюсь. Ну что же... приятного ужина.

Он попятился от стола, повернулся и чуть не врезался в Темпл.

— Даниэль.

— Темпл.

Они перебросились парой фраз. Темпл заняла своё место за столом и вздрогнула.

— Шизик.

— Даниэль? Он не такой уж плохой, — ответил Итан. — Просто страдает от туннельного зрения.

— У меня от него мурашки. Я не доверяю людям с такой бледной кожей. Если они не мертвы, конечно. — Темпл развернула свежую салфетку. — Вы знаете, что он пытался покончить с жизнью самоубийством.

— Что?! Нет. Это не в его характере. — Итан нахмурился. — Что, спрашивается натолкнуло тебя на эту мысль?

— Я видела, как он однажды выходил из биологической лаборатории, поправляя манжеты. Вы замечали, что он всегда носит одежду с длинными рукавами, даже летом? В общем, я увидела шрам. — Она разгладила салфетку на коленях. — Наверное, мне не следует так резко говорить о бедняге. Раз уж речь зашла об этом, мы все немного странные. Ты, я, Камилла, Даниэль. Может быть, в Эмерсоне что-то не так с водой^[20].

— Возможно, в твоих словах есть смысл, — ответил Итан с блеском в глазах. — Кажется, Амелия единственная нормальная за этим столом.

Что бы это ни значило.

— Говоря о странном, — заметила Темпл, — разве там не Джон Девлин?

Моя улыбка тут же испарилась, и я развернулась на месте.

— Где?

— Не так же палевно, — отругала меня Темпл. — Там. В углу.

Он сидел один за дальним столом, который должен был скрывать в тени сидящего за ним. Вот только это не работало с Девлином. Даже в переполненном ресторане его магнетизм приковывал взгляд.

Я задержала на нём взгляд на мгновение, а затем повернулась обратно к Темпл.

— Откуда ты знаешь Девлина? Нет, не говори. У тебя был с ним бурный роман в Эмерсоне.

Я шутила только наполовину.

— Если бы, — ответила она с понимающей улыбкой. — Если бы он учился в Эмерсоне, мы бы вращались в разных кругах. Я не узнала его по имени, когда ты упомянула о нём ранее, но теперь вспомнила. Мы познакомились несколько лет назад, здесь, в Чарльстоне. Я приехала изучать человеческие останки, найденные на стройплощадке, а Девлин с напарником отвечали за расследование. Он был молод и только что стал детективом. Старшие коллеги дразнили его, что в первое убийство ему досталось лишь несколько зубов и позвонков. Обычное добродушное подтрунивание. Затем пришла молодая женщина — жена Девлина, как я позже узнала, — и атмосфера изменилась. Не могу объяснить как, но мы словно попали под действие чар. Мы были очарованы ею, а она «купалась» в нашем внимании, точно кошка в лучах солнца.

Я машинально поддалась вперёд в ожидании. Лишь это движение помогло мне не обернуться к Девлину. Я молча призвала Темпл продолжить рассказ, но мне не стоило беспокоиться. В конце концов, это Темпл.

— Девлин пошёл поговорить с ней — как она узнала, где его искать, понятия не имею, — и всё это время что они стояли рядом, я просто не могла отвести от них взгляд. — Темпл стала крутить золотую цепочку на шее. — Они в буквальном смысле были самой сногшибательной парой, которую я когда-либо видела. И даже во время разгорячённого выяснения отношений он так хищно и голодно смотрел на неё... они так бессознательно тянулись друг к другу, словно ничто в этом мире — ни время, ни расстояние, ни даже сама смерть — не могло разлучить их.

У меня участилось дыхание, и я ощутила обжигающий взгляд на затылке. Я поборолась с искушением, но проиграла и оглянулась через плечо.

Джон Девлин смотрел прямо на меня.

Глава 13

— Её звали Мариама, — тихо сказал Итан.

Мы с Темпл переглянулись. Она повернулась к Итану, слегка приподняв брови.

— Какое необычное имя. И я заметила, что ты говорил в прошедшем времени.

Он рассеяно кивнул.

— Мой отец знал её семью и привел её в Эмерсон. Очень яркая молодая женщина, но ей

было тяжело примирить свои личные верования с наукой.

— Верования? — спросила Темпл.

— Смесь древних суеверий и религии. Немножко методизма^[21], колдовства и капелька вуду. Её народ — потомки галла, атлантических креольцев.

— Объясняет шикарный цвет лица и волосы, — пробормотала Темпл.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я немного знала об истории галла: их привозили с Рисового берега^[22] на Атлантическое побережье южных штатов в годы рабства. До недавнего времени некоторые общины галла в Южной Каролине и Джорджии жили столь изолированно от остального мира, что происхождение некоторых слов, имен и даже песен их языка можно проследить до Сьерра-Леоне. Их вера в джосо — колдовство — также имеет африканские корни.

— Интересно, что она подцепила белого полицейского, — сказала Темпл. — Должно быть, вышло неплохое столкновение культур.

— Особенно если брать во внимание его происхождение. Он из того же старого Чарльстона, что и Камилла Эшби. Люди с такой родословной не берут лесбиянок в любовницы, а креолок — в жены. Но Джон никогда особо не соблюдал традиции. Он был белой вороной задолго до появления Мариамы.

— И не говори.

Темпл подперла подбородок рукой и поддалась вперед.

— Не надейся на слишком многое, — ответил Итан. — Эта история не так развратна, как твоя.

— Жаль.

Итан усмехнулся.

— Джон променял место в семейной юридической фирме на работу в полиции. Может показаться, что в этом нет ничего страшного, но его решение пошло вразрез с многовековой традицией и ожиданием поколений. Сомневаюсь, что дедушка перекинулся с ним и парой слов с того дня, как Девлин окончил академию.

Темпл откинулась на спинку стула.

— Откуда ты столько о нем знаешь? Он твой друг?

— По сути, да. — Итан улыбнулся ей поверх края бокала. — И, в любом случае, это Чарльстон, дорогая. Здесь все друг друга знают.

Я на это ничего не сказала. Немного неуважительно обсуждать личную жизнь Девлина в таких интимных подробностях. Его стол стоял достаточно далеко, да и в ресторане было довольно шумно, так что он не мог нас услышать, но мне все равно было неудобно его обсуждать. Темпл и Итан, видимо, не испытывали таких угрызений совести. Они напоминали пару сорок.

— Так что случилось с его женой? — спросила Темпл.

Глаза Итана подернулись сумрачной дымкой.

— Произошла ужасная авария. Её автомобиль проломил ограждение и упал прямо в реку. Она не смогла выбраться из машины и утонула.

Перед глазами так и встали призраки Девлина.

— Она была одна? — услышала я со стороны свой голос.

— Нет, к сожалению, с ней была их четырехлетняя дочь. Их смерть практически раздавила Джона. Он взял шестимесячный отпуск и просто исчез. Никто не знал, куда он делся, но в итоге всплыли слухи, что он лечился в каком-то частном санатории.

— Не верь всему, что говорят, — ответила Темпл. — Но это добавляет пикантной остринки истории.

Их голоса стихли, воздух вокруг наэлектризовался. Я хотела верить, что просто разыгралось воображение, но понимала: это не так. Призраки Девлина рядом. Я не могла их видеть, но чувствовала их присутствие. Может быть, они в саду с тем духом, ожидают, когда их хозяева пересекут невидимую черту священной земли.

Может быть, они даже поджидают меня, если не буду осторожна.

Я встала из-за стола.

— Вы меня извините? Я в дамскую.

Я прошла через переполненный ресторан, даже не посмотрев в сторону Девлина. В дамской комнате плеснула холодной воды на лицо, а затем изучала свое отражение в зеркале.

Это увлечение Девлином не должно зайти дальше. Я ставлю себя в опасное положение из-за его притягательности, но ещё не слишком поздно. Я могу положить конец. Скрыться в своем убежище, пока он и его призраки не исчезнут. Нужно лишь немного здравого смысла и много силы воли. Обычно мне хватает и того и другого.

Вытерев лицо бумажным полотенцем, я выпрямила спину и вышла из комнаты.

Девлин поджидал меня в узкой нише снаружи. Чтобы вернуться к своему столику, мне придется пройти мимо него.

Я помедлила, но пошла.

Он прислонился плечом к стене, скрестил руки на груди и посмотрел на меня самыми темными глазами, которые я когда-либо видела. «Колдовские очи, — подумала я. — Непостижимые и чарующие».

В тот момент мне пришло в голову, что чтобы я ни делала, Девлин и я уже безвозвратно связаны обстоятельствами. Если ключ к убийце скрыт на надгробии, я остаюсь единственным человеком, который может интерпретировать эти знаки. Я нужна ему, и это знание потрясло меня гораздо больше, чем следовало.

В узком проходе особо не развернуться. Меня толкнули, и я упала прямо на Девлина. В краткий момент контакта я уловила аромат одеколona на его коже и запах виски в дыхании. И ещё кое-что. Слабый шлейф мускуса.

Наши лица оказались невероятно близко, губы в сущих дюймах. На мгновение я поверила, что он может меня поцеловать, и даже подумала, какотреагирую. От одной мысли о поцелуе перехватывало дыхание, и я закрыла глаза, представляя соприкосновение наших губ. Я почувствовала его руку на затылке, дразнящее скольжение большого пальца по губам, и меня охватили глубокая дрожь. Открыла глаза, но он не шевелился. Я проиграла всю эту сцену в своем воображении и не знала теперь, что меня захлестнуло: облегчение или горькое сожаление.

Потрясенная, я попятилась от него, подальше от собственной фантазии. Его магнетический взгляд последовал за мной. Возникло наипостыднейшее ощущение, что куда бы я ни пошла и что бы ни сделала, глаза Девлина никогда меня не оставят.

— Я думал, вы едва знаете Итана Шоу.

Его холодный тон остудил мою разгоряченную фантазию, застав врасплох.

— Что?

— Вы встретились с ним кратко, при встрече с отцом. Разве не так вы сказали?

— Да...

— И вот вы здесь.

Неодобрительные нотки в его голосе освободили меня от его чар, и я нахмурила брови.

— Есть причина, по которой я не должна ужинать с Итаном Шоу? И пусть это не имеет отношения к делу, но его пригласила Темпл. Похоже, они двое — старые друзья.

— Рад узнать. Может быть, мы сможем избежать войны за останки.

— Возможно.

Какая странная встреча. Какой неловкий разговор. Если бы не знала, то подумала бы, что он ревнует. Но тогда это означало бы...

Я не дала ходу этой мысли. Нельзя идти по этому пути. Не после сегодняшнего. Не после того, как все предупреждения моего отца сбылись. Дверь открыта, и через неё прошло нечто страшное. Я должна держаться подальше от Девлина и его призраков. Не могу позволить той двери распахнуться шире.

И, несмотря ни на что, его притяжение оказалось настолько мощным и гипнотическим, что я не могла уйти.

Музыка из ресторана доносилась сквозь арочный проем, где мы стояли. Ритм был тёмным и тяжелым, и внутри меня зашевелилось нечто примитивное. Нечто, что я никогда прежде не ощущала.

Я испытывающе посмотрела в лицо Девлина. Он понятия не имел, какая битва разгоралась в моей душе, какой хаос он привносил в мой внутренний покой.

Он обратил на меня свои тёмные глаза, и я вздрогнула, прежде чем нашла силы сбросить наваждение.

— Я должен вернуться.

Он отошел в сторону, позволяя мне пройти, но я стояла неподвижно, оказавшись в плену собственной слабости.

К нам подошла Темпл и положила ладонь на мою руку.

— Вот ты где. А мы уж начали думать, что ты нас бросила. — Она изучала моё лицо с любопытством, затем повернулась к Девлину и протянула руку. — Темпл Ли. Мы встречались несколько лет назад, но я уверена, вы не помните.

Ее тон подразумевал, что, конечно, он помнит. Она ведь Темпл Ли.

Девлин уклончиво улыбнулся, и я подумала, что он не может её вспомнить. Не знаю почему, но это меня позабавило.

— Приятно вас снова встретить. Я получил ваше сообщение. Время эксгумации пока не определено, но я сообщу.

— Спасибо. — Она взяла меня под руку. — Надо вернуться, а то бедный Итан подумает, что мы обе его бросили.

Я ничего не сказала, только кивнула. В некотором смысле я восприняла с облегчением, что Темпл взяла ситуацию под свой контроль.

— Я не могла не заметить, что вы пришли в ресторан в одиночку, — сказала она Девлину. — Не желаете ли к нам присоединиться?

Сердце ёкнуло. Я посмотрела на Девлина, надеясь, что он откажется. Вечер, проведенный в попытках завести с ним светский разговор, мне сейчас точно не выдержать.

— Спасибо, но не сегодня, — ответил он. — Я не самый хороший собеседник. Мне нужно много чего обдумать.

А затем он окинул меня взглядом напоследок, опуская глаза, и я почувствовала, что меня оценили с явным интересом. Я вся замерла в душе, затем задрожала, и тут нахлынули

слова Темпл.

Он так хищно и голодно смотрел на неё... они так бессознательно тянулись друг к другу, словно ничто в этом мире — ни время, ни расстояние, ни даже сама смерть — не могло разлучить их.

***

После ухода Итана мы с Темпл остались стоять у входа в ресторанчик и продолжали болтать. Всё ещё моросило, но мы не обращали внимания на погоду.

Мы прислонились к стене, подняв лица к небу.

— Люблю запах дождя, — со вздохом сказала Темпл. — Такой свежий и чистый, всегда с цветочным шлейфом. Как по мне, это самый великолепный город на Юге. Если Новый Орлеан — полночь, то Чарльстон — сумерки. Нежные, туманные и благоухающие.

— Ты такой романтик, — поддразнила я.

— Только в минуты слабости. Или когда за меня говорит вино.

— Темпл... могу я кое о чём спросить?

— М-м-м... — мечтательно промурлыкала она.

— Ты училась в Эмерсоне, когда убили Эфтон Делакур?

Её глаза медленно открылись.

— Откуда ты узнала про Эфтон?

— Её тело нашли на «Дубовой роще», верно?

— Кто тебе это сказал? Кто рассказал тебе про Эфтон Делакур?

Стальные нотки в её голосе застали меня врасплох.

— Я же провожу множество исследований при подготовке к реставрации, забыла?

Мой ответ её не убедил.

— А что ты хочешь знать?

— Я слышала, что полиция допросила Руперта Шоу. Как думаешь, возможно ли, что он замешен в убийстве?

— Конечно, нет. Всё это подстроил завистник доктора Шоу. Они задались целью подорвать его репутацию, и им почти это удалось. Ты знала, что его попросили оставить Эмерсон?

— Наверное, это было тяжелое время для него и Итана.

— Это было тяжелое время для всех нас. Все в кампусе были на пределе. Мы думали, что убийца может оказаться среди нас.

Она взглянула на часы и нахмурилась.

— Ты знаешь членов «Ордена гроба и когтя»?

— Это что, допрос инквизиции? Почему ты спрашиваешь о том, что произошло лет сто назад?

— Это случилось пятнадцать лет назад, и теперь на том же кладбище нашли ещё два трупа. Два можно списать на совпадение, но три — уже закономерность.

— Господи Иисусе, Амелия. Хочешь, чтобы мне ночью снились кошмары? Можем мы поговорить о чём-нибудь более приятном, прежде чем я заползу спать в свою холодную пустую кровать?

— О чём бы ты предпочла поговорить?

— Ой, даже не знаю. Может быть, о детективе Девлине?

Мой пульс подскочил при упоминании его имени.

— А что с ним?

Она хитро взглянула на меня.

— Не строй из себя невинность. Я заметила, как он смотрит на тебя и как ты смотришь на него. Что между вами происходит?

— Ничего. Я едва его знаю.

— Может быть, тебе стоит исправить ситуацию. Немного пошалить. А может, даже и не немного. Такой мужчина как он может сделать такой женщине как ты много приятного.

— Что это значит?

— Ты проводишь слишком много времени в компании мертвецов.

— Чья бы корова мычала.

Она пожала плечами.

— Да, но, по крайней мере, я знаю, как немного развлечься. Ты же никогда не рискуешь. Забудь ты про свои кладбища на секунду и расслабься. Добавляй хоть иногда в свою жизнь капельку опасности.

— Думаешь, Девлин опасен?

— А что думаешь ты?

— Я ничего о нем не знаю.

— Неправда. Мы сегодня выяснили о нём столько всего увлекательного. Выходец из богатого рода, порвал все связи с родными, женился на экзотичной женщине, которая погибла при трагических обстоятельствах. Возможно, лечился в психиатрической больнице. — В её глазах заплясали искорки. — На мой взгляд, всё это описывает Джона Девлина как опасного человека. Восхитительно опасного. Не забывай, я видела его без «маски».

— Ты про инцидент с его женой?

— Вот это была картина, Амелия. Я никогда не считала себя вуайеристкой, но словно подсмотрела сквозь замочную скважину, каков он в постели — по крайней мере, в постели Мариамы. Доминирующий, темпераментный... полностью вышедший из-под контроля.

Мой пульс участился.

— Не скажу, что это звучит привлекательно.

— Может быть, и нет. Ведь ты встречалась только с робкими.

Я пожала плечами, отказываясь обижаться.

— Мне нравятся тихони.

— Нет, тебе нравятся безопасные мужчины, но пора расширить свой кругозор.

Я старалась остаться равнодушной, но не могла отрицать, что Темпл пробудила довольно возбуждающие образы в моём воображении.

Темпл прислонила голову к стене.

— Мариама. От одного звука её имени я покрываюсь гусиной кожей. Я до сих пор вижу, как Девлин нависает над ней, такой сердитый, и всё её сладострастное неповиновение в ответ. — Темпл со вздохом закрыла глаза. — В тот день было ветрено. Тонкая ткань юбки очертила её фигуру так, что виднелись изгибы бедер и...

— Я поняла!

Я вдруг задумалась, где сейчас Девлин. Дома ли, один, или у него другие планы на вечер?

— Можешь себе представить, сколько в нем подавленной страсти после нескольких лет celibата?

Я взглянула на Темпл.

— С чего ты решила, что он хранит ей верность? Сильно сомневаюсь, что он всё время оставался один после её смерти.

— Не порть мне малину. Дай насладиться задротством.

— Чем-чем?

— Позволь построить сюжет для удовлетворения собственных желаний.

— Да, конечно. Только, пожалуйста, без меня.

— Не беспокойся. Ты не в моем вкусе. Слишком обычная и хорошая. Хотя... — её голос стал шелковистым и хитрым, — я всегда чувствовала, что под всей этой ванилкой скрывается специя. В правильных руках...

— Пожалуйста, остановись.

— Ты права. Просто не слушай меня. Это вино делает меня безумной до любви. Или похоть. Я оставлю эту тему, но ты должна пообещать мне кое-что.

— Сомневаюсь. В отличие от тебя я абсолютна трезвая.

Но она серьезна. Между её бровями залегла складочка от тревоги.

Темпл сжала мою руку.

— Будь осторожна с Девлином. Флиртуй с ним, спи, делай всё что хочешь, но... будь осторожна.

— Ты о чём?

— Есть в нём что-то такое... не уверена, что смогу объяснить. Я знаю мужчин, как он. Они собраны и осторожны внешне, но при правильных условиях... с правильной женщиной... — Она замолчала и взглянула на меня. — Ты понимаешь, о чем я?

— Не особо.

— Женщина, как Мариама, знает за какие веревочки дёргать. Она делала всё от неё зависящее, чтобы заставить его потерять контроль, потому что это её заводило, давало власть. Но с тобой...

— А что со мной?

— Ты сама призналась. Ты за безопасных ребят. А в Девлине нет ничего безопасного. Он не для тебя.

— Минуту назад ты говорила, что он просто то, что мне нужно.

— Как короткое увлечение — да, как спутник жизни — ни в коем случае. Я вижу тебя с таким мужчиной, как Итан.

— Итан? С чего ты это взяла?

— Я просто использую его в качестве примера. Тебе нужен мужчина, который...

— Только не говори про холить и лелеять. Этого я хочу в последнюю очередь.

— Мужчина, который всегда будет ставить твои интересы выше своих собственных, — с нажимом произнесла она. — И это не Джон Девлин.

— Откуда тебе знать?

Она улыбнулась.

— Я, может быть, ушла на другой берег, но хорошо знаю мужчин. Поверь мне на слово. Это сэкономит тебе кучу головной боли в будущем.

Глава 14

Вернувшись домой, я пошла прямо в кабинет, взяла ноутбук и, устроившись на кушетке, занялась онлайн-расследованием. Исследования были важной частью моей работы, и с достаточным количеством времени я обычно находила всё, что нужно. Но сегодня, даже после самых упорных поисков, я не нарыла ничего на Эфтон Делакур. Видимо, Девлин был прав: СМИ всё замолчало. Казалось, после смерти Эфтон была вычеркнута вся её жизнь.

Руперт Шоу — другое дело. Поиск в Гугле выдал множество ссылок, большинство из которых содержало также информацию о его работе в чарльстонском институте парапсихологических исследований. В основной части просмотренных мною статей Руперт Шоу представлялся в выгодном свете: эрудированный, пусть и несколько эксцентричный джентльмен, без сомнения увлечённый паранормальными явлениями. Полностью совпадает с моим личным представлением об этом человеке.

Я даже просмотрела фрагмент из свежего видео-интервью, которое нашла на местном сайте охотников за привидениями. Доктора Шоу спрашивали обо всём, начиная от домов с привидениями до опытов клинической смерти, но привлекла моё внимание небольшая живая беседа в конце.

Журналист отметил восхитительное кольцо доктора Шоу, которое тот носил на правом мизинце. Я и сама заметила его при нашей первой встрече. Это было украшение из серебра и оникса с витиеватым символом, вырезанным на камне. Мне доктор Шоу сказал, что это семейная реликвия, но интервьюеру ответил, что кольцо — подарок коллеги. Вполне возможно, мы говорили о двух совершенно разных кольцах, но мне так не показалось. Но это всего лишь любопытный факт в дополнение.

Двигаемся дальше...

Так же как печально известное йельское общество «Череп и кости», «Орден гроба и когтя» был создан в начале XIX века и насчитывал среди своих членов представителей политической элиты Южной Каролины. В 1986 году практика принимать в общество одних только мужчин была отменена, и каждый год после этого в члены принимались две девушки с третьего курса.

Я нашла ссылки на непонятные символы, нумерологию, тайные убежища и обряды посвящения, но никакого упоминания об убийстве Эфтон Делакур и лишь пару слов о развале организации.

Затем я забила имя Ханна Фишер и проверила как минимум десятков ссылок, но только одна привела меня к жительнице Чарльстонского округа. Недавно она отметила свой девяносто девятый день рождения.

Ранее, когда я назвала Девлину имя Тома Геррити, у меня возникло чёткое впечатление, что этих двоих связывает давнишняя вражда. Но в тот момент мне так хотелось убежать с кладбища, что я не стала задавать дальнейших вопросов. Теперь же мне хотелось больше ответов.

Я опустила взгляд на экран, пальцы замерли над клавиатурой. Последнее имя для поиска. Мариама Девлин.

От одного того, что я напечатала её имя в поисковике, во мне проснулось чувство вины и небольшой страх. Как бы я ни пыталась оправдать свой интерес, я совала нос в личные дела Девлина. Я ничем не лучше Итана и Темпл, которые, точно стервятники, жадно и радостно разобрали жизнь Девлина по косточкам во время ужина.

Но отвращение к задаче меня не остановило.

Первая ссылка привела к газетной статье об аварии. Изложенные факты полностью совпадали с рассказом Итана. Автомобиль протаранил ограждение сельского моста и рухнул в реку. Единственное, о чём не упомянул Итан, так это об отчаянном звонке в 911 в последние секунды жизни Мариамы Девлин, пока машина уходила под воду. Должно быть, в ту минуту она прекрасно осознавала, что спасатели не успеют. Из-за заклинившего ремня безопасности она не смогла освободить ни себя, ни свою четырёхлетнюю дочь.

Я откинула голову на спинку сидения и закрыла глаза. Небольшое усилие, и душераздирающая сцена предстала передо мной во всех подробностях. Автомобиль с грохотом пробивает ограждение. Мутная вода добирается до лобового стекла. К горлу подкатывается комок от того, как быстро машина погружается в реку.

Мариама дёргает ремень, судорожно отслеживая повышение уровня воды и пытаюсь успокоить перепуганную дочь.

А затем автомобиль опускается на дно... темнота...

Не бросай меня, мамочка... пожалуйста...

Эти крики раздались настолько реально, что я открыла глаза и огляделась.

Я была одна в комнате. Стук сердца отдавался в ушах.

Прижимая руку к груди, я сделала судорожный вдох. Сколько раз эта сцена разыгрывалась в ночных кошмарах Девлина? Сколько раз он просыпался от отчаянных мольб дочери?

Неудивительно, что ему потребовалось время, чтобы справиться со своим горем. Вес вины, бесконечные «если бы», должно быть, стали невыносимой мукой.

Даже если он не мог видеть их, его призраки не давали пытке закончиться. Пока они его преследуют, раны никогда не затянутся.

Мне понадобилась минута, чтобы собраться с мыслями и продолжить чтение.

Несчастный случай произошёл в одном из отдалённых районов округа Бофорт, недалеко от городка Хаммонд. Мариама с дочерью были на пути к родным, когда случилась эта трагедия.

В статье были две фотографии: крупный план сломанного ограждения и общий план зевак, собравшихся на берегу в ожидании, когда выплывут водолазы-спасатели.

Я не стала изучать лица в толпе, потому что не хотела найти Девлина. Не хотела видеть его глаза в тот страшный миг.

Выйдя со страницы со статьёй, я нажала на следующую ссылку, которая привела меня к некрологам. Никаких фотографий, но я уже знала, как выглядит Мариама и четырёхлетняя Аныка.

Аныка.

Почему-то это имя не подходило призраку, которого я видела подле Девлина и позже во дворе.

Я начала произносить имя вслух, а потом задумалась.

Правило номер четыре: никогда не искушай судьбу.

Я захлопнула ноутбук и отложила его в сторону. Достаточно поисков на один вечер.

Перекатившись на бок, я положила щеку на сложенные ладони и закрыла глаза. Сколько мыслей и образов крутилось в моей голове! Так много вопросов без ответа...

Я продолжала видеть, как запертые в машине Мариама и Аныка начинают задыхаться от нехватки кислорода, а вода смыкается над их головами...

Я представила, что почувствовал Девлин, когда услышал об этой новости... как

устремился на место трагедии, надеясь на лучшее, но опасаясь самого худшего. И как долго ехал обратно домой, зная, что его встретит опустевший дом. Зная, что никогда больше не обнимет дочь...

Я представила изуродованное тело Эфтон Делакур в мавзолее, где Руперт Шоу якобы проводил спиритические сеансы, и задумалась над его теорией, что в момент смерти отворяется дверь, позволяющая перейти на другую сторону и вернуться обратно. Что если кто-то пересёк границу миров во время смерти Ханны Фишер? А если этот человек принёс с собой что-то с той стороны завесы? Нечто тёмное, зловонное и холодное, подобно той сущности, что кружила на краю леса...

Я подумала об обвинении Камиллы Эшби, которая стояла над кроватью Темпл с ножницами в руках, и предположении, что Даниэль Микин пытался совершить самоубийство, судя по шраму, который Темпл заметила на его запястье. И потом, возле ресторана, она не захотела говорить об убийстве Эфтон и «Ордене гроба и когтя». Возможно ли, что она каким-то образом связана с этим обществом? Или Итан?

Вопросы кружились в голове бесконечной вереницей лиц. Камилла Эшби. Итан и Руперт Шоу. Темпл. Том Геррити. Даниэль Микин. Обезображенные тела Эфтон Делакур и Ханны Фишер. Эфирные лики Мариамы и Аныки.

И Девлин. Всё всегда возвращалось к Девлину.

В конце концов я начала проваливаться в сон, но сил встать и пойти в спальню не осталось.

Снаружи мягкий ветерок колыхал пальметто. Мышцы расслабились под успокаивающий шорох листьев.

Сначала я долго плавала в нежной туманной пустоте полудрёмы до полного изнеможения. А затем сумбурные мысли перешли во сны, создав странные несвязные образы.

Я вернулась на «Дубовую рощу», на нижнюю ступеньку мавзолея Бедфордов. Темпл тоже была во сне. Она стояла на самой вершине, вглядываясь в полуоткрытые двери.

— Что ты делаешь? — спросила я.

На ней была белая туника, как и на ужине, но теперь наряд смотрелся более экзотично. Я различала гранатовый отблеск в замысловатом узоре на её декольте.

— Я никогда не считала себя вуайеристкой, но я просто не могу перестать смотреть на них, — ответила она.

— На кого?

Её лукавая улыбка наводила на непристойные мысли.

— Подойди и посмотри. Тебе будет полезно.

Я медленно поднялась по ступеням и встала возле неё в дверях. Зала словно просвечивалась. Будто смотришь сквозь вуаль.

И затем я увидела их.

Девлина и Мариаму.

Как прекрасно смотрелась их контрастирующая кожа в отблесках свечей, как греховно эротично длинные волосы Мариамы рассыпались по её обнажённой спине, а упругие груди легли в ладони Девлина, а они сами двигались в некоем первобытном ритме.

Мы стояли и подсматривали, и вдруг Мариама оглянулась через плечо. Ресницы полуопущены, губы лукаво изогнуты, искустельное приглашение одновременно возбуждало и нервировало.

— Мы не должны здесь находиться, — попыталась я от двери.

— Не будь такой ванилкой. Тебе нравится наблюдать за ним.

Ядовитый смех Мариамы преследовал меня весь обратный путь вниз по ступеням.

По спине пробежали мурашки, и я обернулась. Сбоку мелькнуло что-то тёмное. Я развернулась бежать, но дорогу преградил призрак девочки. Ноздри защекотал аромат жасмина.

Она подняла руку и поманила меня за собой. Я попыталась вспомнить правила папá, но не смогла. Так же как и противиться безмолвной команде духа.

Она повела меня прочь от мавзолея, в район кладбища, где я прежде никогда не бывала. В стороне я заметила скопление народа возле надгробного камня. Все обернулись, когда услышали мои шаги, и я узнала их по лицам — Камилла, Темпл, Итан, Даниэль Микин. Даже доктор Шоу. Загадочно улыбаясь, он отошёл в сторону, приглашая меня встать в круг.

Заняв своё место среди них, я уставилась на землю, пытаюсь увидеть, что же такое привлекло их внимание.

Перед моим взором предстала пустая могила.

А затем я вдруг почувствовала давление в спину и полетела в тёмную бездонную яму.

Мою могилу...

Я резко подскочила на кушетке, судорожно ловя ртом воздух.

Потребовалась минута, чтобы понять, где я нахожусь, и вторая — чтобы успокоиться. За то время, пока я спала, в кабинете похолодало. Я отключила подачу энергии, когда вернулась из ресторана, так как в доме было жарко и душно, и не подумала отрегулировать термостат, пока проваливалась в сон. Теперь в комнате стало так холодно, что запотели окна.

Я потянулась за шерстеным пледом, наброшенным на изножье кушетки, и резко замерла. Втянула воздух носом. В комнате ощущался аромат жасмина, такой слабый и нежный, что казался остатком сна.

Но я знала, что он настоящий. Она была здесь.

Укрывшись пледом, я задрожала в темноте. Я не могла различить сад сквозь матовые стёкла, но я знала, что она там.

Свет из кухни просачивался в кабинет, делая заметными капли конденсата, бежавшие по стеклу.

Я задержала дыхание и стала ждать...

На инее возник рисунок, как будто его выводили невидимым пальцем с другой стороны.

Сердце.

Такое же я сложила в саду из галек и ракушек.

Этот образ появился всего на одну секунду и исчез в другую, уплывая в ручейке конденсата. Жасминовый аромат исчез.

Девочка тоже исчезла в тумане, но я знала: она вернётся. Она не оставит меня в покое, пока я не пойму, что ей нужно.

Глава 15

Ночью морось перешла в ливень. Эксгумацию пришлось отложить из-за непогоды, так как сырую землю было невозможно просеять через сито.

И раз я не могла работать на улице, то провела остаток утра в Эмерсоне. Ряд

безымянных могил возле северной стены оставался не идентифицированным, и, как ни странно, я не могла найти захоронения двух человек, про которых вычитала в старинной фамильной Библии.

Создание карты для такого старого кладбища, как «Дубовая роща», всегда вызов — словно собираешь воедино мозаику. Недостающие надгробия, утраченные записи, неразборчивые надписи, заросшие могилы — время беспощадно не только к живым, но и к мёртвым.

Я настолько увлеклась своим занятием, что сначала не обратила внимания на скрежет.

А затем подняла голову и села очень тихо, спрашивая себя, не мышь ли это прогрызает себе путь в одной из коробок.

Архив, расположенный в подвале эмерсонской библиотеки, представлял собой тесное помещение с мрачными альковами и полутёмными коридорами, вдоль которых выстроились бесконечные стеллажи с записями.

Обычно я не возражаю против тёмных замкнутых пространств, но непонятный звук породил слегка паническое чувство изолированности. Я была одна. Стол, за которым я работала, стоял фасадом к широкой лестнице, ведущей на первый этаж. За всё это время в подвал никто не спускался.

«У тебя просто разыгралось воображение», — убеждала я себя. Это старое жуткое место, полное звуков и запахов прошлого. Такое же, как и десятки других подвальных архивов, где я провела множество счастливых часов, уйдя с головой в биографии давно умерших людей.

Сбросив наваждение, я вернулась к работе.

И вот снова — свирепое царапание, сопровождаемое оглушительным грохотом.

Должно быть, коробка упала на пол. Тогда это точно не мышь.

По спине побежали мурашки. Я наклонила голову и прислушалась.

В конце одного из коридоров мелькнула тень. Я ахнула, прежде чем сообразила, что это человек, а не пугающий силуэт, с которым я столкнулась на тропинке к «Дубовой роще».

— Здесь кто-то есть?! — крикнула я.

— Это я! — раздался удивлённый ответ. — Я и понятия не имел, что не один. Вы давно здесь сидите?

— Пару часов. — Я вгляделась в сумрак. — Но я не видела, чтобы кто-то ещё спускался по лестнице.

— Я воспользовался чёрным входом. Наверное, поэтому мы друг друга и не заметили.

Мужчина приблизился ко мне, но я не узнавала его ни по лицу, ни по голосу, пока он не встал ко мне практически вплотную.

— Мисс Грей, не так ли? Даниэль Микин. Мы познакомились в «Восторге».

— Да, конечно. Приятно снова с вами встретиться, мистер Микин.

— Пожалуйста, просто Даниэль.

Я наклонила голову.

— Амелия.

Он бросил взгляд на мои документы и книжки, разбросанные на рабочем столе.

— Изучаете историю «Дубовой Рощи»?

— Да.

Я рассказала про могилы без имён и имена без могил.

— С такими дилеммами самому в могилу недалеко?

Я улыбнулась.

— Воистину.

— И никак не сходится?

— К сожалению, нет. Но, возможно, вы сможете мне помочь. Как я понимаю, рядом с кладбищем была церковь.

— Да, фактически первоначальная секция кладбища принадлежала церкви. Когда здание было уничтожено, городские власти не стали забрасывать удалённое место и открыли новое, больше похожее на парк-кладбище прямо напротив старого погоста. Со временем люди забыли о границе, и оба места стали называться «Дубовая Роща».

— А вы случайно не знаете, не были ли потеряны или уничтожены реестры при сносе?

— Конечно, такую возможность исключать нельзя. Многие старые записи погибли в огне во время и после гражданской войны. Возможно, некоторые были перемещены или неправильно оформлены. — Он хмуро огляделся. — Как и с «Дубовой Рощей», архивами позорно пренебрегали множество лет. Система остро нуждается в полном обновлении.

— Спорить не буду. Я убила огромное количество времени, ковыряясь во всех этих коробках.

— Моё самое любимое занятие на свете, — сказал он с улыбкой.

— Как и моё.

— И вы не имеете ничего против одиночества? Большинство находит это место угнетающим.

— Я никогда не возражала против общества самой себя.

Одиночество — мой старый друг.

— Я просто жалею, что не могу найти нужное.

— Знаете, в некоторых из книг в моём кабинете есть отсылки на «Дубовую рощу». Я просмотрю их, как вернусь, и поищу что-нибудь полезное для вас.

— Спасибо. Буду вам очень признательна.

Всё время, что мы разговаривали, он неловко держал левое запястье в стороне, что напомнило мне о предположении Темпл по поводу его шрама и возможной попытки самоубийства.

Как будто читая мои мысли, Микин начал тихонько пятиться обратно в тень.

— Мне не стоит мешать вам работать.

— Только один вопрос напоследок...

Он услужливо задержался.

— В прошлый вечер за ужином Темпл и Итан упомянули, что вы учились вместе с ними на последнем курсе. Кажется, вас связывает долгая история с этим университетом.

— Иногда мне кажется, что слишком долгая.

И снова неодобрительная улыбка.

— В ходе моих исследований я наткнулась на отсылку к тайному университетскому обществу. Оно называлось «Орден гроба и когтя». Вы что-нибудь о нём знаете?

Он явно не особо жаждал отвечать на этот вопрос. Его глаза так и забегали от неуверенности.

— Я немного знаю об этом обществе, но не думаю, что подобная информация поможет решить вашу могильную проблему.

— Нет, я знаю, что нет. Но в кладбищенском искусстве используется множество символов и образов тайных обществ. Думаю, я могла наткнуться на знаки этой организации

в «Дубовой роще».

— Я ничего не могу рассказать вам о символах. Не зря же их хранили в тайне. Могу лишь сказать, что орден двадцатого века сильно отличается от общества, основанного в 1800-х. Эволюция, на мой взгляд, не всегда была успешной.

— Я где-то читала, что в восьмидесятые в устав внесли поправки, позволяющие включать в ряды женщин.

— Одна из более просвещённых фаз. Хотя «просвещение» — немного неправильное слово в описывании организации, которая по своей природе ограничена.

— Как я понимаю, вы не питаете уважения к подобным видам обществ.

Он пожал плечами.

— У меня проблемы с элитарностью в целом. Я скорее из людей, которые будут штурмовать Бастилию, а не охранять её.

Его самооценка меня посмешила. Я едва могла представить себе, что Даниэль Микин в одиночку с ножом ползет против человека с мечом и мушкетом.

— Эксклюзивность членства в тайном обществе введена только по одной причине. Предоставление возможностей и защита статуса-кво. Любой ценой.

— Что вы имеете в виду под «любой ценой»?

— Именно то и имею.

— Вы думаете, что орден связан с убийством Эфтон Делакур?

Казалось, этот вопрос заставил его сильно занервничать. Он глянул через плечо в сторону лестницы.

— Это всё-таки очень щекотливая тема в определённых кругах. Думаю, пусть лучше бедная девушка покоится с миром.

— Но произошло ещё одно убийство, и наверняка возникнут вопросы, — возразила я.

— Конечно, задавать подобные вопросы — работа полиции.

— Конечно, но...

— Мне очень жаль. Вы должны меня извинить. Я опаздываю на встречу...

И его словно ветром сдуло.

Его поспешное ретирование напомнило мне, как Темпл, услышав мои вопросы об убийстве Эфтон Делакур, увела разговор в сторону. Пятнадцать лет прошло с убийства, но, по-видимому, запрет на распространение информации всё ещё оставался в силе.

Я понаблюдала, как Микин исчезает в одном из коридоров, и только тут поняла, что мы не одни. Понятия не имею, как долго Камилла Эшби была в подвале и почему не объявила о своём присутствии. Она стояла в тени, под лестницей, в пределах слышимости нашего разговора. Я уловила её только краем глаза, прежде чем она шагнула назад и через секунду щелкнула дверь.

После этого мне не захотелось больше оставаться в архиве. Подвал слишком изолирован от остального здания. Я собрала вещи и уехала на ранний ленч.

***

Так вышло, что в тот день в Эмерсон я больше не вернулась. К середине полудня, когда наконец закончился дождь, я оказалась на Прибрежном шоссе, двигаясь в сторону округа Бофорт.

С того момента, как вышла из архива, я сражалась с одним болезненным желанием: мне отчаянно хотелось увидеть место, где умерли Мариама и Аныка.

Импульс был вовсе не логичным, но не более странным, чем сердце, проявившееся на оконной изморози, или тёмная фигура, что показалась из леса у «Дубовой рощи». Я девушка, которая видит призраков. В моей жизни не осталось ничего логичного, с тех пор как мне исполнилось девять лет.

Возможно, стоило поехать домой и откопать гранатовое колечко, как советовал папá, но я так не сделала.

Хранить связь с духом девочки, конечно, не логично, но теперь, когда я узнала, кто она, я не могла заставить себя бросить кольцо в реку, где она утонула. Такой поступок казался слишком равнодушным, оскорбительным по отношению к душе Аныки и Девлину.

Как только я съехала с US 17, трасса стала сложнее, и, если бы не навигатор, я бы с лёгкостью заблудилась в клубке двухполосных шоссе и просёлочных дорог. Однако я внимательно вбила маршрут в программу, прежде чем покинула Чарльстон, и компьютеризированный голос привёл меня прямо к цели.

Съехав в сторону от дороги, я вышла из машины и подошла к небольшой насыпи у моста.

За всё время, что пробыла на том месте, я увидела только один автомобиль. Водитель, проезжая мимо, опустил стекло и поинтересовался, не нужна ли мне помощь. Я поблагодарила его и помахала ехать дальше, а сама вернулась к созерцанию реки.

Вода поднималась лишь на несколько футов под мостом. Если река была полноводной, когда автомобиль Мариамы пробил ограждение, то удар, возможно, получился мягче, хотя результат, наверное, не изменился бы.

«Почему она потеряла управление в тот день?» — спрашивала я себя. Дорога была узкой, так что, возможно, Мариама свернула пропустить встречный автомобиль или, быть может, на дорогу выскочило животное. Если на мосту было скользко, то машину могло занести прямо на перила.

Бесполезные догадки. Никто никогда не узнает, что произошло на самом деле.

Серое небо, тяжёлый от влаги воздух, пропитанный запахом моря из-за приливной заводи. Вокруг тишина и покой.

Я долго простояла на берегу, но так и не почувствовала их присутствия. В конце концов вернулась к машине, сбросила настройки навигатора и проехала мост не оглядываясь.

***

Следующей остановкой было кладбище Чедати, расположенное в нескольких милях к северо-востоку от Хаммонда, вниз по односторонней гравийной дороге, представляющей собой туннель сквозь густые ряды склонённых виргинских дубов.

Про место захоронения Мариамы и Аныки я узнала из некролога, но понимала свою навязчивую необходимость посетить их могилы не больше, чем манию увидеть тот мост. Знала лишь, что не успокоюсь, пока не увижу оба этих места.

Вход на кладбище помечала ржавая металлическая арка, столь узкая в ширину, что на кладбище было невозможно проехать на машине. Я повернула назад и остановилась на краю канавы, полной чёрно-зелёной воды.

Могилы на здешнем кладбище были старые и оформленные в традициях галла: часы, указывающие на время смерти, треснувшие лампы, чтобы осветить путь в загробном мире, битая посуда: кувшины, миски, чашки, супницы, — чтобы разорвать цепь смерти. Целые сектора покрывал белый песок в знак защиты от бакулу, беспокойных духов, которые задержались в нашем мире, чтобы мешать живым.

Я оказалась на земле суеверий, в краю бу-хаг с Низины. Согласно старым сказкам папá, бу-хаг — это женщина, практикующая колдовство и чёрную магию. С приходом ночи ведьма покидает своё тело и рыщет по округе, вытягивая жизненные силы из дыхания жертв. Её нельзя увидеть, можно только почувствовать. У неё тёплое прикосновение, говорил папá, напоминающее сырое мясо.

— Тогда она не призрак, — указала я, опираясь на свою «безупречную» логику. — Они на ощупь холодные и влажные. Словно ты оказался в могиле.

— Тсс, — цыкнул папá. — Мама не должна слышать подобные разговоры.

Я поёжилась как послушная дочка, но меня беспокоило, что я не могу поделиться этой частью своей жизни с мамá. После столкновения с привидением я больше всего на свете хотела оказаться в её крепких объятиях, чтобы её тёплые руки оградили от всех бед, что проплывают мимо наших окон в сумерках.

Если первая встреча с призраком изменила мои отношения с папá, то его правила создали пропасть между мной и мамá. У нас никогда не могло быть таких уз, как мне хотелось, потому что я скрывала от неё правду.

Папá тоже скрывала от неё правду, и его тайны стали тяжёлым бременем для нас обоих.

Мариама и Аныка были захоронены в новой части кладбища, недалеко от входа. Они покоились бок о бок под корявыми ветвями древнего дуба.

Могила Мариамы была украшена аналогично остальным, но крошечное захоронение Аныки отличалось скудностью декора. Простое надгробие, несколько плоских ежей и моллюсков.

Но больше всего меня поразила дата на надгробии. Сегодня был день её рождения.

Я опустилась на колени и убрала нежными руками мёртвые листья с могилы, обнажая сердце, сложенное кем-то из ракушек.

Медленно прочертила по контуру кончиком пальца, представляя в воображении сердечко, появившееся на матовом окне.

На дороге хрустнул гравий. Я стала ждать, когда машина проедет мимо, но она остановилась. Через секунду хлопнула дверца.

Я поднялась и быстро пошла прочь. Не знаю почему, но не хотелось, чтобы меня увидели возле этих могил. Поскольку я уже не успевала вернуться к машине, я встала за дерево в надежде, что никто не пройдёт по этой дорожке.

Сжавшись за массивным стволом, я наблюдала, как посетитель прошёл через арочный вход, выдвинув плечи вперёд и слегка наклонив голову. Я мгновенно узнала этого человека.

Девлин.

Глава 16

Стоило Девлину пройти ворота, как он вздёрнул голову и оглядел кладбище, словно почувствовал моё присутствие.

Скорее всего, годы работы в полиции выработали у него привычку остерегаться

изолированных мест. В любом случае, я отпрянула и вжалась в ствол дуба. Не услышав приближающихся шагов, я снова выглянула.

Девлин стоял между могилами Мариамы и Аныки. Он отвернулся от меня так, что я не могла видеть выражение его лица и была благодарна за это. Я ненавидела себя за то, что шпионила за ним в такой интимный момент, но не могла отвести взгляд. Или, быть может, просто не хотела. Возможно, я внушила себе, что из-за связи с духом ребёнка — с самим Девлином — я имею право здесь находиться.

Он долго-долго смотрел на надгробие Мариамы, затем опустился на колени и положил что-то на могилу Аныки.

На кладбище было очень тихо. Мне казалось, что я могу слышать его голос.

Через секунду он поднялся и ушёл. Хлопнула дверца автомобиля.

Я подождала, когда стихнет звук мотора, прежде чем вышла из укрытия. К моему стыду — а позже и к горькому сожалению — я не ушла с кладбища сразу, а вместо этого вернулась к могилам, чтобы увидеть, что оставил Девлин.

В центр сердечка из ракушек он поместил миниатюрную антикварную куклу ручной росписи, со смуглым цветом лица, кружевным зонтиком, шёлковым турнюром^[23] и туфельками с пряжками. Игрушки восхитительней я в жизни не видела.

Этот подарок всколыхнул что-то в глубинах моей души. Слезы ужалили глаза, и я постаралась сморгнуть.

И тут я услышала голос, тихий, как шёпот деревьев. Имя...

— Шани...

На мгновение я подумала, что мне показалось, но потом я подняла взгляд и увидела, что я больше не одна. Под свисающими ветвями деревьев стояли пожилая женщина и девочка десяти лет и наблюдали за мной.

Я неуклюже поднялась на ноги.

— Здравствуйте...

Женщина подняла руку, и я замолкла.

Незнакомка была одета в выцветшую красную юбку, которая хлопала по лодыжкам, и зелёную рубашку, застёгнутую по горло. Серые жёсткие волосы были собраны в свободный пучок на затылке.

Девочка же представляла собой само воплощение юности. Рукава потёрты, шорты подрезаны. Лимонного цвета блузка подчеркивала красивый оттенок кожи. Грива своеобразных локонов обрамляла ангельское личико, которое украшали удивительные светло-зелёные глаза. Разительные контрасты, но всё же нельзя было найти больше красоты и элегантности в обветренном лице, чем у этой малютки.

Обе незнакомки были босиком, но веточки и сосновые шишки, валявшиеся на земле, казалось, ничем их не беспокоили, пока они шли к могилам.

Женщина остановилась между надгробий и неразборчиво забормотала.

Она достала пакетик из кармана, насыпала что-то на ладонь и дунула. Крошечные голубые песчинки разнеслись на ветру мерцающими крупинками.

Женщина обратила своё внимание на меня и оценивающе изучила в полной тишине.

— Я...Амелия, — наконец сказала я не в силах больше выдерживать молчание.

Девчушка подскочила к нам и взяла женщину под руку.

— Я Рапсодия. А это моя бабушка.

— Рапсодия. Чудесное имя.

— Оно означает «чрезмерно восторженная». Состояние возвышенного блаженства. — Она покрасовалась, точно павлин, а затем наклонилась почесать под коленкой. — Вы пришли на день рождения Шани?

— Кто такая Шани?

Она указала на крошечную могилу.

— Почему ты зовёшь её Шани? На надгробии написано Аныка.

— Шани — её корзиночное имя.

Я вспомнила, что читала о традиции галла давать детям двойные имена. У каждого ребёнка было официальное имя при рождении, наряду с более личным прозвищем, используемым в семейном кругу, тайным именем, которое даётся ребёнку, когда он достаточно мал, чтобы поместиться в корзину для риса.

Рапсодия накрутила тёмный локон на палец.

— Моя корзиночное имя — Сиа, так как я первая дочь в семье.

— Что значит Шани?

Она показала символ пальцами.

— Моё сердце.

У меня подкосились колени, нутро онемело от холода, и я снова подумала о сердце на окне. Шани хотела, чтобы я знала, кто она такая. Она использовала своё имя с целью соединить нас, связать...

Был день, часы до того, как вуаль между мирами истончится. Но в тот момент я почувствовала присутствие ребёнка так же сильно, как если бы она стояла рядом.

Не подозревая об эмоциях, бушующих в моей душе, Рапсодия стала болтать о других корзиночных именах в семье.

Бабушка ущипнула её за руку.

— Ой! Какого чёрта!

Она покачала пальцем перед лицом девочки.

— Не свар'сь, бар'сня! Клянюсь, у т'бэ на рюци с'див камар.

Рапсодия прикусила язык, но её надутые губки говорили сами за себя.

— И нэ дуй х'би!

— Да, мэм.

И тут женщина обратилась ко мне с властными нотками в голосе:

— Ть! П'шь з н'мы.

— Что, простите?

Рапсодия, уже перестав дуться, подошла и взяла меня за руку.

— Бабушка хочет, чтобы вы пошли с нами.

— Пошла с вами... но куда?

Я вообще не была уверена, что мне понравилась эта идея.

— В её дом. — Она кивнула в сторону гравийной дороги. — Он в самом конце.

Её бабушка сказала что-то ещё, очень быстро, но я не разобрала ни слова.

Рапсодия услужливо перевела:

— Она говорит, что если вы хотите узнать о Шани, вам лучше пойти с нами. На вашем месте я бы её послушалась. — Она добавила, бросив косой взгляд: — Бабушка говорит, что без её помощи, Шани никогда не оставит вас в покое.

Приглашение внезапно стало весьма заманчивым.

***

Мы вместе пошли по гравийной дороге. Вернее, Рапсодия танцевала между нами, её движения были так легки и воздушны, что, казалось, она вот-вот взлетит.

Всё это время она безостановочно болтала о своём отце, который уехал в какое-то длительное путешествие по Африке. Их семья жила в Атланте, в доме, который в миллион раз больше старого коттеджа бабушки. У них был свой собственный бассейн, и Рапсодия могла подружиться с кем бы только ни захотела. А вот у бабушки не было даже телевизора, а уж тем более кабельного и интернета. Если Рапсодия хотела пообщаться с друзьями, ей приходилось топать до самого Хаммонда и пользоваться библиотечным компьютером.

Однако несмотря на ворчание, она казалась весьма счастливой, и я почувствовала глубокую привязанность между ней и её бабушкой, Эсси.

В конце дороги располагалось крошечное поселение: дощатые дома в окружении груды покрышек, брошенных машин и сборной солянки из ржавой техники. Все дома были одноэтажными и возвышались над землёй на деревянных сваях.

Когда мы проходили мимо первого дома, я увидела девочку лет четырнадцати, она выглядывала на нас из-за тени просевшего крыльца. Рапсодия помахала ей, но девочка встала и поспешила внутрь дома.

— Это Тай-Тай, — объяснила Рапсодия. — Она не любит, когда я смотрю на неё.

— Почему?

— Она меня боится.

— С чего ей тебя бояться?

— Бабушка — знахарка, а я единственная девочка в семье, — загадочно ответила она.

Эсси что-то пробормотала себе под нос — предостережение, наверное, — но Рапсодия беспечно пропустила его мимо ушей.

— Тай-Тай заявляет, что я подмешала что-то в её пепси, чтобы у неё выпали волосы, но я этого не делала. Хотя могла, если бы захотела.

И она откинула свою роскошную гриву со всей вальяжностью, на которую была способна десятилетняя девочка. А её, в случае Рапсодии, было довольно много.

— Одна мал'кая бар'сня залиш'ться сѣх'ня без вечера, — предупредила Эсси.

— Прости, бабуля, — с раскаянием произнесла Рапсодия, но бросила на меня хитрую ухмылку и пнула камень в сторону дома Тай-Тай.

Когда мы проходили мимо следующего дома, во дворе залилась душераздирающим воем привязанная к конуре собачонка. Эсси подняла руку, и пёс умолк. Наступила гробовая тишина, как на кладбище.

— Бабушкин дом там. — Рапсодия указала на крошечный белый коттедж в конце дороги. Его с лёгкостью можно было назвать самым красивым домом в районе. Рядом был разбит ухоженный сад, на бельевой верёвке хлопало свежее бельё.

Мы поднялись по бетонным ступенькам и прошли по крыльцу с дощатым полом и голубым потолком — цвет неба по традиции галла отпугивает ос и призраков — в узкий холл, где пахло шалфеем и лимонной вербеной. Я сразу заметила три вещи: отвёрнутое к стене зеркало, соломенную метлу, стоящую прямо в дверном проёме, и узор из ракушек в виде ангельских крыльев поперёк скамеечки.

Эсси захлопотала на кухне, оставив Рапсодию показывать мне уютную гостиную, где

каждый сантиметр стола был украшен самыми великолепными плетёными корзиночками, которые я когда-либо видела. Когда я похвалила работу мастера, Рапсодия безразлично пожала плечами:

— Всё это старьё? Бабушка его постоянно делает.

Большого безразличия и выразить было нельзя.

Она махнула рукой в сторону стены с выцветшими портретами.

— Эти люди — мои родственники, только не спрашивайте их имена. Они уже давно умерли. Бабушка говорит, что мы, Гудуинз, имеем привычку умирать молодыми. За исключением её, по-моему. Наверное, мы прокляты или что-то типа того.

Её бабушка, сказала она, на самом деле её прабабушка. Её отец и Мариама были двоюродными родственниками, но скорее напоминали брата и сестру, так как оба росли у Эсси.

— Что ты имела в виду, сказав, что твоя бабушка — знахарка?

— Она ведьма, — ответила Рапсодия и так же лукаво улыбнулась, как и раньше. — А так как я осталась единственной девочкой в семье, то буду её помощницей. Вот почему я здесь на лето. Так я смогу научиться колдовать.

— Сиа! Трымай яс'к за зубьями!

Эсси подошла так тихо, что мы с Рапсодией подпрыгнули и повернулись в сторону двери. Эсси несла нам поднос с кувшином сладкого чая, три стакана и тарелку с кунжутным печеньем.

Прежде чем кто-либо из нас успел предложить ей помощь, она повернулась и скрылась в крошечной прихожей. Через секунду хлопнула дверь.

Мы с Рапсодией последовали за Эсси на веранду, где она устроилась в старинном тростниковом кресле-качалке и налила нам по стакану чая, прервавшись на секунду, только чтобы схватить Рапсодию за руку, когда та потянулась за печеньем.

Эсси протянула тарелку мне, и я взяла печенюшку, потому что чувствовала, будет ужасно невежливым отказать. Кроме того, мне нравилось кунжутное печенье. Оно, как говорят, приносит удачу.

Я села на верхнюю ступеньку, а Рапсодия опасно расположилась на хлипких перилах.

В чае чувствовался вкус мёда, лимона и капельки апельсина. Он был сладкий и вкусный, как делает моя мама.

Пока мы с Рапсодией грызли печенье и потягивали чай, Эсси смотрела в небо. Солнце наконец-то вышло из-за туч, и стоило ветру утихнуть, как стало жарче. Я прижала холодное стекло к лицу и спросила себя, как бы заговорить о Шани.

Спустя какое-то время я начала тонуть в сиропообразном тепле. Наклонилась поставить пустой бокал на поднос Эсси рядом с её креслом, а когда выпрямилась, крыльцо начало вращаться перед глазами. Я охнула и вцепилась в столб для поддержки.

Рапсодия спрыгнула с перил и присела передо мной, вглядываясь в моё лицо.

— Что с вами?

— У меня кружится голова...

Она положила ладонь на мой лоб.

— Ей плохо, бабуля. Может, дать ей настой иммортелии.

Внезапно я почувствовала острую необходимость уйти отсюда. Попыталась подняться, но крыльцо закрутилась ещё быстрее.

Рапсодия положила руки на мои плечи и прижала спиной к полу.

Глава 17

Я очнулась с раскалывающейся головой.

С огромным усилием открыла глаза. Перед взором маячили размытые лица.

— Она пришла в себя, — сказал кто-то. Кажется, Рапсодия.

Я попыталась встать, но вместо этого еще глубже провалилась в нечто мягкое, что смягчило мое падение.

— А она точно её видит, бабуль?

— Точна.

Я узнала голос Эсси. Как ни странно, теперь я её отлично понимала. Словно она изменила манеру говорить, или я начала привыкать к её диалекту. Не знаю.

— Ты можешь её вылечить?

— Ни, дитятко. Ни одын корень не вылечит эту барышню. Вона зачарована. Вона побывала на той стороне. Пересекла завису и вернулась, и теперь её душа не знае, какому свиту принадлежит.

— Так вот почему она может видеть Шани?

— Думаю, так.

Повисло долгое молчание. Мне показалось, будто кто-то помахал рукой перед моим лицом. Запахло чем-то сладким и едким.

— Что-то не так, бабуля? Что ты видишь?

Ещё одна пауза. Ещё один странный запах.

— Некто идэ за этой барышней. Душа у него чорна, как полночь, и шествует он среди мертвецов.

Я пыталась спросить, что она имеет в виду, но не смогла заговорить. Язык словно распух, а губы отказывались шевелиться.

Глаза закрылись, голоса утихли.

Во второй раз я уже очнулась без тумана в голове, и только слабая пульсация в висках напоминала, что мне было дурно.

Я мгновенно поняла, где нахожусь — в доме Эсси, на кровати в комнате, которая когда-то принадлежала Мариаме.

Я приподнялась на локтях и осмотрелась.

Комнату занимал только шкаф из красного дерева в одном углу и железная кровать — в другом. Я лежала поверх лоскутного одеяла ручной работы, которое, судя по выцветшему узору, передавалось по наследству ещё со времен подземных железных дорог^[24].

Из окна пробивался солнечный свет, но уже близился закат. Я встала, нашла обувь и прошла по молчаливому дому.

Эсси сидела на крыльце и латала одеяло, Рапсодия гоняла мяч с ребятами на дороге. Девочка была меньше и моложе остальных, но я не сомневалась, что она сможет за себя постоять.

Эсси бросила на меня беглый взгляд, а затем вернулась к своей работе.

— Луцшэ?

— Да, спасибо. Я не знаю, что случилось.

— Сонэчко припэкло главу городской барышни.

— Нет, дело не в солнце. Я все время работаю на жаре. Что было в чае?

— С чаем всё было добре. Я сама його заварыла.

Такой ответ меня не устроил.

— Тэбэ высушэ нечто иное, — добавила она со всезнающим взглядом.

Я тут же подумала о Девлине.

— Эсси, мы можем поговорить о Шани?

Она уверенно продела иглой лоскут одеяла.

— Это дытя не знае спокою.

— Почему?

— Вона нэ хочэ уйти из-за отца. Вона нэ сможэ пройты, погы он йё не отпустит.

Я посмотрела на Эсси, и меня словно саму проколело иголкой.

Я вспомнила свою первую встречу с призраками Девлина — Шани едва его отпускала.

— Не думаю, что он подозревает о её присутствии, — тихо ответила я.

— Он знает. — Эсси подняла седую голову и приложила руку к груди. — Вот тут.

Я закрыла глаза.

— Что она от меня хочет?

— Розкажи ему правду.

— Я не могу.

Эсси обеспокоенно посмотрела мне в глаза.

— Можэ нэ сейчас, но этот дэнь настанэ. Йому придется сделать выбор.

— Какой выбор?

— Миж свитом живых и мертвых.

Я повернулась и посмотрела на двор, где Рапсодия всё ещё играла в мяч с друзьями. На редкость нормальная картина.

Эсси поднялась с кресла и, обхватив мои руки, положила что-то в ладонь.

Это был крошечный тканевый мешочек, перевязанный голубой лентой.

— Что это?

— Поклади його сёгодня вночи под подушку. Он отгонит злих духив.

Она достала из кармана фартука пакетик с сушеными травами и положила его во вторую ладонь.

— Иммортелия. Излечит хворобу.

— Спасибо.

Она махнула рукой.

— Иды. Тебе с волнением ждуд вдома.

Обо мне некому было волноваться, но я не стала спорить. Села на верхнюю ступеньку и обулась. Когда я встала, Эсси бросила обеспокоенный взгляд на небо.

— Поспишай, барышня. Закат близок.

Глава 18

Рапсодия с друзьями проводили меня до кладбища, но не дальше ворот. Я в одиночестве прошла через скромные надгробья, задержалась у могил Мариамы и Шани и оглянулась. Рапсодия стояла на обочине, глядя мне вслед. Что-то в тревожном выражении её лица напомнило мне о подслушанном между ней и Эсси разговоре.

Некто идэ за этой барышней. Душа у него чорна, как полночь, и шествует он среди мертвецов.

По спине тут же побежали мурашки, под ложечкой засосало.

А затем я лишь посмеялась, что приняла её слова столь буквально. Я слишком впечатлительная. Допускаю, Эсси может вылечить некоторые болезни с помощью корней, ягод и иммортелии, но это не означает, что она обладает даром ясновидения.

Тем не менее, я ускорила шаг, желая убраться как можно дальше от кладбища до наступления сумерек. Солнце по-прежнему висело у верхушек деревьев, пробиваясь сквозь листочки дуба, словно длинные бусины стекляруса. У меня ещё много времени в запасе, но я уже чувствовала тревожное покалывание, как при сумерках.

Нажав кнопку пульта, чтобы разблокировать двери машины, я спустилась с небольшой насыпи и перепрыгнула канаву у дороги. Однако стоило мне приблизиться к внедорожнику, как я замедлила шаг и про себя выругалась.

Переднее колесо со стороны водителя полностью спустило. Не такое уж редкое явление на просёлочных дорогах, поэтому я всегда держала исправную запаску с домкратом.

Не поддавшись нетерпению и панике, я достала всё необходимое и приступила к работе, повернувшись спиной к закатному солнцу.

Труднее всего мне давались зажимные гайки. На них всегда уходило кучу сил. К тому времени, как я наконец поместила домкрат и сняла спущенное колесо, солнце уже опустилось за верхушки деревьев.

Где-то в лесу заголосила гагара, и от её жуткого вскрика у меня побежали мурашки.

Чувствуя себя совершенно незащищённой, я надела запасное колесо и быстро затянула гайки. Опустила домкрат. Довернула гайки. Глянула через плечо. Чисто.

Снова закричала гагара, на этот раз резко и протяжно. Папá всегда говорил, что это признак возбуждения или страха.

Побросав инструменты в багажник, я села за руль и уехала тем же путём.

Деревья по обе стороны от гравийной дороги создавали непроницаемый шатёр из-за кистей испанского мха. У машины автоматически включились фары, и время от времени в подлеске мелькали блестящие настороженные глазки. Маленькие создания суетливо бегали по канавке.

Как сильно бы мне ни хотелось убраться подальше от кладбища и забыть про предупреждения Эсси, я не решилась погнать по ухабам. Но стоило выехать на шоссе, как я вжала педаль в пол. С каждой милей пылающий диск солнца опускался всё ниже в болота, оставляя за собой позолоченный тёмно-алый «хвост кометы» чуть выше верхушек деревьев.

Менее чем через пять миль захлопала шина.

Нет!

Нет, нет, нет.

Только не это!

Это невозможно. Не со вторым колесом. Не здесь. Не сейчас.

Стараясь удержать себя в руках, я попыталась спокойно оценить ситуацию.

Я могу продолжить ехать, пока колесо окончательно не спустит, или же могу развернуться и попытаться дотянуть до Хаммонда, до которого навскидку семь-восемь миль в другую сторону.

Судя по звуку, до Хаммонда я вряд ли доберусь.

Съехав на обочину, я припарковалась и проверила мобильный на наличие сигнала. Полосочка то мелькала, то гасла.

Я вышла, забралась на капот, затем на крышу и стала медленно поворачиваться вокруг

своей оси, не сводя глаз с телефона.

Свет быстро тускнел. Вокруг царила абсолютная неподвижность. Тишина сумерек. Последние секунды дня, перед тем как призраки выйдут на охоту.

Вот она!

Ещё полоска!

Я быстро позвонила в придорожный сервис и путано объяснила, где примерно нахожусь, прежде чем сигнал пропал. Понятию не имею, сможет ли до меня добраться эвакуатор.

Я продолжала вертеться, надеясь на более сильный сигнал. На втором повороте заметила какое-то движение прямо за деревьями.

Волосы встали дыбом, но я ничем себя не выдала. Сделала ещё один круг, осматривая лес краем глаза.

Вот он, прячется во мраке.

Чтобы это ни было, оно преследовало меня всю дорогу до округа Бофорт. А сейчас притаилось среди деревьев и наблюдало.

Я не шевелилась, не смела даже дышать.

Оно не было похоже на призраков, с которыми я сталкивалась. Ни ауры, ни неземного свечения. Тёмное и сырое, более материальное, чем тень. Но я почувствовала его присутствие. Зло, исходящее от леса, было осязаемо.

Теперь встали дыбом волосы на руках. Я постаралась не спеша спуститься с крыши, но поскользнулась, плюхнулась на попу, сползла по лобовому стеклу и, отскочив от капота, приземлилась руками и коленями в грязь. В кожу врезались гравий и стекло, но, не обращая внимания на боль, я вскочила на ноги, прыгнула в машину и заблокировала дверь.

Словно это могло остановить ту тварь.

Полезла в карман за телефоном, нашла амулет Эсси и зажала его в ладони.

Ледяной холод сочился сквозь закрытые окна, ворочая внутренности и заставляя сердце колотиться ещё сильнее.

В пассажирском окне что-то мелькнуло, но только на долю секунды.

Повернув зеркало на себя, я посмотрела, что творится сзади машины, ожидая увидеть пару таращихся глаз, но ничего. Хотя нет... вот там...

Две сотни ярдов позади на обочину съехала машина.

Я испытала секундный восторг, прежде чем сообразила, что не слышала шум двигателя и не видела свет фар.

Очень странно и жутко.

Уперев взгляд в зеркало, я пыталась засечь хоть какое-то движение.

Ничего.

Но по крайней мере машина настоящая, а водитель — человек из плоти и крови.

Перебравшись через сиденье, я схватила монтировку и вернулась на место. Снова уперев взгляд в зеркало, я задумалась, не выйти ли мне из машины и попросить о помощи.

Решила выждать.

Прошла целая вечность, прежде чем я наконец заметила слабый огонёк на горизонте. Огонёк постепенно раздвоился.

Кто бы ни был в машине позади меня, должно быть, он тоже увидел свет фар, потому что я слышала, как завёлся двигатель. Машина сорвалась с места, словно водитель решил меня протаранить.

Я затаила дыхание и приготовилась к столкновению, но в последнюю секунду водитель свернул на дорогу и проехал мимо, так и не включив фар. Перед глазами промелькнуло лишь тёмное пятно с кузовом, по форме напоминающим поздние модели «седана».

Когда приблизился второй автомобиль, я еле вышла из машины и на дрожащих ногах встала у края дороги. Испугавшись, что водитель может не остановиться, я бросилась на середину шоссе, крича на пределе лёгких и размахивая руками как сумасшедшая.

Автомобиль замедлился и остановился, открылась дверь. По гравию хрустнули ботинки, и тут каким-то чудом раздалось моё имя.

— Амелия?

У меня подкосились колени от облегчения.

Глава 19

Девлин обошёл машину, и я увидела его призраков. Неудивительно, что они с ним. Сумрачно, да к тому же мы в глуши, далеко от священной земли.

Мы не виделись с нашей встречи в «Восторге», и всё, что я узнала о нём в тот вечер, пронеслось в моей голове. Он действительно из семейства Девлинов, но не поддерживает контактов с родными после ссоры с дедом, потому что выбрал не ту профессию и не ту женщину. Это много говорило о нём, о человеке, каким он был до трагедии, до того, как горе сделало его таким скрытным.

Странно, но чем больше я о нём узнавала, тем более далёким он мне казался. Хотя, принимая во внимание все обстоятельства, это, наоборот, хорошо. Слишком много произошло с тех пор, как он вошёл в мою жизнь. То призрак его дочери появился в моём саду, то его мертвая жена изводила меня на кладбище, то дух старика вернулся, возможно, в знак предупреждения. Дверь открылась, выпустив в этот мир холодную ужасную сущность, что теперь неустанно следовала за мной по пятам.

Хорошо, что я подавила свой порыв, когда впервые увидела его сегодня вечером. Я бы хотела броситься в его объятия, как тогда, на «Дубовой роще», но его призраки сдержали меня. Я уже чувствовала их всепоглощающий холод, стоило Девлину направиться в мою сторону.

— Что случилось? — Он сощурился и остановил взгляд на моём лице.

— Колесо спустило. Слава Богу, вы проезжали мимо. Не представляете, как я рада вас видеть.

Я была горда собой за то, что выдала в голосе лишь облегчение и ничего более.

Девлин огляделся.

— Что вы здесь делаете?

Что это мне сейчас послышалось? Нотки подозрения?

— Я приехала посмотреть на кладбище.

Не ложь, хотя я намеренно позволила ему предположить неправду.

— А что насчёт вас?

— Личное дело. — Его голос был ровным, как мои шины. — У вас есть запаска?

— В машине. Это уже второе колесо, вот такая я везучая. Видимо, где-то подцепила пару гвоздей.

Может, мне показалось, но углы его лица показались мне более резкими, чем обычно, а круги под глазами — ещё темнее. Но потом я вспомнила поездку на кладбище и дату на

маленьком надгробии.

Я отвела взгляд, потому что не могла даже смотреть на него. Не могла вынести мысли о предсказании Эсси. Мне было тяжело представить себе сценарий, в котором я смогу рассказать ему о духе дочери.

— Два прокола?

— Да. Я позвонила в придорожный сервис, но сигнал постоянно пропадал. Возможно, оператор даже меня не расслышал. Если бы не вы... — на этот раз голос предательски дрогнул.

Он обернулся и внимательно всмотрелся в моё лицо.

— Что случилось?

— Скорее всего, ничего важного, просто на обочину неподалёку от меня съехала одна машина. Только вот двигателя я не услышала, да и фар водитель не включал. Он просто... стоял там. А затем, как только появился ваш автомобиль, водитель дал по газам. На мгновение мне показалось, что он собирается меня протаранить.

— Эта сельская и довольно бедная часть округа. Много наркотиков, много криминала.

— Думаете, я наткнулась на наркодилера?

— Я бы не удивился.

Он посмотрел на монтировку, которую я всё ещё сжимала в руке.

— У вас найдётся домкрат?

— Да, конечно.

— Тогда давайте снимем спущенное колесо. Я знаю одного механика в Хаммонде. Возможно, мы сможем уговорить его не закрывать гараж, пока он не поменяет нам оба колеса.

— Спасибо.

Он опустил на колени и ослабил зажимные гайки.

— Не за что. Я же не могу бросить вас ночью в глуши.

— Я знаю, но... — Взглядом окинула опушке леса и вздрогнула. — Вы даже не представляете, как я рада вас видеть.

***

Механик в Хаммонде поддался нашим уговорам, но цену заломил. Расставшись с шестьюдесятью долларами, но получив две исправные шины, я наконец-то пересекла мост Равенел и оказалась в Чарльстоне.

Девлин проехал за мной весь обратный путь и подождал у обочины напротив дома, пока я зайду внутрь. Я поспешно включила свет в коридоре и вышла на веранду, чтобы помахать ему на прощание. Если бы я была хоть чуточку общительнее, то пригласила бы его на чашечку кофе или чего-нибудь покрепче. Лучше ему не проводить эту ночь в одиночестве. Но годы осторожности и уединения по-прежнему сильно влияли на моё поведение, поэтому я просто стояла и смотрела, как он уезжает.

К тому же, по правде говоря, я побаивалась остаться с Девлином в доме наедине. Меня беспокоил не только странный упадок сил, который я ощутила, когда он поспал в моём кабинете в прошлый раз. Мне не давали покоя слова Темпл.

Есть в нём что-то такое... не уверена, что смогу объяснить. Я знаю мужчин, как он.

Они собранны и осторожны внешне, но при правильных условиях... с правильной женщиной...

Что меня беспокоило больше всего? Трудно сказать. Сможет ли Девлин потерять со мной контроль... или нет?

Сумасшествие какое-то. Думать мне больше не о чем.

Заперев входную дверь, я направилась напрямик в ванную, помылась и приготовилась ко сну. Я так вымоталась после вечерних мытарств, что хотела просто отключиться.

Но мозг на паузу не поставишь. Стоило только голове коснуться подушки, как мысли разбежались.

Я не призналась Девлину, что именно видела на опушке леса — ни вечером, ни днём, — потому что не знала, как это объяснить. Что бы я сказала? «Из-за моей связи с вами и вашими призраками через завесу прошла некая тёмная сущность, и я не знаю, смогут ли правила моего отца меня защитить?»

Меня пугало ещё и нечто зловещее, а именно чёрный «седан», который умчался, стоило только фарам другой машины появиться на горизонте. Я всем сердцем хотела верить, что случайно наткнулась на некую преступную деятельность, что объясняло своеобразное поведение водителя, но сомнения уже начали прогрызать дыру в моей теории.

Ведь именно чёрный «седан» чуть не сбил меня на стоянке ночью, когда выкрали мой портфель.

Я пыталась убедить себя, что у убийцы нет причин нападать на меня, раз я отправила фотографии Девлину, но теперь я забеспокоилась...

А вдруг я увидела нечто важное, хотя не знаю, что именно?

А вдруг на тех снимках есть скрытый символ, который могу истолковать только я?

А вдруг я действительно ключ к расследованию убийства Ханны Фишер?

На улице поднялся ветер. Зашелестели ветви деревьев, далеко в саду зазвенел колокольчик. Я лежала и дрожала, хотя ночь была приятна и тепла.

Высунув руку из-под одеяла, я потянулась к амулету Эсси на тумбочке. От мешочка исходил затхлый запах, который я раньше не ощущала. Я начала передвигать вещицу на край стола, но затем сунула под подушку.

Отведёт злых духов.

Надеюсь, она права.

Глаза закрылись, мышцы наконец-то расслабились.

Однако, уплывая в глубокий сон, я не обратила внимания на скрип калитки, вой соседской собаки и глаза, что светились безумием перед окном моей спальни, пока я спала.

Глава 20

Чарльстонский институт изучения парапсихологии располагался на тупиковой улице в историческом районе. Когда-то это был обветшалый квартал дешёвых домов времён постройки до гражданской войны, но волна перепланировки вернула величественным «мадам» подобие былого блеска.

С внешним обновлением появились и вычурные ряды модных магазинов: художественных галерей, дизайнерских домов и антикварных лавок, — что вступили в нескладный вальс с тату салонами и прокатами видео для взрослых, властвовавшие здесь последние лет двадцать.

Здание института — трёхэтажное совершенство белоснежных колонн и очаровательных портиков — было самым красивым в районе. Я припарковалась в тени, позади института, и открыла окно, чтобы впустить в салон свежего воздуха.

По пути к боковому входу моё внимание привлекла мерцающая, неоновая вывеска в виде ладони, висевшая на доме через дорогу, где некая предприимчивая хиромантка по имени Всевидящая Мадам открыла свой магазинчик. Ирония близости её лавочки с величественным институтом меня искренне насмешила.

Я уже бывала в институте, поэтому знала заведённый порядок. Позвонив в колокольчик, я подождала щелчка замка и, вырвавшись из утренней духоты, очутилась в прохладном холле с хрустальными люстрами и парчовыми обоями — в стиле потёртого шика. Где-то в глубине пробили напольные часы, усиливая ощущение путешествия в прошлое.

И хоть встречающая не надела юбки с кринолином, она была типичной южанкой: приветливая улыбка, золотистая кожа, светлые волосы. В свой образ она добавила таинственности: обвела голубые глаза сурьмой и нацепила серебряные кольца и цепи с экзотическими амулетами.

Девушка была новенькой, но знала моё имя. Проведя меня по коридору, она открыла скрытые раздвижные двери^[25], объявила о моём приходе и пригласила пройти.

В отличие от остальной части дома кабинет Руперта Шоу был обставлен скудно: изношенная мебель да шумный кондиционер, который поддерживал температуру где-то посередине между тёплой и холодной в зависимости от того, в какой части комнаты вы находились.

Однако недостаток стиля полностью компенсировался духом: вид на уютный сад, огромный мраморный камин и книги — сотни и сотни томов, томящихся в деревянных шкафах, сваленных на полу и занимающих каждый дюйм стола. Фолианты в старых кожаных переплётках, пропахших плесенью и знанием веков, соседствовали с зачитанными романами в бумажных обложках.

Я бы чувствовала себя в этой комнате, как дома, если бы только привыкла к температуре.

Доктор Шоу встал и подошёл расцеловать меня в обе щёки, а затем указал на пустое кожаное кресло у стола. Шоу был в своём привычном растрёпанном образе: фланелевые брюки, жилет в мелкую ломаную клетку и светло синяя рубашка, подчёркивающая цвет глаз и внушительную копну седых волос. Он был выше Итана, более худой и с грациозной осанкой, которая, несмотря на потрёпанный вид, указывала на жизнь в достатке.

Я села напротив доктора Шоу и вспомнила, как мы познакомились. Кто-то отправил ему видео с Самарского кладбища, и доктор Шоу связался со мной с помощью блога и упросил приехать на экскурсию в институт. Вечером мы вместе с его помощницей отправились поужинать в ресторане. Она училась в аспирантуре и недавно приняла приглашение преподавать за рубежом, так что ей нужно было срочно сдать квартиру на Рутледж-авеню, а так как я подумывала переехать в Чарльстон, но ещё не нашла подходящее жильё, то попросила её показать дом. Стоило мне переступить порог, как я поняла, что это именно то, что мне нужно. Неделю спустя я въехала в новую квартиру, и раз ассистентка решила не возвращаться до конца семестра, я отнесла все её личные вещи в подвал и подписала собственный договор аренды. Я жила в этом доме в идеальной гармонии... до того момента как в саду появился призрак дочери Девлина.

Но не это было целью моего визита.

После обмена любезностями доктор Шоу опёрся подбородком на сложенные в замок пальцы и посмотрел на меня с нескрываемым любопытством.

— Чем могу помочь? Ваш звонок был весьма таинственным.

— Надеюсь, вы сможете найти правдоподобное объяснение... любое объяснение... тому, что я видела в последние дни... — я замолчала, не зная, хочу ли продолжать наш разговор.

Конечно, про призраков я говорить не собиралась. До беседы с Эсси я никогда и ни с кем не делилась своими видениями, кроме папá. Пусть это и не устанавливалось правилами, но молчание и секретность всегда подразумевались.

Но та тёмная сущность — нечто совершенно иное. Я никогда не видела ничего подобного и не знала, как себя обезопасить.

Я откинулась на спинку стула в попытке расслабиться. Делиться с кем-то паранормальным опытом, даже с таким человеком как доктор Шоу, нелегко. Я словно обнажала душу, становясь объектом насмешек.

— Вы же знаете, что я работаю на «Дубовой роще»? Хотя что я спрашиваю, Итан признался мне, что вы заседали в комиссии, которая принимала решение по контракту. Хотелось бы выразить вам свою благодарность.

Он покачал пальцем.

— Ваша работа говорит сама за себя.

— И всё равно я благодарна вам за доверие.

Он склонил голову набок и стал терпеливо дожидаться, когда я перейду к цели своего визита.

— Уверена, вы также слышали, что в одной из могил обнаружили жертву убийства. Об этом напечатали в газетах и рассказали в новостях...

Он продолжил хранить молчание. Интересно, он, также как и я, задумался о другой жертве, найденной на том же кладбище пятнадцать лет тому назад? Доктора Шоу допрашивали по делу Эфтон Делакур, и, по словам Темпл, уволили из Эмерсона из-за неких слухов, связанных с этим преступлением.

Даже зная всё это, я не опасалась находиться с ним наедине, возможно, потому что наша дружба пересиливала мою осведомлённость об убийстве. У меня было время составить мнение об этом человеке, прежде чем его репутацию запятнало бы прошлое, так что моё первоначальное впечатление о нём как об утонченном, немного чудаковатом учёном-джентльмене ни капельки не изменилось. Я просто не могла представить, что бы Руперт Шоу был причастен к убийству, тем более к такому жестокому, как на это намекал Девлин.

Его голубые глаза продолжали задумчиво меня рассматривать.

Я успокоила спутанные мысли и сосредоточилась на признании.

— Два дня назад на «Дубовой роще» я видела нечто такое, чему не могу найти объяснения. Незадолго до сумерек я шла в одиночестве по тропинке к воротам, как неожиданно краем глаза уловила какое-то движение. Некий силуэт или тень, висящую на краю леса. Однако стоило мне остановиться, как эта тень бросилась ко мне с нечеловеческой скоростью и силой. Она меня не коснулась, но я ощутила ужасающий холод и зловонную сырость. Скорее даже не зловонную, ведь запаха не было. И все же у меня возникло отчетливое ощущение чего-то грязного... трупного. — Я сделала паузу, чтобы изучить выражение его лица. — Вчера я видела её снова. Я находилась в пяти милях от кладбища в округе Бофорт, как вдруг у меня спустило колесо. И затем... я заметила её...

тень... среди деревьев, и позже в окне машины. Она на секунду появилась и исчезла.

— Оба случая произошли в сумерках, и вы видели лишь тёмный силуэт на краю леса?

Я кивнула. Да, всё происходило на границе двух мест и времён.

— И каждый раз вы замечали её лишь краем глаза?

— А это важно?

— Возможно. — Он развернулся в кресле и выглянул в сад. — Возможно, вы видели то, что некоторые называют теневыми фигурами. Бесформенную массу, которая может обретать человеческую форму.

— Как... призрак?

— Нет. Это совсем другое. Почти все свидетели подобного явления описывают теневые фигуры как некий туман или пар, но с отчётливой человекоподобной фигурой, различимой одеждой и чертами лица. Теневая фигура... э-м-м, похожа на тень и часто вызывает неприятные ощущения, поэтому некоторые исследователи полагают, что это могут быть демоны.

— Демоны?

У меня волосы встали дыбом.

Что за дверь я открыла?

Доктор Шоу взял книгу со стола и перелистал страницы.

— Вот, взгляните. — Он протянул мне книгу. — Вы видели нечто подобное?

Я уставилась на изображение тёмного существа с человеческой формой и красными светящимися глазами.

— Я не видела глаз... — Я изучила картину повнимательнее. — Но похоже...

— Но если задуматься, вы не можете его как следует описать, потому что не смогли разглядеть.

— Нет, наверное, не могу. — Я поняла, что доктор к чему-то клонит. — Есть какие-то соображения по этому поводу?

— Могу дать парочку возможных объяснений.

— Помимо демонического? Я вся внимание.

— Тень, которую вы видели, лишь физическое проявление эгрегора.

— Понятия не имею, что это такое.

— Эгрегор есть продукт коллективной мысли. Иногда он проявляется в местах серьёзных физических и эмоциональных потрясений.

«К примеру, на месте убийства?» — подумала я.

— Лучше всего описать его как психическую сущность некой группы. Ментальный конденсат, созданный людьми, собравшихся вместе для определённой цели. Некоторые мистические братства и организации научились создавать эгрегоров посредством церемоний и ритуалов. Опасность, конечно, состоит в том, что эгрегор может стать намного сильнее, чем сумма его частей.

Никогда о таком не слышала.

— Оно реально?

Он пожал плечами.

— Лично я никогда их не видел, но говорю же, это возможное объяснение.

— Одно из двух.

— Некоторые верят, что тени могут быть призваны лишь с помощью чёрной магии.

Я тут же подумала об амулете Эсси, который лежал у меня в кармане.

Доктор Шоу подался вперёд и сложил руки на столе.

— С прискорбием сообщаю, что не верю ни в одну из этих версий.

— Не верите? Тогда как вы всё объясните?

Он махнул рукой.

— Оптическая иллюзия.

Я не поверила своим ушам.

— Хотите сказать, на самом деле я ничего не видела?

— Вам знаком термин парейдолия? Это состояние, при котором мозг воспринимает случайные узоры света и тени за более ясные и отчётливые — к примеру, за человеческие фигуры. Подобные иллюзии обычно происходят на периферийном зрении и при плохом освещении. К примеру, в сумерках.

Я нахмурилась.

— То есть, по-вашему, мне всё почудилось?

— Нет, каждый раз вы видели нечто реальное, просто приняли его за нечто иное.

Я откинулась на спинку стула.

— Вынуждена сказать, я немного шокирована, что именно вы выдвинули подобное предположение.

Он устало улыбнулся.

— Мне больно это признавать, но среди сотен, а может и тысячи физических и паранормальных явлений, которые я изучал долгие годы, лишь десяток не имеет научного или логического объяснения.

Интересно, чтобы он подумал о моих призраках.

Я достала амулет Эсси из кармана и положила на стол.

— Вы когда-нибудь видели нечто подобное?

Взяв крошечный мешочек, доктор Шоу повертел его в руке и поднёс к носу.

— Земля, перемешанная с корицей, — пробормотал он. — В западной Африке такие талисманы называют себех или гри-гри. Используется в качестве защиты от злых духов. Где вы его откопали?

— Мне его дала одна знахарка. Я познакомилась с нею на кладбище Чедати в округе Бофорт.

Доктор Шоу поднял взгляд.

— Перед или после того, как вы увидели тень?

— Перед. В её доме со мной произошло нечто странное. Подозреваю, мне подсыпали что-то в чай. — Я достала пакетик трав и протянула. — Она сказала, что это иммортелия.

— Иммортелия или бессмертник. Его листья заготавливают из растений семейства астровых. Обладает дурманящим эффектом при возкурении, поэтому его запретили в Южной Каролине. — Он поднёс пакетик к носу и сделал глубокий вдох. — По поверьям, вылечивает простуду. В целом безвреден.

— Безвреден? Да я шлёпнулась в обморок.

— Только не от этого. Я сам пью чай с бессмертником, так что никаких побочных эффектов. Наоборот он довольно бодрит. Как витаминный энергетик.

— Значит, она подсыпала в чай что-то ещё. Или в печенье... только вот они с внучкой ели с одной тарелки и пили из одного кувшина. Не знаю, что произошло, но это было так сюрреалистично. Словно сон. Она говорила довольно странные вещи обо мне.

Его глаза так и заблестели.

— Что именно?

— Она сказала, что я побывала на другой стороне и теперь моя душа не знает, какому миру принадлежит.

— Интересно. — Он задумчиво провёл пальцем по гри-гри. — У вас когда-нибудь был предсмертный опыт?

— Нет.

— Даже в детстве?

— Нет, насколько мне известно.

— Что ещё она сказала?

— Сказала, что кто-то идёт за мной, что у него чёрная душа, и он ступает среди мертвецов. Попросила класть амулет под подушку, чтобы тот отгонял злых духов.

Доктор отдал мне амулет, и я положила его обратно в карман.

— Вполне возможно, что она подсыпала вам лёгкие галлюциногены, как вы и подозреваете. Кроме того, возможно вы испытали явление, известное как гипнагогия — состояние между сном и реальностью. Что довольно интересно, учитывая ваши тени. Человек может находиться в сознании, но словно во сне: подсознание передаёт определённые раздражители, которые могут быть интерпретированы как движущиеся тени или даже необычные голоса. Это состояние часто сопровождается очень неприятными эмоциями — страхом и паранойей — и используется для объяснений ряда паранормальных переживаний, в том числе встречи с призраками и инопланетные похищения.

Грустно улыбнувшись, я положила пакетик иммортелии обратно в сумку и встала.

— И снова логическое объяснение.

— Поверьте мне, я больше всего на свете хочу оказаться неправ. — Он встал проводить меня. — Случаи без удовлетворительного объяснения не дают мне покоя день за днём, год за годом. Парапсихология может очень серьёзно разочаровывать, особенно если ты один в поле воин.

Доктор Шоу взял меня за руку на прощание, и я вновь заметила кольцо с ониксом на его мизинце.

— Мне так нравится ваше кольцо. Очень необычный символ, хотя у меня такое чувство, что я его уже где-то видела. Возможно, на надгробии.

— Возможно. Я не знаю его происхождения. Оно как-то приглянулось мне на блошином рынке, и с тех пор я постоянно его ношу.

Блошиный рынок, значит.

Я легонько тряхнула головой.

— Ещё раз благодарю за помощь.

— Если снова столкнётесь с чем-то подобным, не стесняйтесь — звоните. Никогда нельзя исключать возможность, что я ошибся и вас действительно посетили демоны, — с надеждой произнёс он.

Глава 21

Домой из института я возвращалась непривычным маршрутом и попала в затор возле старого рынка. Старый рынок — ночной кошмар мотоциклистов и рай для туристов, сеть крытых и открытых лавочек, где можно поторговаться за любой сувенир с Низины: закупиться футболками и плетёными корзинами или сделать афрокосички.

Зажатая между велорикшей и ржавой «тойотой», я ползла по Чёрч-стрит и от скуки рассматривала кладбищенский дворик церкви св. Филиппа, известной старейшими и красивейшими коваными воротами в городе, а также последним прибежищем дважды эксгумированного Джона К. Кэлхуна^[26]. Надгробия сохранились в прекрасном состоянии, заботились о них безусловно, но самым любопытным в церкви св. Филиппа была необычная планировка: два отдельных кладбища, прозванных «Друг» и «Незнакомец», одно для урождённых прихожан Чарльстона и второе для пришельцев.

Поговорили, что ночью по кладбищу бродит призрак молодой женщины, скорбящей по своему мертворождённому ребёнку. Уже много лет её видели туристы и местные жители, и якобы её призрачный силуэт запечатлел на плёнку один профессиональный фотограф. Но за все мои визиты на кладбище св. Филиппа я смогла уловить лишь её мимолётный проблеск.

Велорикша сбавила скорость, и возбуждённые пассажиры бросились делать фотографии на мобильные. Я всё больше и больше теряла терпение, так как хотела побыстрее оказаться дома и провести остаток дня наедине с Гугл.

Эгрегор, теневые фигуры, парейдолия — доктор Шоу подкинул столь экзотичную пищу для размышлений, что мне было необходимо провести самостоятельное исследование.

Я так и не поверила в его теорию оптической иллюзии и сна наяву, потому что лучше, чем кто-либо другой, знала: к логике иногда нужно относиться скептически. Но само собой его объяснения были куда аппетитнее идеи, что я столкнулась с некой тёмной сущностью.

Вот какие мысли крутились в моей голове, пока я барабанила пальцами по рулю, дожидаясь следующего поворота. И пока мы ползли с черепашьей скоростью, я случайно глянула в зеркало заднего вида в тот самый момент, как из машины, припаркованной у рыбного ресторанчика с тенистой верандой и тропическими растениями, вышел Девлин.

Всего пару дней назад мы даже не были знакомы, а теперь я вижу его повсюду. Странное, будоражащее и тревожное явление.

Всю свою жизнь я тренировалась не реагировать на раздражители и не действовать импульсивно, поэтому было просто не в моём характере сделать незаконный поворот, проехать круг по кварталу и припарковаться у ресторана под «фанфары» разлетевшегося во все стороны гравия.

Девлин уже выбрал столик на веранде и изучал меню.

— Надеюсь, вы не возражаете, — произнесла я со всей непринуждённостью и уверенностью девушки, столкнувшейся со своей первой любовью. — Я заметила, как вы припарковались у ресторана, и захотела перекинуться с вами парой слов.

— Пожалуйста, — ответил он со спокойным видом. Не знаю, разозлило ли его, порадовало или попросту оставило равнодушным моё вторжение.

Подошла официантка и поинтересовалась, нужно ли мне меню.

— Чай со льдом, пожалуйста, — ответила я.

Девлин поднял бровь.

— Вы не будете обедать?

— Не хочу вам мешать. Я подумала, что мы можем поговорить, пока вы дожидаетесь заказа.

— Как вам будет удобнее, — ответил он и выпалил на одном дыхании свой заказ: — Корзиночка креветок, кукурузные оладья и бутылку «Пальметто Амбер».

Пока Девлин разговаривал с официанткой, я воспользовалась возможностью рассмотреть его профиль. Нос, щеку, изгиб подбородка... впадинку под нижней губой. Всё

теперь казалось таким знакомым. Я даже привыкла к его шраму, и теперь глубокий зубец казался уже не изъяном, а скорее влекущей загадкой.

Его белая рубашка оттеняла загар, и я вспомнила про вчерашний сон: как красиво контрастировала его кожа на коже Мариамы.

Интересно, о чём он думает, когда смотрит на меня. Может ли он увидеть настоящую меня за всей этой скрытностью и маской здравомыслящей девушки? Чувствует ли он волнение сердца, переполненного чуждой и запретной безрассудной страстью?

Девлин что-то сказал, пока я витала в облаках, и я залилась краской.

— Простите. Я задумалась.

— Кажется, вы чем-то обеспокоены, — произнёс он, изучив моё лицо. — Что-то случилось?

Может, я и привыкла к его шраму, но плавный тембр его низкого голоса до сих пор лишал меня самообладания.

— Я просто хотела ещё раз поблагодарить вас за моё спасение прошлой ночью.

— Не нужно. Вы сделали бы то же самое для меня.

— Да, конечно. Но если бы вы тогда не проезжали по той дороге, я бы застряла там на несколько часов. — Картины, пронёсшиеся в ту минуту в моей голове, лишили меня притворной непринуждённости, и я задрожала под полуденным солнцем. — Могло произойти всё что угодно.

— В конце концов вас бы забрал эвакуатор.

— Возможно. Но было бы уже слишком поздно.

Низко висящий вентилятор взъерошил тёмные волосы Девлина, когда он пристально посмотрел на меня со своего места. Выражение его лица не изменилось, но в глазах что-то промелькнуло.

— Вы о той машине?

— Да, о чёрном «седане». Он припарковался прямо позади меня, но уехал, стоило водителю заметить свет ваших фар. И ведь именно чёрный «седан» чуть не сбил меня в ночь, когда выкрали мой портфель.

— Знаете, сколько в Южной Каролине чёрных «седанов»?

— Сотни, тысячи... — Я пожала плечами. — Всё равно это странно.

Он хотел было ответить, но остановился, так как официантка принесла напитки. Девлин перелил пиво в ледяную кружку, и мой взгляд упал на его руки. Такие изящные, такие крепкие...

Мы сидели возле самых поручней, и индийская сирень ограждала нас от уличной суеты. Ветерок поднял в воздух цветы, и на наш стол полетел дождь из розовых лепестков. Я наклонила голову, чтобы смахнуть их с колен, как Девлин вдруг потянулся через весь стол и убрал лепесток с моих волос.

Я замерла от его прикосновения. Дыхание перехватило. Я не осмелилась поднять взгляд.

А затем всё кончилось.

Он откинулся на спинку стула и плотнул пиво, по-видимому, даже не замечая, какой пожар только что разжёл.

— Что вы хотели сказать? — произнёс он будничным тоном, но искорка в его глазах, отблеск цвета расплавленного золота изобличил его апатию, и я заметила, как он медленно выдыхает, словно пытается не потерять контроль над собой.

Я не знала, что думать, но одно предположение, что он теряет самообладание в моём присутствии, будоражило до мурашек. Немного пугало, но по большей части всё-таки будоражило.

Я сглотнула ком в горле.

— Мы говорили о чёрном «седане». — Я стала машинально крутить соломинку в стакане, пытаюсь собраться с мыслями. — Я тут задумалась, а не могла ли я увидеть нечто важное на кладбище, только не поняла, что именно. А вдруг подсказка запечатлена на одной из фотографий, просто мы её ещё не нашли. — Я остановилась, почувствовав тьму в воздухе, предвестницу далёкой грозы. — А если Том Геррити прав? Если моё знание кладбища — ключ к поимке убийцы?

Девлин в тот момент подносил кружку к губам, но опустил её с резким стуком. Его взгляд ожесточился, и я вспомнила, что он мне говорил про частного детектива. Дело приняло дурной оборот, и из-за Геррити погиб полицейский.

Не удивительно, что одно упоминание имени этого человека выводило Девлина из себя.

— Та самая минута, когда вы начнёте принимать слова Тома Геррити за чистую монету, станет минутой, когда вы напроситесь на неприятности.

— Он был прав насчёт Ханны Фишер?

Девлин отвёл взгляд полный злобы.

— Так значит он прав? — надавила я.

— Да. Этим утром миссис Фишер опознала труп дочери.

Казалось, ему было невыносимо больно это признавать.

— Бедная женщина. Как же ей должно быть тяжело. Увидеть собственного ребёнка мёртвым... — Я не смогла закончить предложение.

Злость в глазах Девлина исчезла, на смену ей пришёл тусклый блеск грусти, словно он лицезрел трагическую картину, от которой разрывалось сердце. Взгляд потух, лицо стало плоским и жёстким, словно его вырезали из картона. Мне показалось, просиди мы здесь дольше, из него бы вытекла последняя капля жизни.

Круги под глазами стали темнее, щёки запали. Сейчас он сам походил на призрака. Бледного, исхудалого, безжизненного.

Я задрожала и отвела взгляд.

Нам обоим понадобилась время, чтобы хоть как-то взять себя в руки.

— Миссис Фишер пришла в участок и подала заявление, — наконец натянуто произнёс Девлин.

Я кивнула.

— Вы смогли поговорить с ней?

— Да. — Он поднял кружку и встретился со мной глазами поверх кромки. Приложив усилие, я смогла не отвести взгляд.

— Она подтвердила историю Геррити?

— По большей части да. Она действительно наняла его. По словам миссис Фишер, она уже некоторое время подозревала, что дочь состоит в нездоровых отношениях. Одних из многих, честно говоря. Всё началось с отца-садиста.

— Значит парень Ханны — главный подозреваемый? Мисс Фишер сказала, кто это может быть?

— Она не знает его имени. Ханна никогда не приводила его домой и ничего о нём не

говорила. Она знала, что мать «постарается её спасти».

— Значит, это мало что нам даёт?

— Этого достаточно. Я вышел на него через друзей Ханны. У него железное алиби.

— Насколько железное?

— На время убийства он сидел за решеткой. Парень полный отморозок, не сомневаюсь, Ханна так сильно испугалась, что попыталась сбежать от него. Однако он не мог её убить.

— Значит, мы возвращаемся в исходную точку. И раз часть рассказа Геррити подтвердилась, — медленно произнесла я, — может, отнесётесь с большим доверием к тому, что он сказал обо мне?

Девлин тяжело вздохнул.

— Я не хочу ещё сильнее втягивать вас во всё это. К тому же, Геррити просто пораспрашивал про кладбище. Он не провидец. Он даже не особо проницательный полицейский.

— С последним он бы не согласился. По мнению его бабушки, у него есть дар. Поэтому он зовёт себя Пророком...

Девлин резко наклонился через стол и накрыл мою руку своей ладонью. Я онемела от шока.

— Он просил вас так передать?

Теперь его лицо никак нельзя было назвать безжизненным. Его глаза загорелись убийственным блеском, которого я не видела раньше.

— Что? Нет. Не это. Я просто решила, что весь его рассказ — часть сообщения.

— В тот вечер на «Дубовой роще» вы ни словом об этом не обмолвились.

— Вылетело из головы. — Я выдернула руку. — В чём дело? Это же просто прозвище?

— Это прозвище, но не его. Он использует его, потому что знает: так он сможет меня поддеть.

— С какой целью?

— Неважно.

Но он, казалось, всеми силами пытался взять эмоции в узду. Ещё одна его сторона, которую я ранее не видела. Девлин, потерявший контроль. Я задрожала.

— Вы всегда говорите о нём с такой злостью. Что именно он сделал?

— Это наше личное дело. — Тёмные глаза оглядели дорогу. — На этом тема закрыта. У вас ещё есть вопросы?

— Да. Можем мы вернуться к разговору о Ханне на минуту? Я знаю, что вы не имеете права мне всё рассказать, но если убийца водит чёрный «седан», я могу оказаться в большой беде. Мне бы хотелось кое-что узнать.

— Что именно?

— Как именно она умерла?

Секундное замешательство, словно он обдумывал, сколь многое мне рассказать.

— Миссио сангунис. Знаете, что это означает?

— Кровопотерю, по существу.

— По существу, да.

— Но как именно она истекла кровью?

— Я не буду делиться подробностями. Их вам знать не нужно. — Я хотела заспорить, но он понизил голос: — Поверьте, вы не захотите этого знать.

Меня накрыла дрожь ужаса.

— Что стало причиной смерти в деле Делакур?

— Не знаю.

— Но вы сказали, что умирала она долго и мучительно.

— Так я слышал. В то время я не работал в полиции, так что мне, как и всем остальным, приходилось полагаться на слухи.

— Но теперь вы в полиции. Разве вы не можете посмотреть материалы дела?

— На них стоит гриф секретности. Никто не может их просмотреть без распоряжения суда.

— Подобное в порядке вещей?

— Такое бывает с делами, в которых замешаны несовершеннолетние.

— По-вашему, гриф секретности поставлен из-за возраста жертвы, или просто некто могущественный не желает возобновления расследования? Вы говорили, что важные люди приложили немало усилий, чтобы замять это дело. Общество, о котором вы мне говорили, «Орден гроба и когтя». Если именно оно ответственно за смерть Эфтон Делакур, то его члены, замешанные в убийстве, могут теперь находиться при власти. Получается замкнутый круг. Круговая порука.

— Поэтому подобные общества так эффективны. Его члены защищают друг друга. Падёт один — падут все.

— Тогда как вы сможете что-либо доказать? Они переиграли полицию.

Он тревожно огляделся.

— Вы слишком сильно забегаете вперёд. Мы ведь даже не знаем, занимался ли кто-либо из ордена преступной деятельностью. В прошлом ходило много слухов, включая довольно отвратительные толки о Руперте Шоу.

— Касаемо доктора Шоу... — Я смахнула лепесток со стола. — Позвольте мне просто сказать, что я не считаю его замешанным в чём-то дурном. Не могу представить, что он как-то связан с убийством бедной девочки. Просто не могу. Но... — Я подняла взгляд. — Меня кое-что... даже не беспокоит, а озадачивает.

— Я весь внимание.

— У него есть кольцо. Очень необычное, с узором. Вроде бы из серебра с ониксом, с каким-то символом на камне. Я не знаю, что это за символ, но он кажется мне знакомым. Кажется, я где-то его уже видела. В любом случае... странно то, что он каждый раз рассказывает новую историю о том, откуда оно у него взялось. В первый раз, как я его заметила, доктор Шоу сказал, что это фамильная ценность. Другому человеку он ответил, что это подарок от коллеги. Сегодня утром он сказал, что купил его на блошином рынке. Мне так неловко все это вам рассказывать, уверена, это ничего не значит. Но в интересах полного раскрытия информации мне нужно с кем-нибудь этим поделиться.

— А ничем больше не хотите со мной поделиться? — произнёс он столь учтиво, что я чуть не пропустила стальные нотки в его голосе.

— Э-м-м, нет. Только этим.

Он неторопливо отодвинул стакан в сторону и сложил руки на столе.

— А что касается вашего визита к Эсси? В интересах полного раскрытия информации почему вы не рассказали мне, что встречались с ней вчера?

Из лёгких выбило весь воздух. Мгновение я могла только открывать рот в неловкой тишине, а затем бросилась отчаянно оправдываться:

— Это произошло совершенно случайно. Я не собиралась с ней встречаться. Я даже не

знала о её существовании. Мы столкнулись на кладбище... — Я прикусила язык под его взглядом. — Простите. Мне стоило рассказать вам.

Его глаза стали тёмными, холодными, непрощающими.

— В следующий раз, как у вас возникнут вопросы о моей личной жизни, обращайтесь прямо ко мне, а не действуете за моей спиной.

Глава 22

Злость Девлина серьёзно меня задела. Я всегда плохо переносила неодобрение, потому что так и не научилась не воспринимать критику. Иногда я спрашивала себя: не связано ли моё удочерение с почти всепоглощающей потребностью угождать? Или всему виной правила отца и уныние матери?

Какой бы ни была причина, я знала, что как только вернусь домой, то буду хандрить весь остаток дня, поэтому ближе к вечеру позвонила Темпл и предложила встретиться за коктейлями.

Мы остановились на баре с видом на залив. К тому времени как я подъехала, Темпл уже выбрала столик на патио и любовалась проплывающими парусниками.

— А вот и ты! — воскликнула она, когда я заняла место напротив.

— Опоздала?

— Нет, это я приехала раньше. — Она подняла высокий замороженный стакан с какой-то крепкой смесью и пригубила. — После того, как я десять дней нянчила практикантов, мне это нужно, больше чем тебе. Хотя... — Она задрала подбородок. — Ты немного покраснелась.

— Середина лета в южной глубинке. Чего ты ожидала?

— Хм, да, но ты не вспотела.

— Так жара уже спала, забыла?

Она позвала официантку, так и не отведя с меня глаз.

— Что? — не выдержала я.

Темпл пожала плечами.

— В тебе что-то изменилось, только я в толк не возьму, что именно. — Она подождала, когда я сделаю заказ, и наклонилась ближе. — Ты переспала с Девлином?

— Я едва его знаю! А после сегодняшнего, — произнесла я чуть хмуро, — такая возможность стала ещё менее вероятной, чем с нашего прошлого разговора.

— Что случилось?

— Глупость сморозила. — Я потёрла лоб. — Аж стыдно рассказывать.

Она облокотилась о стол и стала ждать.

— Я вчера ездила в округ Бофорт на могилы его жены и дочери, — заявила я и подняла голову, чтобы увидеть её реакцию.

Темпл выгнула бровь.

— Зачем?

— Не знаю. От любопытства, наверное. В общем, на кладбище я встретила бабушку Мариамы — между прочим, знахарку — и маленькую девочку по имени Рапсодия, троюродную кузину Мариамы. Кто-то из них растрепал всё Девлину, и теперь он злится, что я сую нос в его личную жизнь. Я готова провалиться сквозь землю от стыда.

— Если это худший поступок, который ты совершила по отношению к мужчине, значит

ты никогда не любила, — пожалала плечами Темпл. — Но я всё равно не пойму, зачем тебе понадобились эти могилы. Что ты надеялась там найти?

— Ничего. Просто хотела увидеть, где они похоронены.

— И теперь Девлин на тебя обижен. — Темпл задумалась на минуту. — И что собираешься делать?

— Подожду, когда он остынет, наверное.

— Фаталистичный подход. Не одобряю.

Я вздохнула.

— А что бы ты сделала на моём месте?

— Из кожи бы вылезла, но заставила бы его забыть о Мариаме — хотя бы на одну ночь.

Но это я. А для тебя, боюсь, это непосильная задача.

Её мягкое подтрунивание меня задело.

— Я не хочу, чтобы он забывал Мариаму. С чего бы?

Я подумала о встрече с её призраком и вздрогнула.

Темпл посмотрела на меня поверх стакана.

— Я же сказала, на одну ночь.

Официантка принесла мой заказ, и я воспользовалась этой возможностью, чтобы сменить тему.

— Кстати, как ты так быстро сюда добралась? Должно быть, уже была в городе.

— Угу. Мы рано свернулись, так что пару деньков я могу понежиться на солнышке у бассейна. Ну, не считая доклада на редакции и горы документов на сортировке.

Она выглядела довольно экзотично в крестьянской блузе горчичного цвета с вышитыми цветами. Я же в узких джинсах и топике походила на школьницу. Сплошная ванилька.

— Когда в Колумбию?

— Не вернусь, пока не увижу твой скелет. И кстати, о Девлине, он мне звонил. Назначил эксгумацию на завтра.

— Знаю. Итан Шоу оставил мне сообщение на голосовой почте.

— Присутствовать будешь?

Это что, нотка неодобрения в голосе? Или я слишком расчувствовалась после порицания Девлина?

— Почему бы и нет. Я вовлечена в это дело с самого начала. Кстати, это ещё одна причина, по которой я хотела тебя сегодня увидеть. Я пытаюсь расследовать убийство Эфтон Делакур, но ничего не нашла ни в сети, ни в газетных архивах.

Её расслабленность как ветром сдуло. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на воду. Ветерок взъерошил тёмные локоны на затылке. Над перилами нависли ветви пальметты.

— Почему ты так одержима этим убийством?

— Это не одержимость, — не согласилась я. — Мне просто любопытно. На кладбище, где работаю только я одна, нашли двух, а возможно и трёх жертв убийства. Надеюсь, моё беспокойство понятно.

— Возможно. Но мы ведь обе прекрасно понимаем, что происходит на самом деле? Ты устраиваешь бурю в стакане воды. В твоём безопасном маленьком мирке произошло нечто волнительное, и ты ухватилась за эту возможность обеими руками.

— Неправда! — Но не вызвана ли моя эмоциональность тем, что она попала в точку? — К тому же ты сама говорила, что мне нужно какое-нибудь волнение в жизни.

— Едва ли я имела в виду расследование убийства.

Я уставилась на неё с другого конца стола.

— Почему ты так нервничаешь, как только речь заходит об Эфтон Делакур?

— Я не нервничаю. Её убили бог знает когда, а я не вижу смысла копаться в древней истории.

— Ну что ты за археолог?

Она восприняла иронию и, кажется, немного расслабилась.

— Хорошее замечание. Знаю, прозвучит странно, но это кажется мне немного... навязчивым. Может, оставим бедняжку в покое.

— Странно слышать это из твоих уст. Даниэль Микин сказал мне практически тоже самое.

— Микин? — Она не могла выразить большего презрения. — Где это вы встретились?

— В университетском архиве.

— И почему я не удивлена? Подозреваю, он там целыми днями сидит. Роемся как крот.

— А ещё я видела Камиллу. Кажется, она шпионила за нами.

— Очень на неё похоже. Она всегда обожала совать нос куда не следует. Меня просто выбешивало, что она рылась в моих вещах в моё отсутствие.

— Ты, правда, с ней встречалась или попросту дразнила Итана в тот вечер?

— Ну, у нас с Камиллой были свои минутки счастья. Но в этой женщине живёт тьма, и она заставляет её совершать импульсивные жестокие поступки. Точно такая же тьма довела Микина до попытки суицида.

— Ты, правда, думаешь, что он самоубийца?

Она смахнула невидимую пылинку с блузки.

— Дай я проясню раз и навсегда. Шрам, который я видела, не царапина. Он толстый, ободранный и уродливый. Такие остаются только после глубоких порезов. Неудивительно, что он пытается его скрыть.

— Ты хорошо его знала по Эмерсону?

— Не особо. У нас были общие пары, но мы совсем не общались. — Она снова потеряла терпение: — А что у тебя вопросы только про Даниэля Микина? Я думала, ты хочешь поговорить об Эфтон.

— Хочу. Выкладывай, что можешь.

Она пожала плечами.

— Больше всего в мою память врезалось то, как сильно мы испугались, когда обнаружили тело.

— Мы?

— Я и моя маленькая группа друзей. Все мои знакомые в своё время устраивали вечеринки на кладбище. Это был обряд посвящения. Поэтому узнав, что там убили девушку, мы очень расстроились.

— Ты знала Эфтон?

— Была наслышана об её репутации. Богатая испорченная любительница вечеринок, которая до своего убийства жила у Христа за пазухой.

Я не была уверена, что ирония преднамеренна, но с Темпл тяжело что-либо сказать.

— Где ты её видела? Она же не училась в Эмерсоне?

— Да с ней все горячие парни перевстречались. По крайней мере так они заявляли.

— А много говорили о том, что к её убийству причастен «Орден гроба и когтя»?

— Ходили подобные толки.

— Ты знаешь кого-нибудь из Когтей?

— Возможно, знаю, но мне это неизвестно.

— И никто никогда и словом не обмолвился?

— О Когтях? Никогда.

— Но в Эмерсоне такой маленький кампус. Должны же были возникнуть подозрения.

— Студенты всегда строили разные домыслы. Среди знакомых мне девушек было почётно переспать с Когтем в независимости от пола.

— Ты что-нибудь слышала об оккультизме?

— Всем было наплевать.

Я оживилась.

— Значит, толки ходили.

— Тайные посвящения, полуночные оргии, ритуалы Диониса — всего лишь горячие мечты первокурсников.

— Ты никогда не была на встречах ордена?

Темпл насупилась.

— Скажи, откуда у меня такое чувство, будто ты меня к чему-то подводишь?

Я подождала с ответом, так как официантка принесла Темпл новый коктейль.

— Просто мне тут подумалось, что ты могла знать орден изнутри.

— Я же сказала, что нет.

— Я знаю, но в тот вечер в ресторане ты упомянула, что вы с Камиллой были соседками по комнате на третьем курсе. Обмолвилась, что вас свели вместе обстоятельства. Недавно я прочитала, что в устав ордена внесли правило, позволяющее принимать женщин. По две девушки с третьего курса. И я подумала...

— Что я из ордена? — усмехнулась Темпл. — Неожиданный был бы поворот, а? Особенно если бы я встречалась с Эфтон?

Меня словно громом поразило. Такая возможность даже не приходила мне в голову.

— Предвосхищая твой вопрос — говорю «нет», — категорично заявила Темпл.

— Я не собиралась спрашивать. Но моя гипотеза не притянута за уши. Ты именно то, что ищет орден: умная, амбициозная, привлекательная...

— Бедная. Я училась в Эмерсоне на полной стипендии. Считаю, ходила с огромной чёрной меткой на спине. — Она помешала коктейль. — Но проехали. Из меня плохой последователь, я ненавижу церемониал и ритуалы. Наверное, именно поэтому разочаровалась в католицизме.

«Но это не категоричный отказ», — мысленно отметила я.

— Говоря о церемониале и ритуалах, ты когда-нибудь слышала об эгрегоре?

— Эгре-что?

— Эгрегор. Ментальная форма. Физическое проявление коллективной мысли. Некоторые тайные общества создают такие во время церемоний и ритуалов.

Она прищурилась.

— Ты где таких словечек набралась?

— Услышала сегодня от Руперта Шоу.

— А-а-а! Теперь всё понятно.

— Что понятно?

— С чего такие вопросы задаёшь.

Я пожалала плечами.

— Послушай, я знаю Руперта не один год. Он был моим любимейшим преподавателем в вузе, и я отношусь к нему как одному из последних истинных джентльменов Юга. Но давай взглянем правде в лицо. У него уже давно закатились шарики за ролики.

— Мне он показался совершенно нормальным.

Она улыбнулась.

— Один из его талантов. Он такой любезный и рассудительный, что обернуться ты не успеешь, как уже купилась на его дерьмо и теперь постоянно оглядываешься через плечо в поисках бугимена.

Я и без Руперта Шоу через плечо оглядываюсь.

— Он уже давно психически неуравновешен. Уверена, именно поэтому его и попросили уйти из Эмерсона.

— Ты же вроде бы говорила, что его уволили из-за неподтверждённых слухов.

— Слухи может и неподтверждённые, и я искренне верю, что кто-то задался целью уничтожить его репутацию, однако дыма без огня не бывает.

— Ты про его спиритические сеансы со студентами?

— Дело не в сеансах. — Она с тревогой отвела взгляд. — Он был одержим смертью. Меня всегда беспокоило, не приложил ли он руку к кончине жены. Она так долго болела. Годами, кажется. Может быть, агония, вызванная её страданиями, и чувство вины от ожидания смерти что-то в нём надломило. Не знаю. Как я уже говорила, он был одним из моих любимейших профессоров, но не удивлюсь, если по нему уже давно плачет психушка. По нему и его дурацкому институту.

— Я провела с доктором Шоу достаточно времени, и, не считая одного провала в памяти, он пребывает в здравом уме и твёрдой памяти.

— Пока что. Даже умалишённые могут какое-то время скрывать свой недуг от окружающих. — Улыбка стала натянутой. — А затем в одну ужасную ночь ты просыпаешься и видишь, как они склоняются над твоей кроватью с парой ножниц в руке.

***

В эту ночь я снова положила амулет Эсси под подушку. Не знаю, было ли в мешочке что-либо помимо грязи и корицы — плацебо знахарки — но с ним мне было спокойнее.

Поправив подушку у изголовья, я открыла лаптоп и приступила к поискам. Просмотрев статью за статьёй про теньевые формы и эгрегоров, я поняла, что что-то в словах Темпл не давало мне покоя весь вечер. Не редкость после наших разговоров. Но осознание обычно приходило намного позже.

Она так долго болела. Годами, кажется. Может быть, агония, вызванная её страданиями, и чувство вины от ожидания её смерти что-то в нём надломило.

Я не сразу сообразила, но теперь поняла, что именно меня беспокоило в домыслах Темпл. Теория доктора Шоу о смерти... и предупреждение папá об иных. Когда кто-то умирает, открывается дверь, через которую можно увидеть краешек загробного мира. Чем медленнее смерть, тем дольше открыта дверь, а значит можно пройти на другую сторону и вернуться.

Возможно ли, что доктор Шоу убил Эфтон Делакур, чтобы открыть эту дверь? Мог ли

он пребывать в таком отчаянии, чтобы возжелать снова увидеть погибшую жену?

Я попыталась выбросить столь отвратительные и необоснованные мысли из головы, но коварное семя уже было посеяно, и я почувствовала, как ко мне подбирается тьма.

Выслушай меня, Амелия. Есть сущности, которые ты никогда не встречала прежде. Силы, о которых я даже не осмелюсь заговорить. Более холодные, сильные и голодные создания, чем ты можешь себе вообразить.

Резко сев, я осмотрела каждый уголок и закуток спальни. Конечно, я была одна. Лишь звуки ночи составляли мне компанию: скрип половиц, шум в вентиляции, топот соседа над головой.

Взгляд упал на потолок.

Мейкон Доуз так редко бывал дома, что меня даже удивило его присутствие. Но мне стало спокойнее от того, что рядом есть хоть ещё кто-то живой.

Выскользнув из кровати, я неслышным шагом подошла к окну. Стена сада закрывала вид на дорогу, но также дарила чувство уединённости от прохожих и соседей. Я никогда не пользовалась жалюзи. Но сегодня плотно закрыла их и только затем вернулась в кровать.

Стоило мне залезть под одеяло, как мои мысли вернулись к доктору Шоу.

Мне вспомнилось, как у него повисился голос, когда он поинтересовался, испытывала ли я предсмертный опыт. Так и видела, как его глаза засветились от... любопытства? Одержимости?

А ведь именно это Темпл и ставила мне в вину.

Посмотрите, как легко исказить чьи-то намерения.

Раздула из мухи слона из-за слуха. Доктор Шоу — безобидный интроверт с интересной профессией. Тоже самое можно сказать и про меня.

Пошли дальше.

Нужно очистить мозг более приятными мыслями, прежде чем попытаться заснуть, и на этот раз я не заиклюсь на Девлине.

Блог всегда был мне приятным хобби, хотя теперь и превратился в прибыльное бизнес-начинание. Поиск постоянного и интересного содержания — дело одновременно сложное и трудоёмкое, но в большинство вечеров у меня не находилось занятия лучше.

Я ещё не модерировала комментарии с последней записи «Отравлен женой и доктором кремом: необычные эпитафии» и села просматривать ответы.

Постепенно напряжение сошло на нет. Я была в своей стихии, делилась своей страстью и опытом с тафофилами и заводила онлайн знакомства по всему миру. В киберпространстве не нужно оглядываться через плечо в поисках призраков.

Прокрутив до середины страницы, я заметила одно анонимное сообщение — и не по причине отсутствия имени. Довольно обычное явление в сети. Нет, дело было в том, что я узнала эпитафию.

Над её безмолвной могилой

Под луной скорбят звёзды ночные.

Это же надпись с могилы, где зарыли тело Ханны Фишер.

Так странно... и отвратительно.

Я оторвала взгляд от экрана и снова огляделась.

Одна.

Только вот теперь в доме было совершенно тихо. Воздух не шумел, шаги над головой не раздавались. Мейкон Доуз лёг спать.

Я перечитала эпитафию.

Комментарий был выложен несколько часов назад после моего последнего входа в систему. Я всем сердцем хотела верить, что это просто случайный пост, одно из нелепейших совпадений, но не могла.

Кто ещё знает про эпитафию?

Девлин, конечно.

И убийца...

Схватив мобильный с ночного столика, я нашла телефон Девлина в контактах и нажала на вызов, прежде чем успела передумать. Звонок сразу же перешёл на голосовую почту, и я оставила небольшое сообщение.

Стоило повесить трубку, как я тут же пожалела о своём поступке. А если это просто странное совпадение?

Да и что сможет сделать Девлин на ночь глядя? Любой пользователь с базовыми знаниями интернета знает, как правильно использовать прокси-сервер. И если кому-то нужно не выдать себя — к примеру, убийце — то он воспользуется общественным компьютером в библиотеке или офис-магазине.

К тому же эту эпитафию мог увидеть целый ряд людей. Регина Спаркс. Камилла Эшби. Все полицейские и криминалисты, которые были на кладбище в ночь эксгумации и в день поисков.

Я вспомнила про утверждение Тома Геррити, что моё знание кладбищ — ключ к раскрытию преступления. Эта эпитафия своего рода послание?

В ожидании ответного звонка Девлина я открыла папочку со снимками «Дубовой рощи» и начала скрупулёзно изучать сотни фотографий, которые сделала в день, когда мать Ханна Фишер в последний раз видела дочь живой. Утомительное занятие, которое к тому же усложнялось тем, что я понятия не имела, что именно высматриваю.

После получасовых поисков я так ничего и не нашла.

А Девлин так и не ответил на звонок.

Я покосилась на часы. Двадцать две минуты двенадцатого. Всё ещё рано. Он мог быть на другом деле. Чарльстон — маленькое городишко с недоукомплектованным штатом полиции и тревожно высоким уровнем убийств. Для детектива из убойного отдела всегда найдётся работа.

Открыв папку с документами по «Дубовой роще», я начала просматривать свои записи.

Пятьдесят пять минут двенадцатого. Ни Девлина, ни зацепки.

Я встала и пошла на кухню, чтобы попить. Пока я стояла у раковины, отхлёбывая стакан воды, взгляд наткнулся на часы над плитой. Как странно, что Девлин не позвонил.

Я побрела в тёмный кабинет, в который боялась зайти с тех пор, как на окне появилось сердечко. Ночь была ясна и тиха. Лунные лучи светили сквозь листья деревьев, накладывая опаловую дымку на сад. Я подумала о закопанном колечке и кукле Девлина на крошечной могилке дочери. Как долго он искал такой красивый подарок?

В дальнем углу что-то шевельнулось. Сердце забило быстрее, и я отошла от окна.

Это не она. Показалось. Просто случайная игра света и тени. Парейдолия.

Я вернулась в кровать и возобновила поиски. Вскоре зазвонил телефон, и я схватила трубку.

— Алло?

— Амелия?

Он так красиво произнёс моё имя, так по-южному, так сдержанно.

Я скользнула под одеяло, дрожа мелкой дрожью.

— Да.

Тут я услышала что-то на заднем фоне: вопрос, заданный мягким женским голосом, и приглушённый ответ Девлина.

Затем он вернулся к разговору.

— Простите. Вы ещё на связи?

Сердце болезненно сжалось. Он не один. С ним женщина.

— Да, я слушаю.

— Что случилось? Вы оставили такое короткое сообщение.

— Знаю... — Я осеклась, пальцы вцепились в одеяло. Так неловко. — Мне кажется, я что-то нашла, но... слишком остро отреагировала. Это может подождать до утра.

— Вы уверены?..

— Да. Поговорим завтра.

Я не успела первой повесить трубку. Часть меня надеялась, что он перезвонит, но нет. Тишина с другого конца провода оглушала.

Упав на подушку, я закрыла глаза. Как нелепо расстраиваться. Мы едва друг друга знаем. Он никто для меня, и это никогда не изменится.

И все же я не могла не думать о нежном голоске на заднем фоне.

Не могла не думать о заявлении Эсси, что настанет день, когда ему придётся сделать выбор.

Глава 23

Я не виделась и не разговаривала с Девлином до следующего дня. Да и на эксгумации мы перекинулись всего лишь парой фраз. Я рассказала ему про появившуюся в блоге эпитафию, и он согласился, что это любопытная деталь, но вряд ли улика.

— Сомневаюсь, что этого хватит для судебного ордера на доступ к IP-адресам, к тому же готов поспорить, что комментатор использовал анонимайзер^[27]. Подобную информацию нельзя будет использовать в процессе, потому что её не хранят. По крайней мере, так утверждают провайдеры.

— Я тоже так подумала.

— Однако мне бы хотелось пересмотреть вместе с вами все снимки «Дубовой рощи». Возможно, вы правы. Возможно, вы сфотографировали что-то важное, просто мы это ещё не обнаружили. Нужно внимательнее изучить фотографии.

— Хорошо. В любое удобное для вас время.

Похоже, он перестал злиться, и меня это очень обрадовало, хотя часть меня не могла не гадать, не вызван ли этот душевный подъём обществом женщины, с которой он провёл прошлую ночь.

Сегодня Девлин был одет более буднично, чем обычно: джинсы, хлопковая рубашка с закатанными рукавами и лёгкий жакет, который он снял из-за жары, обнажив ремень с кобурой и пистолетом.

Я медленно отвела взгляд от оружия, хотя была им загипнотизирована. Идеально подходит мужчине, которого Темпл описала как опасного.

— Я попрошу усилить патрули в вашем районе.

— Значит, вы всё-таки думаете, что это убийца разместил эпитафию, — забеспокоилась я.

Он прикрыл глаза, словно очень старался скрыть беспокойство.

— Бережёного бог бережёт.

При сложившихся обстоятельствах подобная избитость мало успокаивала.

Собралась небольшая группа криминалистов, и Девлин пошёл переговорить с одним из детективов. Я отошла в тень и стала наблюдать, как Итан протягивает координатную сетку^[28] над могилой. Затем они с Темпл счистили лопаточками землю со скелета, пока ассистент держал экран, а Регина Спаркс делала снимки.

В какой-то момент она встала рядом со мной. Её рыжая чёлка прилипла ко лбу, на футболке в районе подмышек образовались пятна пота.

— И снова жара.

— И духота.

— Не лучший день копаться в человеческих останках.

— А разве для этого бывает хороший день?

Она улыбнулась.

— Я видела всё, что можно сотворить с телом, — некоторое вы даже представить себе не можете, — но подобное всё равно наводит на меня жуть.

— Эксгумация? Вы меня удивили.

— Знаю. — Она повертела камеру в руках. — Странно, но когда труп свежий — как в ту ночь — я не особо беру это в голову. Но выкопать тело, похороненное родными... над которым молились, плакали... мне это кажется неправильным.

— То есть вы предпочтёте иметь дело с жертвой убийства, чем с полностью разложившимся телом, которое предали земле?

— Говорю же, это странно. — Она бросила на меня косой взгляд. — А вы кажетесь совершенно спокойной. Присутствовали на подобном прежде?

— Да. Я работала государственным археологом, и как-то раз мы перекопали целое кладбище.

— И сколько тел было?

— Дюжины. Нашёлся даже гроб из чугуна в форме египетского саркофага. Сохранился в идеальном состоянии и весил целую тонну. Никогда не видела ничего подобного.

— Вы его вскрыли?

— Нет, плохая идея. В девятнадцатом веке бальзамировщики экспериментировали с множеством интересных жидкостей, включая мышьяк.

— Неплохой получился запасец гробовой жидкости?

Она имела в виду вязкую чёрную жидкость, которую иногда находили в погребальных камерах.

Немного нереально стоять вот так в тени и спокойно беседовать о чём-то настолько ужасном, но учитывая всё происходящее, это была довольно подходящая тема. Мой взгляд вернулся к Итану и Темпл. Они работали с освещённой стороны, поэтому казались мне просто силуэтами: пара жнецов с лопаточками и в солнцезащитных очках.

Череп уже обнажился. Взгляд его пустых глазниц пугал меня даже при свете дня.

Собравшиеся вокруг могилы полицейские либо говорили приглушённым голосом, либо молча наблюдали за эксгумацией. Я услышала чей-то смех и обернулась через плечо. Никого. Дурацкая чувствительность.

— Похоже, Девлин глаз с вас не сводит, — заметила Регина.

— Что? — удивлённо обернулась я.

Она указала подбородком в его сторону.

— Он всё время посматривает в нашу сторону.

Потребовалось немаленькая сила воли, чтобы не посмотреть на него.

— Откуда вы знаете? Он же в очках.

— О, я-то знаю. Я всегда всё знаю. — Она склонила голову набок, осматривая меня внимательным взглядом. — Знаете, вы не первая, кто попался на его чары. Девлин — один из тех мужчин, что заставляет женщин особенно остро почувствовать наши биологические часы. Подозреваю, всё дело в феромонах.

— Вы давно с ним работаете? — постаралась спросить я будничным тоном.

— Достаточно, чтобы понять: эту броню сможет пробить только намного более сильная женщина, чем я.

— Вы знали его жену?

Она посмотрела на меня с любопытством.

— Встречала раз. Этого хватило.

— Почему вы так говорите?

— Трудно объяснить. Просто её взгляд... она словно всё про тебя знает, даже если вы встретились в первый раз. Странная женщина. Красивая... но странная.

Я подумала о призрачных руках Мариамы в моих волосах, о прикосновении её ледяных губ к шее, и задрожала. Что она знала обо мне?

Меня переполняли вопросы, но мне не хотелось показаться слишком предсказуемой, поэтому я отказалась от дальнейшего разговора. Регина вскоре ушла, и я сосредоточилась на раскопках. Я работала с Темпл достаточно долго и знала, что она будет искать доказательства официального захоронения: кусочки подкладки с гроба и ткани на костях, гвозди и штыри, которыми прикрепляют одежду к телу, и раз могила такая старая — медные пенни, которые родственники клали на глаза усопших.

Итан же будет изучать более неприятные доказательства: мягкие или мумифицированные ткани, мышцы, связки, отложения насекомых, цвет костей и запах гниения.

Я ничего не чуяла с того места, где стояла, однако в такой жаркий день была только этому благодарна.

Ближе к вечеру частично неповреждённый скелет был восстановлен вместе с зубами, обрывками одежды и парой украшений. Все сложили в похоронный мешок, чтобы доставить в лабораторию Итана.

Как только останки увезли, толпа начала расходиться. Темпл и я остались оценить нанесённый ущерб. Вскоре ушла и она, а я, оставшись одна, достала из сумки свои профессиональные инструменты.

С помощью мягкой зубной щётки и деревянных скребков я убрала с надгробия столько мха и лишайника, сколько смогла, не повреждая хрупкий камень.

Затем поставила зеркало, чтобы отразить свет, и отрегулировала угол, пока не смогла разглядеть изображение и эпитафию.

Спал розы нежный цвет,

Она ушла от земных бед.

И ныне покоится здесь.

Я прочитала эпитафию, а затем медленно перечитала. С каждым словом в моей душе отпечатывалось что-то зловещее.

Дрожа от спешки и волнения, я достала телефон, вошла в Интернет и, открыв блог, быстро прокрутила комментарии.

Вот она: опубликована спустя несколько минут после первой эпитафии. Я просмотрела остальные анонимные сообщения, вышла из системы и убрала телефон.

Прочла эпитафию в третий раз. Руки и ноги покрылись гусиной кожей, волосы встали дыбом.

Надпись на грязном камне может скрываться несколько десятилетий, но если посмотреть на неё при правильном освещении и под определённым углом, слова могут проступить через слои грязи.

Довольно жутко, честно говоря.

Кто мог до этого догадаться?

Только человек, интересующийся кладбищами. Реставратор как я. Тафофил, оставляющий комментарии в моём блоге. Археолог, к примеру.

Или отчаявшийся человек, ищущий дверь в иной мир.

Все эти мысли прокрутились в моей голове за одно биение сердца.

Свет сместился — эпитафия исчезла.

Глава 24

Я нашла Девлина у мавзолея Бедфордов. Он стоял ко мне спиной и настолько ушёл в размышления, что, кажется, не заметил моего появления. Но затем он так резко развернулся, что не умея я искусно скрывать шок и страх, то подпрыгнула бы на месте.

— Это в-всего лишь я.

— Простите, сила привычки.

Его взгляд прошёл мимо меня, словно он пытался убедиться, что никто больше не пытается к нему подкрасться.

Интересно, это работа сделала его таким настороженным или он чувствовал своих призраков? Их ледяное дыхание? Цепкие прикосновения холодных рук? Призрачные поцелуи-укусы?

Он повернулся обратно к мавзолею, и я окинула его взглядом. Я изучила его профиль и задумалась о нежном голосе, который услышала по телефону прошлой ночью. Интересно, кто она, как выглядит и как хорошо Девлин её знает?

Ровня ли она Мариаме?

Мне стало немного стыдно за свою жалкую ревность. В стенах этого кладбища найдены две жертвы убийства, а сейчас, возможно, эксгумирована третья. Личная жизнь Девлина должна беспокоить меня в последнюю очередь.

— Я кое-что нашла.

Он обернулся с поднятой бровью.

— Что именно?

— Надпись на могиле, которую мы только что раскопали. — Я убрала прядь волос, которая выбилась из хвостика. — После того как все ушли, я решила проверить, есть ли на ней эпитафия.

— Но надписи на надгробии нечёткие. Мы обсуждали это с Региной Спаркс. Как вам

удалось прочесть эпитафию?

— С помощью отражающего зеркала. Конечно, зеркало в полный рост подходит лучше всего, но такого со мной сегодня нет, так что пришлось довольствоваться маленьким. Всё дело в угле. Нужно направить свет по диагонали от лица надгробия, тогда тень упадёт на вмятины и позволит прочесть надпись.

— Умно.

— Да, но это не я придумала. Просто секрет профессии. Отец научил когда-то. Уберегает от порчи камней. Ведь к ним же нельзя прикасаться... — Я остановилась. — Простите. Я снова ушла от темы.

Девять из десяти мужчин с этим бы согласились и попросили бы перейти к сути. Но только не Девлин. Он просто сказал: «продолжайте», — и внимательно выслушал каждое моё слово, словно я была самым очаровательным созданием, с которым он когда-либо сталкивался. Конечно, мы оба знали, что это неправда.

— В общем, — сказала я в заключении, — эпитафия с этого надгробия, как и предыдущая, была опубликована в одном из комментариев в моём блоге.

Я процитировала надпись по памяти.

Он отмахнулся от пролетающей мухи.

— Когда?

— Когда появилась в блоге? Вскоре после первой. Мне показалось, что я узнала стих, и я проверила блог с мобильного.

— И снова анонимная?

— Да. Но уверена, это всё один человек.

Я опустила сумку и, преодолев расстояние между нами, встала рядом с ним у подножья лестницы в мавзолей. Девлин ждал в тишине, не сводя с меня глаз, пока я не выдержала и не отвела взгляд. После всего времени, что мы провели вместе, мне уже стоило отбросить в сторону стеснительность, но хорошо, что я не могла себя преодолеть. Мне нельзя забыть о его призраках или нарушить папино предупреждение. Я не могла упустить из вида факт, что Девлин — угроза моему физическому и душевному здоровью.

И всё равно я чувствовала его притяжение. Даже сейчас мой взгляд задерживался на его губах, и я спрашивала себя, каковы же они на вкус. Я никогда не испытывала ничего подобного прежде. Говорят, что подобное возможное только в кино, но со мной это случилось взаправду. Темпл права: я всегда искала свиданий только с теми мужчинами, что не угрожали моим правилам и душевному спокойствию. Жила в собственном крохотном мирке, отгородилась от реальности и питалась одними фантазиями до той самой ночи, как Джон Девлин вышел ко мне из тумана.

Девлин удивлённо моргнул, и я засомневалась, не отразилось ли одно из моих чувств на лице. Я тут же отвернулась.

— Что ещё вы можете рассказать про эпитафию? — спросил он.

— Нас должна беспокоить не сама надпись. Как я уже сказала, буквы можно прочесть только при определённых условиях. Нужно правильно определить угол света. А кто мог знать... о подобном?

Он бросил на меня проницательный взгляд, точно осознав значение моих слов.

— А что насчёт архивов? Записываются ли эпитафии в письменных источниках?

— Иногда её записывают вместе с описанием и размерами надгробия. Но опять же, нужно знать, где искать. А в нашем случае было утеряно множество записей по первому

кладбищу. Но я не исключаю возможности, что на эпитафию могли наткнуться в одной из старинных церковных книг. Я искала подобную в архиве, но система поиска там в беспорядке. Точнее в полнейшем хаосе.

— У кого есть доступ к подобным записям?

— У студентов, профессоров и, конечно, у всех, кто, как и я, получил специальное разрешение.

Он задумчиво обвёл меня взглядом.

— Я приму к сведению, что вы проводите там время.

— Да кучу.

— Видели в архивах ещё кого?

— Конечно. Люди постоянно приходили и уходили. Последним я видела историка Даниэля Микина. Хотя нет, постоит. Вру. Последней я видела Камиллу Эшби.

Я объяснила, что заметила Камиллу под лестницей сразу после моего разговора с Микином.

— У меня возникло наистраннейшее впечатление, что она шпионит за нами, только не представляю с чего бы. Они с Микином — коллеги. Вы его знаете?

— Слышал про него, — ответил Девлин и повернулся обратно к мавзолею. — Что вы можете рассказать про это место?

— Про мавзолей? Мало что. Я не нашла про него особой информации. Знаю только, что это старейшее сооружение на кладбище, построено в 1853 г. семейством Бедфорд, которое отдало землю университету. Здание выполнено в готическом стиле. Передаёт прекрасный дух гибели и скорби. На викторианском Юге траур стал своего рода искусством, хотя он не идёт ни в какое сравнение с английским, конечно.

— Вы были внутри?

— Заглядывала одним глазком. Мавзолей в ужасном состоянии. Везде граффити и мусор. Пыль, паутина и всё в таком духе. Склепы разграблены много лет назад, останки давно исчезли.

Девлин резко развернулся на последних словах.

— Кто-то забрал тела?

Я пожала плечами.

— А что тут сделаешь? Расхитители могил — древняя профессия. На кладбищах, подобных «Дубовой рощи», ночью нужно ставить вооружённые патрули, иначе студенты-медики разнесут свежие трупы на опыты. Торговля телами до сих пор доходный бизнес.

— Как мило. — Девлин поставил ногу на нижнюю ступеньку. — Как вы собираетесь отреставрировать здание в подобном состоянии?

— Счищу граффити, вынесу мусор, восстановлю склепы. Долгая и кропотливая работа. Физический труд в чистом виде. — Я уставилась на мозоли на ладонях. — Но грустно то, что без тел реставрация никогда не будет поистине завершена.

Я подняла взгляд на Девлина, и в мысли закралось тревожное подозрение.

— Именно здесь нашли тело Эфтон Делакур?

— Да.

— Почему вы не сказали мне этого раньше?

— Я не знал. Без доступа к материалам мне оставалось только выйти на детектива, который вёл расследование.

— Он всё ещё на службе?

— Ушёл в отставку пять лет назад. У него домик на озере Мэрион в округе Калхун. Мне удалось узнать адрес через его сестру, которая до сих пор работает в городе. Поначалу он не хотел со мной встречаться... но я рассказал ему про Ханну Фишер.

— Что он сообщил? — с волнением спросила я. — Он дал вам зацепку?

Девлин умело обошёл мои прямолинейные вопросы и прожигающий взгляд.

— Мы ходим по тонкому льду. Мне не стоило ничего вам рассказывать. События развиваются слишком быстро...

Он машинально провёл большим пальцем по щеке.

— Вы о чём?

Он пожал плечами. Этот по-странному выразительный жест, казалось, выражал всё и ничего.

— Люди у власти начали дёргать за верёвочки.

— Замечают следы?

— Скажем так, здесь замешаны самые высокие круги. Соль в том... что нам нужно раскрыть это дело и очень быстро, прежде чем начнётся давление сверху. По какой-то причине кладбище использовали, чтобы сокрыть тела. Как бы я ни хотел этого признавать, но Геррити может быть прав. Если убийца оставил сообщение в символах надгробных камней или в эпитафиях, вы, возможно, единственный человек, который может разгадать его мотив. Я уже втянул вас во всё это, но не хочу втягивать дальше, пока вы не поймёте, с чем именно имеете дело.

У меня кровь застыла в жилах.

— С чем имею дело? Детектив рассказал вам что-то про убийство Эфтон Делакур?

— Как она умерла, к примеру. В точных подробностях, — тихо произнёс он, но я не смогла до конца понять его тон.

У меня перехватило дыхание от одного взгляда на его лицо.

— Как именно она умерла?

— Обескровлена.

В душе восстало что-то мрачное и холодное. Трепет, страх и, возможно, капелька волнения.

— Точно также как Ханна Фишер.

— Да. Точно также как Ханна Фишер...

За этой недосказанностью стояло многое. Пальцы так и тянулись схватить его за руку и развернуть к себе, чтобы взглянуть ему в глаза, изучить выражение лица. Но, конечно, это была плохая идея. Хотя мне очень хотелось.

— Что ещё он вам рассказал? — спросила я.

— На теле Эфтон Делакур остались странгуляционные борозды. Очень похожие на те, что мы нашли на теле Ханны Фишер.

— Странгуляционные борозды? Их обеих связали?

Он заколебался. Чтобы там ни было, он не хотел мне говорить.

— Всё нормально. Я хочу знать, — настояла я.

Он смотрел на меня так долго, что я задрожала, словно меня продуло ледяным ветром.

— Их подвесили за ступни с помощью кандалов, — ответил он.

До меня не сразу дошёл весь смысл этого прямолинейного признания, но затем я посмотрела с отвращением во взгляде на Девлина.

— Подвесили... точно мясные туши?

— Подвесили и обескровили, — безжалостно ответил он.

К горлу подкатил рвотный спазм. Тело бросило то в жар, то в холод. На спине выступил пот, и я не могла сдержать дрожь. Перед глазами встала ужасная кровавая картина. Сочащиеся кровью туши, подвешенные за крюки на мясокомбинате.

Я пыталась сморгнуть видение наряду с пятнами, которыми маячили перед глазами.

— Какой монстр мог сотворить подобное?

Голос Девлина остался спокойным, лицо каменным, но что-то в его глазах напугало меня до ужаса.

— По моим предположениям, он охотник.

Глава 25

Я ничего не смогла вымолвить. Его слова пробирали сильнее, чем прикосновение призрака.

Девлин с сочувствием смотрел, как я пытаюсь взять себя в руки.

— С вами всё в порядке?

Я кивнула, запрокинула голову и попыталась сосредоточиться на маленьком облачке, освещённом солнцем. Светлом, летучем, напоминающим одного из танцующих ангелов на «Розовом холме».

Сделав очередной судорожный вдох, я снова кивнула, больше для себя, чем для Девлина.

— Я в порядке.

Лгу, конечно. Как я могу быть в порядке, если за мной, возможно, охотится слетевший с катушек садист?

Я подумала об эпитафиях в блоге — послание или предупреждение?

А чёрный «седан» — совпадение или преследование?

— О чём вы думаете? — поинтересовался Девлин.

— О том, что за мной охотятся.

Затем он долго и молча смотрел на меня. Мне подумалось, что он хоть как-то попытается меня успокоить: возьмёт за руку или похлопает по плечу или — вот этого мне хотелось на самом деле! — заключит в свои объятия. Он ничего не сделал, но от звериного блеска в его глазах у меня побежали мурашки. Этот взгляд уверял, что охотник сам станет жертвой.

Может быть, мне хотелось вовсе не успокоения.

— Вы же понимаете, что вам не нужно участвовать в расследовании. Можете вернуться домой и забыть обо всём. Вы никому ничего не должны.

— А если я действительно увидела нечто важное в тот день? Если моё знание кладбищ — ключ к убийце? Вы же сами понимаете, что вам нужно провести расследование прежде, чем его замнут.

— Я такого не говорил.

Я пожала плечами.

— Но подразумевали. Я умею читать между строк.

— Это я заметил.

— Можно спросить у вас кое-что?

— Спрашивайте, но я мало на что смогу ответить.

— Вчера вы сказали, что если у меня будут вопросы о вашей личной жизни, то я должна

задать их прямо вам. Вот я и задаю.

Я ощутила его настороженность, но он кивнул.

— Что вы хотели узнать?

— Про студентов, которые обратились в полицию после убийства Эфтон. Тех, что рассказали про сеансы доктора Шоу и его теорию смерти.

— А что с ними?

Я задумалась, как лучше всего сформулировать вопрос, но решила действовать напрямик.

— Среди них была ваша жена?

— Тогда она ещё не была моей женой. Но, отвечая на ваш вопрос, она была на одном из сеансов Шоу и так сильно перепугалась, что убежала.

— Что именно произошло?

— Она не приняла того, что Шоу пытался сделать. Согласно её верованиям, сила человека не исчезает после его смерти. Насильственная или внезапная кончина может привести к тому, что злой дух овладеет этой силой и начнёт вмешиваться в мир живых. В некоторых случаях даже поработит человека. Перспектива вернуть мёртвого привела её в ужас.

Я едва ли могла постичь всю трагическую иронию этого заявления.

— Она была до крайности суеверным человеком. Носила амулет на удачу, раскрашивала двери и окна в синий цвет, чтобы отпугивать злых духов. Я находил это очаровательным... первое время...

Я вспомнила про амулет под подушкой и почувствовала холод камня, который носила на шее. Интересно, чтобы Девлин сказал насчёт правил, которым я следую всю свою жизнь.

Я находил это очаровательным... первое время...

— Я войду, — неожиданно объявил он.

— В мавзолей? Но по прошествии времени там не осталось никаких доказательств. — Тут я осознала, что его намерение могло быть абсолютно не связанным с убийством Эфтон Делакур, а имело отношение лишь к его жене. — Вас подождать здесь?

— Если вы только боитесь пойти со мной.

— Я не боюсь. Я была в множестве мавзолеев. А если бы и боялась — с моей работой пришлось бы побороть страх.

— Очень благоразумный взгляд на вещи. Иногда вы меня удивляете.

— Правда?

Он заколебался.

— Не поймите меня неправильно, но фотографии в вашем кабинете слишком личные. Уверен, вам спокойнее на кладбище, чем в обществе людей.

— Есть такое, — призналась я.

Он кивнул.

— словно вы создали собственный мир за этими стенами. И всё же иногда вы проявляете завидное здравомыслие.

Ага, я здравомыслящая женщина, которая консультируется с директором института изучения парапсихологии по поводу теневых форм и эгрегора.

Здравомыслящая женщина, которая буквально следует правилам отца, чтобы проплывающие через завесу призраки не смогли ко мне пристать и высосать жизненную энергию.

— Говоря о здравомыслии и благоразумии, — начала я, поднимаясь за ним по ступенькам, — подобные места облюбованы гремучими змеями, так что не советую просовывать руку в разные дыры.

— Буду иметь в виду.

Он открыл ветхие двери и вошёл.

Вечернее солнце струилось сквозь сломанные окна, освещая толстые занавесы паутины, свисавшей с потолка и каждого угла. В помещении стоял земляной древний запах.

Я остановилась на пороге и осмотрелась. Ничего не ползало. Змея не гремела «погремушкой». Это радовало.

Лианы и колючки проросли сквозь окна, кирпичный пол покрыл ковёр мха. На всём лежали густые слои пыли. Приходил ли сюда кто-нибудь после обнаружения трупа Эфтон Делакур пятнадцать лет тому назад?

— Где именно её нашли? — В полной тишине мавзолея мой голос прозвучал резко и неестественно.

— На полу. Вот здесь, кажется. — Голос Девлина, наоборот, казался гладким и бархатным.

Я посмотрела на пол. Пятна крови давно исчезли под раскрошившимся кирпичом.

— Кто её нашёл? — спросила я, отгоняя жужжащую муху возле лица.

— В те годы на кладбище был смотритель. Хотя он мало за чем следил. В основном отгонял нарушителей: студентов, вздумавших устроить вечеринку на кладбище. Именно он нашёл тело. Дверь была открыта, солнечный свет заливал помещение...

«Прямо как сейчас», — подумала я.

— Он был в списке подозреваемых?

— Его допросили, но это был старый малый. Бедняга умер от сердечного приступа через несколько недель после обнаружения тела.

— Шок или совпадение?

— И то и другое, наверное.

Я прошла к дальней стене, где склепы сохранились лучше всего. Убрав слой грязи, я прочитала колонку имён: Доротея Прескотт Бедфорд, Мэри Бедфорд Эбботт, Элис Бедфорд Реймс, Элиза Бедфорд Торп — и присела на корточки перед нижним склепом, некогда служившим посмертным прибежищем младшей дочери Доротеи, Вирджинии Бедфорд, умершей спустя несколько недель после матери.

Заря пришла,

Сбежала тень,

И спали кандалы.

Покой мы обрели.

Над надписью был вырезан символ сломанной цепи, свисающей с руки. Сломанная цепь — сломанная семья.

Я опустила взгляд и перечитала последние две строчки:

И спали кандалы.

Покой мы обрели.

В самом низу плиты был изображён ещё один символ. Мне пришлось прижать лицо к самому полу, чтобы его разглядеть. Три мака, перевязанные ленточкой. Символ вечного сна.

Я подняла взгляд к эпитафии и рассеянно прихлопнула муху, кружившую у лица. Она упала в углу плиты и проскользнула сквозь щель в двери склепа. Я поморщилась от

отвращения, как её примеру последовала другая муха. А затем ещё одна и одна...

Я отскочила, хлопая руками по волосам.

Ко мне подошёл Девлин.

— С вами всё в порядке?

— Ненавижу мух.

— Что?

— Вы не видите? Да их тут сотни!

Он опустил на колени, и я указала на плиту, на которую село несколько мух. Одна за другой они исчезали сквозь щель.

— Откуда они вылезли? — спросила я, продолжая вытряхивать надоедливых насекомых из волос.

— Точнее куда полезли? — пробормотал Девлин, доставая из кармана перочинный нож. Он просунул лезвие в край плиты, отодвинул её и распластался на полу, чтобы разглядеть склеп.

— Что-нибудь видно? Тела там быть не должно.

Я боялась услышать его ответ.

— Никакого тела, но кажется дальше что-то есть. Нужен фонарик.

— У меня есть в сумке. — Я вскочила на ноги. — Подождите, сейчас принесу.

Солнце уже склонилось к горизонту, разбрызгав багрянец по деревьям и горам. Пахло топью, сосновыми иголками и жимолостью. Витал запах, присущий каждому кладбищу, — тонкий аромат смерти.

Стояла тишина, хотя мне померещились голоса вдалеке. Наверное, это полицейские прочёсывали местность вдоль кладбищенских стен и обсуждали мрачные подробности убийства.

Я сбежала вниз по ступеням и только наклонилась за сумкой, как, клянусь, почувствовала чей-то взгляд. Я медленно поднялась и обернулась. Ничего. Один только зияющий проём мавзолея.

Схватив сумку, я поспешила обратно к Девлину.

Он наполовину пролез в склеп. Из отверстия торчали одни только ноги.

— Что вы делаете? — с тревогой спросила я.

Он выполз, смахивая пыль с рубашки. К его ресницам прилипла паутина, и я потянулась её убрать. Должно быть, я напугала его, потому что он машинально схватил мою руку.

— Простите. У вас пыль... — я указала пальцем, — на ресницах.

Он смахнул нить паутины. Взгляд остался непроницаем в сером свете.

— Вы нашли фонарик?

— Ах, вот.

Этот инцидент меня немножко напугал, и я неловко полезла в сумку в поисках одного из двух фонариков, которые всегда носила с собой.

Девлин включил свет, проверил силу луча на стене, лёг на пол и осветил в отверстие.

Я тоже легла на пол и уставилась в отверстие.

— Видите? — спросил Девлин.

Я прищурилась.

— Что именно?

— Там, дальше.

В его голосе чувствовалась нотка даже не волнения, а тревоги.

Я проползла чуть вперёд.

— Что я должна увидеть?

— В дальней стене не хватает несколько кирпичей. Когда я посветил фонариком через дыру, то увидел пустоту.

— А это значит...

— Что туда улетели мухи. За той стеной, должно быть, туннель или комната.

Мною овладело волнение.

— Я слышала про систему тоннелей под старыми кладбищами. Некоторые из них использовались как подземные железные дороги, в которых прятали беглых рабов. Понимаете, что это значит? С подобным открытием Камилла Эшби сможет включить «Дубовую рощу» в национальный реестр.

— Я бы не спешил с поздравлениями, — сухо ответил Девлин. — Это может быть лишь огромная дыра в стене. Но есть только один способ узнать наверняка.

Он просунул голову в склеп, а затем плечи, туловище, ноги и стопы, пока я искала в сумке запасной фонарик.

— Что-нибудь видно?

— Двадцатью футами ниже находится комната, — раздался глухой ответ Девлина.

Он выполз из склепа. Чёрные волосы «поседели» от паутины. Но на этот раз я не попыталась их смахнуть.

— Отверстие довольно узкое. Я не смог протиснуть плечи, по моим прикидкам, дыра находится на высоте потолка.

— Я меньше вас. Может, смогу что-нибудь рассмотреть.

Он посмотрел на меня скептически.

— Сомневаюсь, что это хорошая идея. Там тесно... и жутко.

— Для вас, может быть. Но я не просто кладбищенский реставратор, я вдобавок и археолог. Мы живём подобным.

Он поднял бровь и махнул рукой в сторону отверстия.

— Тогда прошу.

Я проверила фонарик, бросила последний взгляд на Девлина и с охотой — даже энтузиазмом — полезла в склеп.

Измельчённая известь врезалась в руки, стоило мне проползти вперёд, и я пожалела, что в своё время не прислушалась к совету тёти Линроз по поводу перчаток.

Протиснувшись в отверстие, я осветила фонариком море мерцающей белизны. Никогда не видела столько паутины. Интересно, как долго она здесь.

Перенеся вес на одну руку, я приподнялась и просунула голову со второй рукой через проём, чтобы осветить фонариком. Луч скользнул по кирпичным стенам и ещё более толстым слоям паутины в углу.

— Что-нибудь видите? — раздался позади голос Девлина.

Повернувшись бросить ответ через плечо, я уловила металлический блеск.

Попыталась перенаправить свет, но слишком сильно упёрлась в стену. Известь не выдержала, кирпичи сдвинулись, и я со всего маху ударилась о них подбородком.

Фонарик выбило из руки. Хрустнуло стекло.

— Что такое? — испугался Девлин.

Прежде чем я успела ответить, кирпичи подо мной покатались вперёд, и я полетела вслед за фонариком.

Глава 26

Мертва?

Я распласталась на полу, в крошечной темноте, бездыханная, с раскалывающейся головой и металлическим привкусом крови во рту.

— Амелия!

Голос Девлина прорезал туман. Я с трудом села, потирая затылок и аккуратно проверяя целы ли руки и ноги.

— Амелия, вы меня слышите?

— Да. Да! Я здесь, внизу! — закричала я с излишним волнением. — Здесь ничего не видно. Темно как в могиле.

— Вы в порядке? Не ранены?

Я покачала головой, смахивая с себя бесконечную паутину.

— Вроде, да.

Я медленно встала, чувствуя покалывание в ладонях и коленях и саднящую боль на правом бедре. Резкую боль в затылке. Металлический привкус крови во рту из-за прикушенного языка.

Полезла в карман за мобильным. Он дал бы мне немного света, но я забыла его в сумке. Сделав пару неуверенных шагов в темноту, я нащупала стену. Холодная и сырая, немного липкая. Я отдернула ладонь в отвращении.

Как только мысли очистились, а чувства вернулись, пришла паника. Что это за место? И как прикажете отсюда выбираться?

Я подняла голову и уставилась прямо на луч фонарика Девлина. Он осветил меня, затем пространство вокруг и снова вернулся ко мне.

— Вы точно в порядке?! — крикнул Девлин.

— Да. Кости вроде бы целы. — Я перевела дух, чтобы успокоить нервы. Воздух пропах затхлостью, точно в сыром погребе. — Вы сможете меня отсюда вытащить?

— Да. Но вам придётся потерпеть, пока я не вызову подмогу. Всего пару минут в темноте, хорошо?

Свет моментально исчез.

— Постойте!

Девлин появился на краю склепа.

— Мне нужно позвонить, позвать людей...

— Я знаю. Просто...

— Я брошу фонарик. Приготовьтесь ловить.

Я заняла позицию.

— На счёт три. Раз... два... три...

Фонарик полетел прямо на меня. Я поймала его, неудобно схватив, но наконец крепко сжала металлический корпус в ладони.

— Я скоро буду! — крикнул Девлин. — Потерпите немного.

И он растворился в вечности.

Но с фонариком и чувством облегчением от того, что я смогу избежать серьёзных ранений, вернулась часть прежнего энтузиазма. Я обернулась и принялась оглядывать зал. Кирпичные стены, ещё кирпичные стены и сверкающая, точно сахарная вата, паутина в

каждом углу.

На стене, напротив кирпичного проёма, были нарисованы огромные символы. Я разглядела якорь, компас и сломанное колесо. Обычная кладбищенская символика.

Под символами находилось ещё одно отверстие, достаточно большое, чтобы пролезть. Интересно, вело ли оно к долгожданной свободе.

Стоило мне осветить в дыру, как что-то прощмыгнуло по полу и скрылось за кирпичами.

Я отпрыгнула, тяжело дыша.

Крыса. Всего лишь крыса.

Отойдя от отверстия, я перевела свет обратно на символы. Один бог знает, сколько им лет и когда их в последний раз кто-нибудь видел.

Восхитительная находка, но место давило мне на нервы. Что-то в той дыре — и дело не в крысе — меня встревожило. Если это путь к свободе, то он также мог привести кого-то в эту комнату. Ко мне. Я здесь словно мышь в мышеловке.

Я попятилась от отверстия, испуганно водя лучом во все стороны, но застыла, так как ноги врезались во что-то металлическое, и оно с грохотом полетело на пол. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я осветила фонарём и облегчённо выдохнула. Кто-то поставил складной стул в центре комнаты.

«Странно, — подумала я. — Возможно, здесь не так уж давно кто-то и был».

Что он видел с этого места?

Я зашла за стул и осветила на стену. Ничего.

Медленно провела лучом по стене до потолка. Зал поддерживали старые деревянные балки, и когда свет проник в сумрак, я снова уловила металлический отблеск.

Я осветила фонариком на потолок, пока не поняла, на что смотрю. С потолочной балки свисали цепи и блоки. На конце цепей болтались ножные оковы.

И спали кандалы.

Покой мы обрели.

— Девлин?

Никакого ответа.

— Джон!

Кто-то прополз по полу склепа, и я услышала голос Девлина.

— Что такое?

— Вы это видите?

Я провела лучом по цепям и остановилась на блоке.

— Отсюда нет. А что там?

Я глубоко вдохнула.

— С потолка свисают цепи с кандалами. Блок. Какое-то устройство.

Я не расслышала, что он ответил.

Я продолжала таращиться на цепи.

— Выходит, он приводил их сюда? — Мне была ненавистна дрожь в голосе, но не испугаться в такой ситуации мог только человек со стальными нервами. — Здесь убивал.

Девлин должно быть почувствовал, что я близка к нервному срыву. А кто бы не сорвался?

Он стал меня успокаивать:

— Его нет. Вы одни. В безопасности.

Я ничего не слышала, кроме бешеного стука своего сердца.

— Мне нужно выбираться отсюда.

— Мы очень скоро вас вытащим. Сделайте глубокий вдох и постарайтесь расслабиться.

Вы же археолог, забыли? Вы живёте подобным.

— Уже нет.

— Не паникуйте. Всё будет хорошо.

Я послушалась его совета и сделала глубокий вдох.

— Только... не бросайте меня одну, хорошо?

— Я никуда не уйду. Сейчас вы мои глаза. Расскажите, что видите.

Я понимала, что он пытается меня отвлечь и с благодарностью ему подыграла.

— Кирпичные стены и пол. Деревянные потолочные опоры. — Я медленно повернулась по кругу. — Дыра в стене напротив. Возможно, она ведёт в туннель.

Ещё один путь наружу, ещё один путь сюда.

Я задрожала.

— Кто-то нарисовал символы на стене.

— Какие символы?

— Кладбищенские. Кажется, такие же символы использовали в узорах на стёганных одеялах и словах песен дней подземных железных дорог. Сломанное колесо — это земля, якорь — море...

— Что ещё?

— Не поверите, какая здесь толстая паутина. — Я направила свет на участок, который ещё не исследовала. — В углах она похожа на хлопковую марлю, но в центре комнаты её нет.

Луч прорезал волокна, проник в самые тёмные уголки. Я почувствовала что-то на руке и вытянула её перед собой. По моему плечу полз жирный паук.

Я была настолько напугана, а нервы настолько напряжены, что моментально закричала и попыталась смахнуть тварь. Попятилась, споткнулась о стул и потеряла равновесие. Фонарик ударился о кирпичный пол и потух.

Я задержала дыхание, и меня обволокла холодная темнота. Позади раздался глухой удар, и я обернулась, точно испуганная кошка.

— Амелия? — тихо позвал Девлин.

Он был в комнате, рядом со мной. Пролетел сквозь двадцать футов крошечной темноты, стоило ему услышать мой крик.

Ничего себе!

— Я здесь.

Может, это разыгралось воображение, но я была готова поклясться, что почувствовала тепло, исходящее от его тела, притягивающее к себе точно магнит. Вытянув руки, я пошла навстречу ему. Когда наши пальцы соприкоснулись, он положил ладони на мои плечи и наклонился к моему лицу.

— Вы в порядке? Что произошло?

— Я увидела паука на руке и испугалась. — Его близость меня успокоила. — Я же не забыла упомянуть, что страдаю лёгкой формой арахнофобии?

— И вам показалось хорошей идеей проползти сквозь кучу паутины?

— Обычно я держу себя в руках. Но мохнатые пугают меня до ужаса.

— Буду знать.

— Спасибо, что бросилось мне на выручку. Это было невероятно.

Он немного помолчал.

— Когда вы закричали...

Лёгкое замешательство в его голосе ускорило мой пульс. Он подумал, что я в опасности и немедленно бросился мне на помощь, не заботясь о своей жизни и целостности рук и ног. Это... впечатляло.

Хотя это его работа, но я решила не думать в таком направлении. Первые мысли были скорее в романтическом ключе.

— Я уронила фонарик, — сменила я тему, потому что мне нужно было о чём-то поговорить, но я не могла поделиться тем, что творилось в моей голове.

— Он разбился?

— Вроде бы, нет. Откатился вон в ту сторону.

Хотя это было бесполезно, ведь Девлин не мог увидеть, куда я указываю.

Щёлкнула зажигалка, и между нами заплясал огонёк. Лицо Девлина казалось бледным и немного дьявольским в мерцающем свете. Я никогда не видела ничего прекраснее.

Он оглядел меня.

— Вы точно в порядке?

— Да, я в порядке. Просто перетрусил. Так глупо.

— Совсем не глупо. В таком-то месте. — Он осмотрелся. — Куда вы уронили фонарик?

— Вон туда.

— Вижу. — Он поднял его и передал мне зажигалку. — Вот, держите.

Я послушалась и подняла огонёк достаточно высоко, чтобы Девлин смог снять стекло, заново вкрутить лампочку и установить корпус обратно. Батарейка встала на место, пару ударов по ладони, и загорелся свет.

Проведя пальцем по колёсику, я погасила зажигалку и отдала Девлину. Это была украшенная орнаментом вещица, тяжёлая и старинная на вид, насколько я могла судить.

— Не знала, что такие ещё продают.

— Досталась от отца. Я всегда ношу её с собой.

— Как талисман на удачу?

— Точнее подарок на память. Ничего более.

Но как только он убрал зажигалку в карман, я вспомнила про амулеты, которые, по его словам, носила Мариама, и камешек с кладбища «Розовый холм», который я не снимала с шеи. У каждого из нас свои гри-гри, свои плацебо. Даже у Девлина, хочет он это признавать или нет.

Он поднял фонарик на уровень плеча и провёл лучом вверх и вниз, оглядывая нашу временную темницу. Я проследила взглядом за светом, когда он подсветил символы на стене, паутину в углу и наконец цепи.

Девлин прошёл и устоялся на потолок, где к деревянной балке был прикреплён блок. Девлин провёл лучом по верёвке, пока не нашёл её конец, обмотанный вокруг металлического штыря, вбитого в кирпичную стену. Кандалы крепились к цепям, они же, в свою очередь, к какому-то устройству, которое можно было поднимать и опускать с помощью блока.

Девлин размотал верёвку. Цепи упали на кирпичный пол, и я подпрыгнула от металлического грохота.

Ужасные картины пронеслись в моей голове. Девлин поднял устройство с блоком и

привязал обратно на место. Затем он подошёл проверить пол под цепями. Кирпичи в этом месте выглядели темнее. С комом в горле я наблюдала, как он опускается на корточки и проводит пальцем по поверхности.

Девлин встал и продолжил поиски.

Молчание затянулось на вечность.

— Как, по-вашему, для чего он использовал стул? — наконец нарушила я тишину. — Думаете, он сидел здесь... и смотрел на них?

— Либо это, либо у него был зритель, — столь сухо ответил Девлин, что у меня кровь застыла в жилах.

Он перевёл луч обратно на стены, и я повернулась вместе с ним. В некоторых местах паутина была настолько толстой, а нити настолько плотными, что не пропускали свет.

Девлин выругался и дёрнул рукой. Сначала я подумала, что он увидел очередного огромного паука... или, что хуже, убийцу. Но свет был прикован к стене, почти у самого потолка. Сквозь кокон паутины проступил силуэт.

В самом тёмном углу комнаты к стене был прикован человеческий скелет.

Глава 27

У скелета были скованны запястья, а не лодыжки, как ранее описывал Девлин жертв маньяка. Я понимала, что это важная деталь, но в тот момент так затряслась, что была не в силах об этом думать.

Сквозь паутину можно было мало что разглядеть. Ключки одежды. Пучки волос, свисающие с черепа.

— Судя по виду, он пробыл здесь не один год. — Девлин провёл фонариком, чтобы разглядеть скелет. — Удивительно, как он ещё не развалился. Может, нам просто отсюда не видно тканей и сухожилий. — Он понюхал воздух. — Запаха нет. — Достал телефон и проверил дисплей. — Сигнала тоже. Нам нужны судмедэксперты и Шоу. — Он говорил тихо, но его голос разлетался по комнате жутким эхом.

Я не смела заговорить, потому что не доверяла себе. Если открою рот, то, скорее всего, завизжу.

Девлин провёл лучом фонаря по комнате.

— Интересно, куда делись мухи.

Я об этом даже не подумала и теперь смотрела на него в ужасе.

— Вы же не думаете, что внизу есть ещё одно тело? Или кто живой? Или...

Обречённый на долгую смерть.

Неделю назад я бы не смогла представить подобную жестокость, но теперь, уставившись в дыру в кирпичной стене — тёмный зловещий проход — я была уверена, что там кто-то есть, и от этой мысли у меня бежали мурашки.

— Я полезу туда и выясню, — сказал Девлин, и мне показалось, что я услышала нотку страха в его голосе.

— Сейчас?

Я даже не хотела думать о том, что могло находиться за зияющим разломом.

— Если есть хоть крохотная вероятность, что там кто-то есть, то да. Сейчас.

— Но... разве вы не должны дождаться подкрепления? Вы же сказали, что они скоро будут.

— Может, и не скоро. Бывают ситуации, когда каждая минута на счету, — тихо произнёс он, и я вспомнила о его жене и дочке, запертых в тонущей машине. — Я должен выяснить, что там.

Голос стал жёстким и решительным. Девлина было не отговорить.

— Тогда я иду с вами, — ответила я, хотя по правде говоря, действовала больше из страха, чем альтруизма. Не хотелось оставаться одной в этой камере ужасов. Лучше попытаю удачу с тем, что находится за стеной. Вместе с Девлином.

Я думала, он заспорит, и уж было приготовилась стоять на своём, но он только посмотрел на цепи и кивнул.

— Думаю, это лучший вариант.

Девлин осветил проём и полез. Я последовала за ним.

С другой стороны оказалось достаточно места, чтобы встать в полный рост. Стены также были кирпичными и скользкими от слизи. Девлин направил луч фонаря, и я увидела лишь уходящий в бесконечный туннель.

Пространство было столь узким, что нам пришлось идти друг за другом. Сколько бы я ни оглядывалась, тьма казалась бескрайней.

— Я тут задумалась над временем, — тихо начала я, идя за Девлином. — Мама Ханны сказала, что в последний раз видела дочь живой в прошлый четверг. Если её тело закопали после того, как я покинула кладбище в четыре часа в пятницу и до начала бури в полночь, она могла находиться здесь внизу, пока я делала снимки надгробий. Я могла проходить прямо над тем местом, где он повесил её за ступни. Если бы я только что-нибудь услышала... увидела... я бы могла позвонить в полицию...

Девлин обернулся. Его лицо было мрачным и утопало в тенях.

— Не надо. Вы ничего не могли сделать.

— Знаю, но мне тяжело не думать об этом.

— В мире происходит множество страшных событий. Не нужно корить себя за то, что не в ваших силах предотвратить.

Интересно, а смог он послушаться собственного совета или до сих пор ночью играет в ужасную игру «а что если бы?», когда не спится и призраки не оставляют в покое.

Мы молча двинулись дальше. Казалось, что мы куда-то спускаемся, но точно ничего нельзя было утверждать. Клаустрофобия и непроглядная тьма лишали чувства ориентирования.

Паутина была везде. Представить не могу, сколько понадобилось пауков, чтобы все это свить.

— Кажется, мне в волосы заползли пауки, — произнесла я дрожа.

— Что?

— Пауки. Они повсюду. Их тут тысячи. Миллионы...

— Не думайте об этом.

— Не могу. Знаете, почему у меня арахнофобия? Меня в десять лет укусила чёрная вдова.

— А меня в двенадцать — медноголовая змея.

— Хорошо, вы победили.

Я провела пальцами по волосам, пытаясь стрясти «непрощенных гостей».

— А я не знал, что мы соревновались. Может, померяемся шрамами?

Я оценила его, пусть и слабую, попытку поднять мне настроение.

— А как вас укусила змея?

— У моего дедушки была хижина в горах. В детстве мы каждое лето ездили туда на неделю. У меня был старый велосипед, и я нарезал круги по округе. На одной из тропок грелась змея. Я не заметил её и наехал. Её намотало на спицы, и когда я попытался столкнуть её ногой, она напала. Прокусила голень прямо через джинсы.

— Насколько всё было плохо?

— Не так ужасно, как вы себе представляете. У деда хранилась сыворотка. Он сделал мне укол и дал антибиотиков.

Я хотела поинтересоваться, был ли его дедушка доктором, но вспомнила слова Итана, что Девлин из династии юристов. Он стал белой вороной в семье, так как отказался продолжить семейную традицию.

— Вас не пришлось везти в больницу?

— Нет. Как говорил мой дед, небольшое страдание закаляет характер. Я пролежал в кровати пару дней и всё. Ваша чёрная вдова была намного больнее.

— Это же не соревнование.

— Точно. Так куда вас укусили?

— В руку. Я передвинула старое надгробие и потревожила её дом с детками. Мне некого винить, кроме себя.

— Как понимаю, вы проводите много времени на кладбищах?

— Это моя работа.

— Даже в детстве?

— Более или менее. Мой отец — кладбищенский смотритель. Он присматривает за несколькими кладбищами, но больше всего я люблю то, что возле нашего дома. «Розовый холм». Слышали о таком? Оно окружено сотнями розовых кустов. Некоторым из них больше века. Цветы обвивают деревья и свисают с веток. Летом на этом кладбище пахнет как в раю. Я очень любила играть там в детстве.

— Вы играли на кладбище?

— А почему нет? Там тихо и красиво. Идеальное маленькое королевство.

— Вы очень странная.

— Скорее практичная.

— Странная, великолепная и практичная.

Моё сердце забилося быстрее. Мне понравилось его описание, хотя подобные слова были не в его духе. Отчего-то я вспомнила Рапсодию. Странная, великолепная и практичная. Девочка, любящая погонять мяч и наложить парочку заклинаний.

Верный луч фонарика показывал впереди одни лишь кирпичные стены и бесконечную темноту.

Мы шли всего несколько минут, но, казалось, проём, через который мы пролезли, остался далеко позади. Интересно, помощь уже подоспела? Девлин должен был сказать, что я в ловушке, но как полицейские узнают, где нас искать? Мы так далеко ушли. Сомневаюсь, что нас услышат, если позовём.

Девлин резко остановился, и я чуть не влетела ему в спину.

— Что такое?

— Ещё один проход.

Он наклонил луч к стене справа от нас. В ней не хватало несколько кирпичей, через

проём можно было пролезть.

Девлин опустил на колени и осветил.

— Ещё один туннель?

Вопрос эхом вернулся ко мне.

— Похоже на то. — Он замолчал и продолжил вглядываться в темноту. — Я чувствую запах плесени и гнили. Место старое.

— Как думаете, для чего их первоначально использовали? — Я стояла в темноте, обнимая себя. Воздух был промозглый, как прикосновения призрака. — Эти туннели копали не один год.

— Возможно, здесь когда-то располагалась старая плантация. Это мог быть погреб. Их иногда использовали как подземное жильё для рабов.

Здесь жили невольники. Это объясняет гнетущую атмосферу «Дубовой рощи».

Я подняла взгляд. Солнце, должно быть, уже село за горизонт.

— И подвал с туннелями затопило при подъёме уровня воды? — предположила я.

— Возможно, поэтому здесь повсюду плесень и слизь.

Я нервно оглянулась.

— Как думаете, как он его нашёл?

— Старые записи, юридические документы. Или же он случайно наткнулся на эти туннели, как и мы.

— Мы продолжаем говорить «он».

— Большинство убийц-хищников — мужчины.

Девлин встал.

Я указала подбородком в сторону дыры.

— Пойдём туда?

— Нет. Думаю, нам стоит остаться в этом туннеле. Мы всегда можем вернуться. Идёмте.

Мы снова двинулись в путь.

— Это место напоминает повторяющийся сон, который преследовал меня в детстве, — сказала я, идя в такт Девлину. Я старалась не выходить за пределы луча. — Ужасный сон. Настолько реалистичный, будто я на самом деле терялась в пещере или туннеле...но ничего подобного со мной не случилось.

— Может, туннель символизирует некую травму.

— Возможно. На одном конце туннеля я видела слабый проблеск света, а на другом — ничего, кроме тьмы. Я всегда начинала идти к свету, но потом что-то заставляло меня повернуться и идти навстречу тьме только для того, чтобы опять развернуть меня обратно, к свету. Это повторялось снова и снова. Несколько шагов в одном направлении, поворот, несколько шагов в другом направлении. Самое ужасное перетягивание каната, которое можно только представить.

— Вы были одни?

— Да. Хотя... иногда я слышала женский голос. Она говорила шёпотом. Я никогда не могла разобрать, что она говорит, но я всегда внимательно прислушивалась в надежде, что она расскажет, куда идти, хотя этого не происходило. А если я оставалась стоять на месте слишком долго, из стен появлялись руки.

— Руки?

Я задрожала.

— Множество рук. Бледных и цепких. Я знала, что если они схватят меня, то утянут в тёмное место, намного более ужасное, чем то, что поджидало меня в конце туннеля. Поэтому я продолжала идти. Несколько шагов в свет. Поворот. Несколько шагов во тьму.

— Вы никогда не доходили до конца?

— Никогда. Я просыпалась в ужасе, не имея понятия, кто я и где нахожусь.

— Похоже на предсмертный опыт. Не то чтобы я верю во всё это, но ваш сон очень похож на рассказы, которые мне доводилось слышать от свидетелей клинической смерти. Не считая рук, — добавил он. — Это что-то новое.

— Руки пугали меня больше всего.

Он осветил фонариком по стенам.

— Видите? Никаких рук.

— Спасибо. — Я споткнулась об угол торчащего кирпича, ударилась ладонью об спину Девлина и тут же отстранилась. — Вас когда-нибудь мучил навязчивый кошмар?

— Да. — Он сделал паузу. — А затем я просыпался и понимал, что он реален.

Повисла тишина.

Глава 28

Мы слишком глубоко зашли в туннель, но было поздно поворачивать обратно. По спине ползли мурашки. Я представляла, как в тених притаился призрак, преследуя меня, впитывая энергию и жаждающая тепла.

Я развернулась. Сердце ушло в пятки.

— Вы что-то слышали?

— Нет.

Девлин повернулся и осветил коридор. Я уловила взглядом отблеск глаз-бусинок и услышала шорох крошечных лапок. Всего лишь крыса.

Мы пошли быстрее. Теперь мне дышалось немного легче, ведь я знала, что звуки позади — это просто царапание когтей по кирпичу. Странно, но, рассказав Девлину о своём сне, мне стало легче. Я словно освободилась от детского страха, который преследовал меня многие годы. Девлин стал моим доверенным лицом, ведь я никому и никогда о нём не рассказывала. Я была слишком напугана, чтобы обдумать, что это говорило о моих чувствах к нему.

Мы продолжили идти ускоренным шагом, но я замедлилась и повернула голову в сторону, как только в тишину вторгся новый звук. Я постояла, сделала шаг вперёд и обернулась.

— Там что-то есть.

Девлин едва сбавил темп.

— Очередная крыса.

— Нет, не крыса. Вслушайтесь.

Одна тишина.

И вот снова! Шарканье.

У меня волосы встали дыбом.

— Вот! Слышали?

Девлин повернулся — луч света прорезал темноту.

— Не паникуйте.

— Я не паникую, — ответила я, несмотря на стук сердца в ушах. — Как думаете, что это?

— Не знаю.

Это не призрак. Это что-то очень осязаемое, материальное, живое.

Девлин переложил фонарь в левую руку, а правой достал пистолет из кобуры. Несколько раз прорезал лучом темноту.

— Встаньте передо мной, — сказал он и передал мне фонарик.

— Он идёт за нами, да? — прошептала я.

— Продолжайте идти вперёд.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Теперь мы шли в полной тишине. Как только звук исчез, я успокоилась и заметила, что мы поднимаемся. Но стоило понадеяться, что мы скоро выйдем на свежий воздух, как вдруг оказались в тупике.

Перед нами встала сплошная кирпичная стена.

Мысль развернуться и идти обратно на звук, чтобы вернуться в камеру ужасов, убивала. Я была эмоционально истощена. Обессилена. Была готова упасть на пол и разрыдаться.

— Сюда, — сказал Девлин и повернул мою руку с фонариком вниз и налево.

Ещё одно отверстие. Ещё один проход.

Он забрал у меня фонарик и осветил в дыру.

— Это путь наружу? — нервно спросила я.

— Кажется, да. Пошли.

Он пролез первым и подождал меня с другой стороны.

Мы оказались в какой-то круглой камере, примерно пяти футов^[29] в диаметре. К стене были прикреплены металлические ступени, и я воспрянула духом, пока не поняла, что они ведут в никуда. На крыше не было отверстия. Кромешная тьма.

— Кажется, мы в старом колодце или цистерне, — сказал Девлин.

Его голос металлическим эхом отрикошетил от круглых стен.

— Как нам отсюда выбраться?

— Наверху должна быть какая-то крышка.

Он на секунду скользнул лучом вверх, а затем протянул мне фонарик и пистолет.

— Знаете, как стрелять?

— По правде говоря, нет.

— Он снят с предохранителя. Если что-то пролезет через проём, цельтесь и спускайте курок. Не думайте — просто стреляйте.

Я кивнула.

— Держите фонарик. Не смотрите на меня, смотрите на дыру.

— Хорошо.

Он проверил лестницу на прочность и полез наверх. Колодец заполнил металлический лязг. Через несколько секунд Девлин был уже на двадцать футов^[30] выше меня. Щёлкнула зажигалка. Девлин застонал от натуги, пытаясь сдвинуть крышку. Я устояла перед искушением взглянуть наверх.

— Крышка завинчена?

— Это люк. Я вижу петли и ручки, но люк придавили чем-то тяжёлым. Я могу его приподнять, но только на щёлку.

Мои глаза неотрывно следили за входом, ладони сжимали пистолет и фонарик. На

мгновение я была готова поклясться...

Вот оно! Подкрадывающееся шарканье, как будто кто-то волочится по туннелю, скрываясь в темноте, чтобы не выдать своё местоположение.

— Он идёт, — прошептала я.

Мой голос донёсся до вершины. Раздался лязг. Девлин быстро спустился, забрал у меня пистолет и фонарик и обвёл лучом верх лестницы.

— Поднимайтесь. Мне удалось открыть люк на несколько дюймов. Попробуйте пролезть.

— А вы?

— Идите. Я за вами.

Но как только я начала подниматься по лестнице, то обернулась и увидела, как свет исчезает в проёме.

— Девлин?

Никакого ответа.

Я разрывалась между выбором подниматься дальше или вернуться за Девлином. Сомнения раздирали меня, словно я снова переживала ночной кошмар. Я всё ещё не шевелилась, когда вернулся Девлин.

Он ничего не сказал, лишь подождал, когда я доберусь до верха, и последовал за мной.

Я с трудом пролезла через отверстие, ободрав локти и колени о грубый кирпич, а затем, приложив все силы, отодвинула валун и открыла люк.

Девлин выполз из колодца, и мы осмотрелись. Мы оказались где-то в лесу, за кладбищем.

Тьма ещё не спустилась. Горизонт горел закатом на западе. На востоке, над верхушками деревьев, поднималась луна. Листья шептали на ветру. Я ощутила запах жасмина в сумерках.

Девлин взял меня за руку, и мы вместе ступили в прохладный вечер. Вслед за нами из-за завесы выплыли призраки.

Глава 29

К тому времени, как я покинула кладбище, его заполонили копы. Криминалисты спустились в камеру, а полчища полицейских стали прочёсывать тоннели. Я решила, что Девлин будет занят ближайšie несколько часов, поэтому была искренне удивлена, когда он объявился на моём пороге поздним вечером.

Я успела принять душ и приготовить себе лёгкий ужин, хотя смогла лишь поклевать салат. Увиденное в склепе не могло пройти незамеченным, и меня терзало плохое предчувствие, что крепкого сна мне теперь не видать несколько дней, если не недель.

Девлин принёс с собой ноутбук, чтобы мы вместе смогли просмотреть фотографии «Дубовой рощи». Я предполагала, что он придёт к такому же выводу, что и я: Ханна Фишер, живая или мёртвая, находилась в том склепе, когда я делала снимки надгробий. Кража моего портфеля лишь укрепляла эти подозрения. Убийца верил, что на один или пару снимков попало нечто компрометирующее.

Но откуда он узнал, что у меня в портфеле фотографии... если только не видел их собственными глазами?

В день обнаружения трупа я провела целый день в Эмерсоне: как наверху, в главной библиотеке, так и в подвале, в архивах. Портфель лежал без присмотра не один час, пока я

просматривала коробки с записями и изучала базу данных. Если портфель был открыт, то любой проходящий мимо мог мельком увидеть фотографии. А это значит, что в какой-то момент в течение дня я находилась в непосредственной близости от убийцы. Мы могли задеть друг друга плечами или обменяться любезностями. От этой мысли, особенно после нашей находки — и в особенности наводящими жуть цепями и блоками, — становилось тошно.

До приезда Девлина я составила таблицу всего, что мы знали о месте захоронения каждой жертвы, начиная с Ханны Фишер.

Вместе с цветочным узором на надгробии были выгравированы парящее перо и стихотворная эпитафия:

Над её безмолвной могилой
Под луной скорбят звёзды ночные.
Не мертва, лишь в забвение ушла,
Ибо душа не была спасена.

На надгробии могилы, где были найдены неопознанные останки, была распутившаяся роза, изображение души с крыльями и надпись:

Спал розы нежный цвет,
Она ушла от земных бед.
И ныне покоится здесь.

Поскольку тело Эфтон Делакур было брошено на полу мавзолея, а не похоронено, у меня не было надгробных символов или эпитафии, с которой можно сопоставлять, но я решила, что рисунок и надпись на своде, которые привели нас к скрытой камере могли быть существенными уликами. Разорванная цепь не вписывалась в мотив летящей души на двух надгробиях, но сильнее всего меня заинтриговал стих:

Заря пришла,
Сбежала тень,
И спали кандалы.
Покой мы обрели.

Я просмотрела таблицу, подчеркнув слова «перо», «душа», «сломанные цепи» и «кандалы», и воспрянула духом. Возможно, Геррити прав. Ответ находится прямо передо мной, мне нужно лишь расшифровать сообщение убийцы.

Сколько у нас есть времени до того, как маньяк выберет следующую жертву?

— Что такое? — спросил Девлин.

Его голос испугал меня в тишине. Удивительно, но я совсем забыла, что он рядом.

— Я просто изучила все эпитафии и символы и подумала, что Том Геррити прав. Убийца оставляет сообщение, но я не могу его прочесть. — Я помолчала. — Вы что-нибудь нашли?

— Нет, к сожалению, — ответил он с таким же разочарованием, что терзало мне сердце.

— Знаете, что меня беспокоит? Как убийца узнал о туннелях?

— Я же говорил: старые записи, документы. Случайно. — Он поднял взгляд. — А знаете, что беспокоит меня? Почему у того скелета были скованны запястья?

— Потому что это выбивается из общего ряда?

— Именно.

— Когда будут новости от Итана?

— Скоро. Он посвятил всё своё время расследованию. По крайней мере, теперь он может сравнить любые найденные аномалии или детали этого скелета с эксгумированными останками.

Мы оба замолчали, сосредоточив всё свое внимание на снимках.

И тут я вспомнила, что хотела рассказать ему кое-что ещё.

— Помните, я говорила, что видела Даниэля Микина в университетских архивах? Я спросила его в тот день, могли ли пропасть церковные регистры, связанные с «Дубовой рощей». Он ответил, что во время и после гражданской войны было уничтожено множество записей. Он также упомянул, что записи просто могут находиться не на своём месте, потому что архив в ужасном беспорядке. И он прав. Кто-то мог легко унести любую запись или книгу, где говорится о тех туннелях, и никто бы не заметил.

— А он не говорил, что помимо церкви на этой земле было что-то ещё?

— Нет. Мы это тоже обсудили. Он рассказал мне, что у него в кабинете есть несколько старинных книг, где говорится о «Дубовой роще». Он собирался поискать для меня кое-какую информацию, но с тех пор мы не встречались.

Девлин кивнул.

— Я поговорю с ним.

— Неплохая идея. Если кто-то и знает, было ли на этом месте что-то до церкви, то только он. — В голову пришла ещё одна мысль, но я засомневалась стоит ли ею делиться. — Скорее всего, это не имеет ни малейшего отношения к делу, но Темпл сказала мне, что Микин пытался покончить жизнь самоубийством.

Девлин поднял глаза.

— Я знаю, что это всего лишь сплетни, но Темпл, кажется, видела уродливый шрам на его запястье. И Микин старается пользоваться только левой рукой. Вы поймёте, о чём я, когда встретитесь с ним. Он держит запястье под странным углом, словно его постоянно беспокоит этот шрам или не даёт покоя осознание того, что он пытался с собой сделать.

— Он всегда был немного странным, — заметил на это Девлин.

Я приподняла голову от удивления.

— Вы его знаете? Когда вы сказали, что знаете его, я подумала, что вы имеете в виду его работы.

— Мы учились в одном университете, но я поступил позже него.

— В университете? В Эмерсоне? Вы оба ходили в Эмерсон?

Он нахмурил брови в ответ на обвинительную нотку в моём голосе.

— У вас с этим какие-то проблемы?

— Нет... никаких проблем, но почему вы не сказали об этом раньше?

Он пожал плечами.

— Я делюсь подробностями своей личной жизни только в необходимых случаях.

Я уставилась на таблицу, спрашивая себя, сочтёт ли он следующий вопрос необходимостью или проявлением любопытства.

— Вы познакомились со своей женой в Эмерсоне? — Я чуть не сказала: «с Мариамой», но вовремя вспомнила, что Девлин ни разу не назвал её по имени. Ещё одна странность.

Он замешкался с ответом:

— Да.

— Вы знаете доктора Шоу?

— Все в кампусе знали Шоу. Он был таинственным типом, мягко говоря.

— Вы когда-нибудь ходили на один из его сеансов?

— Более пустой траты времени не придумаешь.

Столько презрения от человека, которого преследуют призраки.

— Вы знали кого-нибудь из Когтей?

Он закрыл ноутбук.

— Вы сегодня задаёте много вопросов.

— Простите.

— Я бы сказал, что вы в роли детектива как рыба в воде.

Не уверена, что он меня похвалил, но всё-таки сочту его слова за комплимент.

— В какой-то степени это не слишком отличается от моей работы. И я люблю загадки.

Поэтому я так заинтригована «Орденом гроба и когтя». Вы заметили, что никто не хочет ничего о нём рассказывать?

Он издал нечленораздельный звук.

Я украдкой посмотрела на него краем глаза.

— Вы говорили, что люди в высших кругах стали дёргать за ниточки. Думаете, это как-то связано с орденом? За ними несколько поколений во власти, и видимо никто не желает переходить им дорогу. Они сплачивают ряды, чтобы защитить одного из своих?

Девлин провёл рукой по лицу. Он выглядел смертельно уставшим, хотя несколько секунд назад казался совершенно расслабленным.

— Не знаю. Я вижу последствия от манипуляций, но не того, кто за ними стоит.

— Они же не смогут закрыть дело?

— Нет. Не после сегодняшней находки. Но они могут контролировать ход расследования, поставив собственных детективов.

— Но это ваше дело.

— Вы правы. Я не намерен сдаваться без борьбы.

Его взгляд меня немного напугал.

— Что они сделают, если вы не согласитесь сотрудничать?

— Ничего. Меня они не тронут.

Утверждение Девлина так и звенело в моих ушах, когда я встала и отправилась на кухню приготовить чай. Я расставила чашки и подождала, пока закипит чайник, потому что хотела всё обдумать, прежде чем вернуться к разговору. Мне казалось, что я узнала нечто важное от Девлина. Откровение об учёбе в Эмерсоне вызвало особый интерес, и мне по-прежнему казалось довольно странным, что он не упоминал об этом в тех случаях, когда мы обсуждали убийство Эфтон Делакур. Но, может быть, он действительно просто не хотел рассказывать о своей личной жизни.

Я внесла поднос с чаем в кабинет и увидела, что Девлин заснул на кушетке.

Сев обратно за стол, я вернулась к фотографиям, но чем дольше я просматривала уже ставшие привычными символы и эпитафии, тем меньше энтузиазма вызывала у меня это занятие. Я начала чувствовать себя немного в себе: слабость в коленях, неприятная пустота в животе. Те же симптомы, когда Девлин заснул в моём кабинете и в прошлый раз.

Я убеждала себя, что на этот раз не подойду к нему. Просто позволю ему спать, и когда он проснётся, мы продолжим обсуждать дела или же он просто уйдёт. Так и будет.

Я не подойду.

Но, конечно, я подошла к нему, потому что не могла остаться в стороне. Я встала над

ним, готовясь к толчку, сдавливающему грудь, и слабость накрыла меня с головой. У меня подкосились колени, я тяжело осела на кушетку рядом с Девлином.

У Девлина распахнулись глаза. Он посмотрел прямо на меня, но у меня возникло странное ощущение, что на самом деле он меня не видит. Он ещё не проснулся.

Что-то промелькнуло в его лице — невыносимая печаль, которая появилась и исчезла так быстро, что я засомневалась в том, что видела. Но затем я вспомнила, что он рассказал мне сегодня о своих ночных кошмарах.

А затем я просыпался и понимал, что он реален.

Он сел и огляделся.

— Что произошло?

— Ничего. Мы просматривали изображения «Дубовой рощи», и вы заснули.

Он откинулся на спинку кушетки и протёр глаза.

— Да что с этим местом такое? — пробормотал он.

— Дело не в месте, а в вас, — ответила я. — День был долгий. Я тоже немного устала.

Он нахмурился.

— Как долго я спал?

— Полчаса. Возможно, сорок пять минут.

Мне показалось, что он удивится, почему я сижу рядом с ним, поэтому я тут же схватила шерстяной плед с края кушетки.

— Я побоялась, что вы замёрзнете.

Как только я начала его укрывать, он схватил меня за ладонь. Я знала, что должна отстраниться. Силы покидали меня, у меня закружилась голова, но я не шелохнулась.

— Мне кажется, что я проспал несколько часов.

Его голова покоилась на спинке кушетки, но взгляд упирался в меня. Мы провели несколько секунд в неловком молчании, и я подумала, что нужно встать и вернуться к столу. Но Девлин до сих пор держал мою ладонь. Я не могла освободиться, не испытав ещё большей неловкости.

— В честь кого вас назвали? — неожиданно спросил он.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Я не знаю. Среди моих родственников и предков не было Амелий.

— И за этим именем не стоит никакой истории?

— А должна быть?

— Я подумал, что это семейное имя. Оно вам подходит. Немного старомодное, как и вы.

Я рассердилась:

— Ни я, ни моё имя не старомодны.

У него заблестели глаза.

— Я не хотел вас оскорбить. Я тоже старомоден. Такими нас воспитали. Обременёнными традициями в одной упряжи с ожиданиями и чёртовыми правилами.

— Я много чего знаю о правилах. Вы даже не представляете насколько много.

Его рука соскользнула с моего запястья. Пальцы сплелись с моими пальцами. Ничто не могло потрясти меня сильнее. Я спросила себя, а почувствовал ли он, как я дрожу.

— Я не должен быть здесь, — вздохнул он. Он поднял наши переплетённые пальцы и посмотрел на них, словно пытаясь узреть божественное послание.

— Почему? — Я знала, почему он не должен быть здесь, но смерть как хотела услышать

его признание. — Я не настолько старомодна, чтобы испугаться остаться наедине с женщиной в собственном доме.

— Я не это имел в виду. Я... я не должен быть здесь. С вами. — Он сделал небольшой акцент на местоимении. — Вы пугаете меня.

— Я?

Он замер.

— Иногда вы заставляете меня забыть.

Моё сердце колотилось так сильно, что было готово выпрыгнуть из груди.

— Это плохо?

— Не знаю. Я так долго держал... не знаю, готов ли я отпустить.

— Тогда не отпускайте.

Он произнёс моё имя. Одно только имя. Амелия. Но в такой медленной, правильно протяжной манере чарльстонских аристократов, растягивая слоги с элегантно надменно-властной каденцией с оттенком декаданса, снисходительности и своего рода тайны, которая может тлеть лишь в самой глубокой тени Юга.

Он обхватил моё лицо ладонями и притянул к себе, долго-долго смотря в глаза. Я решила, что он собирается поцеловать меня и закрыла глаза в предвкушении. Вместо этого он медленно провёл большим пальцем по нижней губе, именно как я представляла себе в ресторане. Это был не поцелуй, даже не ласка, но никто и никогда не дарил мне ничего более чувственного.

Он притянул меня к себе, и мы тихо лежали в объятиях друг друга, пока он не заснул. Я чувствовала спокойный стук его сердца под ладонью. Он становился всё сильнее, пока он спал, а я же теряла силы.

И всё же я не шелохнулась.

Я лежала в объятиях Девлина, пока аромат жасмина в кабинете стал невыносим.

Я встала и подошла к окну, чтобы увидеть её. Шани медленно раскачивалась на качелях. Длинные волосы развевались на ветру.

На этот раз она пришла не одна. На самом краю тени, уставившись на меня ядовитым взглядом стояла Мариама.

Девлин ушёл перед рассветом. Я легла спать полностью одетой и, выскользнув из-под одеяла, поспешила к окну, чтобы проводить его взглядом. Как только он открыл калитку и вышел на улицу, в сером свете появились Мариама и Шани. Они парили по обе стороны от него, пока он переходил дорогу, направляясь к своей машине.

На полпути призрак Мариамы обернулся через плечо. Я отстранилась от окна, но она знала, что я за ними наблюдаю. И также как призрак Шани, она хотела дать мне понять: она в курсе, что я знаю об их существовании.

Я больше не выглянула в окно, но я знала, когда Девлин уехал. Чем большее расстояние нас разделяло, тем сильнее становилось это чувство. Теперь мне стало предельно очевидно, что этот дом, это благословенное святилище, может защитить меня от духов, но не от Джона Девлина.

Глава 30

Приняв душ и одевшись, я покинула дом позже утром с новой решимостью. Первым

делом мой путь лежал в Чарльстонский институт изучения парапсихологии. Направляясь к боковому входу, я подумала, что с таким же успехом могла бы перейти дорогу и обратиться к Всевидящей Мадам. Последний визит к доктору Шоу оставил меня с большим количеством вопросов, чем ответов.

У двери меня встретила та же блондинка с серебряными украшениями. Она провела меня по коридору к кабинету доктора Шоу, и незаметно закрыла за мной раздвижные двери.

Льющийся из сада солнечный свет ослепил меня так сильно, что пришлось зажмуриться и несколько минут привыкать к освещению. Доктора Шоу не было за столом. Он стоял в дальнем конце зала, в глубокой тени, и пролистывал фолиант в кожаном переплёте. Не успела я его заметить, как доктор Шоу небрежно отбросил книгу в сторону, достал другую из шкафа и лихорадочно пролистал страницы.

Я была поражена его внешним видом. Я всегда находила некоторое очарование в его рассеянном поношенном облике, но сейчас он выглядел неухоженным: рубашка и брюки смялись, поэтому я подумала, что он, должно быть, спал в них. Великолепная копна белоснежных волос — часть туалета, которой отдавалось особое внимание, — выглядела тусклой и безжизненной.

Я молча постояла в дверях, сомневаясь, что он знает о моём присутствии. Откашлялась, перемялась с ноги на ногу, но ничто не отвлекло его внимание от основной задачи: пролистывания книг одной за другой. Без всякого сомнения, он что-то искал, и также, без всякого сомнения, его сокровище оставалось удручающе неуловимым.

— Можете не мяться, — сказал он, не поднимая взгляда. — Я знаю, что вы здесь.

— Я пришла в неудачное время? Мне стоило сначала позвонить.

— Нет, всё в порядке. Боюсь, у меня выдалось неудачное утро.

— Я могу чем-нибудь помочь? Из меня хороший исследователь.

Он поднял взгляд и слабо улыбнулся, снимая с полки очередную книгу.

— Я сам не знаю, что ищу.

— Мне это знакомо.

Он подошёл ко мне и, когда его залил солнечный свет, я поняла, что моё первоначальное впечатление о нём было поверхностным. Смятая одежда и растрёпанные волосы оказались ещё цветочками. Он выглядел больным. Кожа приобрела неприятный желтоватый оттенок, глаза стали водянистыми и налились кровью. Кажется, что он не спал с нашей последней встречи.

От свойственной ему элегантности не осталось и следа, и он грузно сел за стол. Шоу указал мне на стул, и я заметила небольшую дрожь в руке, на которую раньше не обращала внимания.

— Что привело вас в такую рань? Смею ли я питать надежду, что вы лучше разглядели свою тень? — Его улыбка была почти страдальческой, словно он изо всех сил старался проявить хоть крупицу своего обычного радушия.

— Нет, вообще-то я здесь по другой причине. Из-за события... иного рода.

Свет упал на него под резким углом, обнажая кожу, плотно обтянувшую кость. Казалось, я беседовала с трупом. Затем Шоу сдвинулся в кресле, и иллюзия, к счастью, исчезла.

Я прочистила горло, спрашивая себя, не совершила ли я ошибку придя сюда. Он был явно расстроен и озадачен, но я не могла просто встать и уйти без объяснений.

Доктор Шоу не сводил с меня безжизненных глаз, ожидая дальнейшего объяснения.

Я снова откашлялась.

— Мне любопытно, может ли такое быть, чтобы один человек бессознательно высасывал энергию у другого. Я говорю не об эмоциях, а о жизненных силах.

— Не уверен, что между ними можно провести черту. В конце концов, эмоциональное состояние сильно зависит от физического здоровья и наоборот.

— Конечно.

— Но кажется, я понял, о чём именно вы спрашиваете, и мой ответ... это возможно. Вам знакомо понятие энергетический вампир?

— Наслышана.

— В отношении энергетических вампиров сложилось две точки зрения. Первая, это паранормальная сущность в человеке, которая питается психической энергией других людей. Вторая, это социальный паразитизм. Люди с различными расстройствами личности, либо лица, находящиеся в эмоционально или духовно ослабленном состоянии, могут воздействовать на других, оставляя их физически и эмоционально истощёнными, или даже приводя в состояние тяжёлой депрессии.

Я подумала о рассказе Итана про эмоциональное состояние Девлина после автокатастрофы и слухах, что он лежал в какой-то лечебнице. Если он эмоционально и физически истощён из-за горя и призраков, то, возможно, подсознательно ищет способ восполнить энергию?

— Как это остановить?

— Простейший и самый эффективный способ — полностью избегать таких людей. Вычеркнуть их из своей жизни.

Он рубанул воздух рукой.

— А если это невозможно?..

— Можете попробовать противостоять им, хотя я не уверен, что из этого получится что-то хорошее. Так вышло, что... — Он впился в меня взглядом, и налитые кровью глаза чуть ли не засияли красным. — Я оказался в подобной ситуации.

— Вас преследует энергетический вампир? — удивилась я.

— Хуже. У меня забирают не энергию... а работу всей моей жизни.

— Кто-то вас обворовывает?

Он беспомощно развёл руками.

— Все записи, исследования множества лет... меня высасывали столь медленно, что я ничего не замечал, пока не стало слишком поздно. Теперь они получили всё, что нужно.

Я быстро перевела дыхание, испугавшись ноток страха в его голосе.

— О чём вы?

Он несколько минут собирался с духом.

— Боюсь, что убийца той девушки находится среди нас. Проницательный, хитроумный и незаметный. Тот, на кого никогда не подумаешь...

Рука потянулась к жилке на шее, пульсирующей до боли.

— Вы утверждаете, что знаете кто убийца?

Казалось, он только сейчас понял, что сказал, и равнодушно махнул рукой, на которой носил кольцо. Отблеск серебряной эмблемы попал мне в глаза. Я её уже где-то видела. Точно видела... но где?

— Это всего лишь предположения. Всё, что я знаю об этом деле, я вычитал из газет.

Верится с трудом.

— Вы делились своими подозрениями с Итаном? Обсуждали с ним пропажу бумаг?

— Итан? Нет, я не обсуждаю с сыном подобное, — произнёс он со странной запинкой в голосе. Он развернулся в кресле и задумчиво посмотрел на сад.

Я молча удалилась.

***

Девлин оставил мне сообщение на голосовой почте. Я должна была встретить его в «Дубовой роще», чтобы вместе обойти кладбище. По пути я заскочила в Эмерсонскую библиотеку, чтобы быстро проверить архивы.

Идя скорым шагом по живописному кампусу, я всё время оглядывалась через плечо, а в ушах так и звенели таинственные предупреждения доктора Шоу, что убийцей может быть среди нас, но мы на него совсем не думаем. Даже эхо моих шагов по каменной лестнице, ведущей в подвал, словно предвещало беду.

Я провела достаточно много времени в архивах, чтобы точно знать, где хранятся файлы и записи о «Дубовой роще». Заявление доктора Шоу, что его бумаги были украдены, заставило меня ещё раз задуматься о церковной книге, которую я никак не могла разыскать.

Я опустила на колени и стала водить пальцем по этикеткам на ящиках, как на меня упала тень. Я так перепугалась, что качнулась на цыпочках и чуть не потеряла равновесие.

— С вами всё в порядке? — с тревогой спросил Даниэль Микин. — Я не хотел вас напугать. Мне показалось, что вы слышали мои шаги.

Я ничего не слышала.

Он опустился на колени рядом со мной и упёрся левой рукой в коробку, чтобы удержать равновесие. Рукав задрался над запястьем, и я увидела шрам. Но это был не просто шрам. А ряд рубцов, тянувшихся один за другим. Это была не попытка суицида, а множество попыток.

Я быстро отвела взгляд. Свет в подвале горел тускло, и я понадеялась, что Микин не заметил, как у меня приоткрылись губы и округлились глаза от ужаса.

Через секунду Микин поменял позу и уронил руку. Рукав снова скрыл шрам.

— До сих пор ищите тех неизвестных с безымянных могил? — поинтересовался он.

— Да. Я не теряю надежды. Просмотрю ещё больше записей или найду пропавшую церковную книгу.

— Понимаю. Я просмотрел эти коробки, наверное, десятки раз, но всё равно пришёл сюда в надежде найти неуловимый кусочек сведений или совершить неожиданное открытие. Это как охота за сокровищами.

— Захватывает.

— Именно, — просиял Микин.

Он отвернулся и прошёлся взглядом поверх коробок.

— Какое совпадение, что я столкнулся с вами здесь сегодня утром. Я сам спустился поискать кое-какие записи по «Дубовой роще».

— Правда? Зачем?

— Утром со мной связался детектив. Похоже, у него есть ко мне исторические вопросы касательно кладбища. Он мало что объяснил, только сказал, что хочет зайти ко мне сегодня днём, но он обронил одну подсказку, которая меня заинтриговала. Он спросил, были ли на этом земельном участке иные постройки помимо старой церкви.

— И они были?

— Нет... мне ничего об этом неизвестно.

Я почувствовала его замешательство.

— Вы бы наверняка знали, ведь так? Вы же сами сказали, что всё здесь просмотрели бесчисленное количество раз.

— Да, но записи неполные. Как я уже говорил, во время и после войны было уничтожено множество бумаг.

— Как думаете, могут ли здесь находиться записи, о существовании которых никто не подозревает?

— Не могу сказать ничего конкретного. Но я всегда предполагал, что Эмерсон построен на месте старой плантации Бедфордов. Первоначальная постройка сгорела в конце восемнадцатого века, и я был уверен, что здание отстроили поверх старого места. Но теперь, когда детектив Девлин поставил вопрос о «Дубовой роще», я задумался, а не может ли кладбище располагаться на месте плантации.

— Вам ничего не попадалось в официальных документах?

— Нет, только если их умышленно не изъяли.

Я подняла взгляд.

— Зачем кому-то это делать?

Он нервно оглянулся через плечо.

— Чтобы защитить то, что детектив Девлин обнаружил на кладбище.

У меня ухнуло сердце.

— Вы хотите сказать, что кто-то зачищает государственные записи, церковные книги и университетские архивы...

— Если у тебя достаточно денег или влияния, ты можешь заставить исчезнуть всё что угодно, — тихо ответил Микин.

— Это очень интересное замечание.

Он бросил ещё один взгляд украдкой и чуть наклонился ко мне.

— После нашего разговора в тот день я провёл исследования насчёт «Ордена гроба и когтя». Поговаривали, что общество было связано с «Дубовой рощей» задолго до убийства Эфтон Делакур.

— Думаете, кто-то из ордена уничтожил записи?

— Возможно, этот кто-то действовал не один. Я не знаю. Это чистой воды догадки, но... я нашёл кое-что, что может вас заинтересовать.

— И?

— Вы хотели знать, могли ли вы столкнуться с их символами на старых надгробиях. Это всё, что мне удалось связать с орденом.

Он достал из кармана лист бумаги, разгладил и положил на пол передо мной.

Змея, свернувшаяся вокруг когтя.

Я пялилась на рисунок, боясь поднять голову, потому что прекрасно понимала, что мой взгляд выдаст меня с головой.

Именно этот символ был изображён на кольце доктора Шоу, и теперь я вспомнила, где именно видела его ранее.

На медальоне Джона Девлина.

Глава 31

Меня бросило в дрожь от подобного открытия. Девлин — член «Ордена гроба и когтя», тайного общества, вовлеченного в убийство Эфтон Делакур.

Не то чтобы я на секунду поверила, что он лично ее убил.

Но это всколыхнуло воспоминание о подслушанном разговоре между Девлином и Камиллой Эшби. Она была твердо убеждена, что обнаружение трупа Ханны Фишер на «Дубовой роще» не связано с Эмерсоном и первым убийством. Она ожидала, что Девлин утаит любую возможную связь с университетом, потому что он член ордена?

Только сливки Эмерсона, представители самых почтенных семейств города, как Девлин, обладали правом членства по крови. Пока он учился в Эмерсоне, орден имел все основания полагать, что он когда-нибудь станет первым лицом могущественной юридической компании своей семьи. Без всякого сомнения, со столь славными традициями Девлинов в чарльстонских кругах он был обязан состоять в ордене. Неудивительно, почему он сказал, что они его не тронут. Он один из них.

В «Дубовой роще» у меня не было возможности открыто с ним поговорить. Слишком много народа. Кладбище и мавзолей заполнили полицейские. Девлин сам большую часть утра провел в туннелях. Я в одиночестве обошла кладбище, пытаюсь найти свежие следы вскопанной земли, потревоженных могил, улик, скрытых в изображениях и эпитафиях. Как и доктор Шоу, я понятия не имела о предмете своих поисков, но у меня было такое чувство, что, увидев его, я сразу пойму — вот оно. По крайней мере, я на это надеялась.

К полудню я была вся в испарине. Солнце палило над самой головой, а я по-прежнему не пришла в себя после вчерашней встречи с Девлином. На мне был мой обычный кладбищенский наряд: кроссовки, топ и брюки карго. Штаны с широкими карманами идеально подходили для хранения инструментов, но они едва ли выглядели женственно. Волосы прилипли к коже. Я не нанесла макияж или солнцезащитный крем — досадная оплошность, так как щёки уже «подгорали».

Девлин же вышел из туннелей посвежевшим, собранным — подозрительно здоровым — и направился в мою сторону. С другой стороны вышел Итан Шоу, и их пути сошлись прямо передо мной. В отличие от Девлина Итан выглядел немного потрепанным после вылазки в туннель. Он смахивал пыль и паутину с рукавов.

Эти мужчины не могли быть более различны между собой: Девлин — с волосами цвета вороньего крыла, пронзительным взглядом и задумчивой манерой поведения, и Итан — с выгоревшими на солнце прядками, непринуждённой улыбкой и карими глазами с золотыми крапинками.

«День и ночь», — подумала я, и отчего-то мне стало неуютно от этого сравнения.

— Я собираюсь вернуться в лабораторию, — сказал Итан. — Но, если найдётся минута, я хотел бы поговорить о вчерашних эксгумированных останках.

Мне стало неловко. Я не знала, стоило ли мне отойти в сторону и оставить их наедине или остаться и послушать, что сообщит Итан.

Однако моё присутствие никого не смутило, поэтому я решила остаться.

— Это белая женщина, лет двадцати. Пяти футов девяти дюймов роста, вес — сто двадцать^[31]. Плюс-минус.

— Время смерти?

— От пяти до десяти лет. Я больше склоняюсь к десяти.

Девлин нахмурился:

— Она долго пролежала в земле.

— Обычно идентификация при таких обстоятельствах проходит намного сложнее, но у нас множество зубов и обширных предсмертных травм.

— Интервал до смерти?

— Несколько месяцев. Треснувшие рёбра и ключица, перелом позвонков, таза и правой бедренной кости. По моим предположениям, она попала в страшную аварию, вероятно, автокатастрофу. Она шла на поправку, но могу представить, как она страдала от постоянных болей. Впереди её ждали месяцы, если не годы, физиотерапии.

— Это значительно сужает круг поисков.

— Мы уже загрузили её в систему. Остальное — вопрос времени.

У Девлина зазвонил мобильный, и он отошёл в сторону, пока я подводила подсчёты в голове. Эфтон Делакур убита пятнадцать лет назад. Выкопанные вчера останки пролежали в земле от пяти до десяти лет. Ханна Фишер мертва несколько дней. Я задумалась: либо у нас выходит иная схема убийств, либо мы попросту не нашли все тела.

— С вами всё в порядке? — спросил Итан, прерывая мои размышления.

— Просто немного устала.

Он внимательно меня рассмотрел.

— Вы немного покраснелись. Уверены, что не переутомились?

— Нет. Я в порядке. А почему вы спрашиваете?

— Я слышал, что именно вы с Девлином обнаружили тайную комнату и туннели. И скелет, — мрачно добавил он. — Это не могло не сказаться на нервах.

— Это был немного травмирующий опыт, — призналась я.

— Вы хоть поспали прошлой ночью?

Я подумала о том, как Девлин мирно дремал в моём кабинете, пока я лежала полностью одетой в постели, уставившись в потолок и мучаясь.

— Немного.

— Но вы всё равно приехали. Я вижу как минимум полдюжины полицейских, слоняющихся без дела. Они могли бы обойти это кладбище за вас.

— Я знаю местность и что искать, вроде как.

Он пожал плечами.

— Хорошо. Но если вам нужен перерыв — отдохните. Джон себя не щадит, но это не значит, что вы тоже должны надрываться.

Я обернулась через плечо. Девлин скрылся на одной из дорожек и был вне зоны слышимости.

— Вы давно его знаете?

— Да. Он может казаться немного молчаливым временами, но он не всегда был таким. Катастрофа его изменила. Я не верю, что он сможет когда-нибудь оправиться.

— Я понимаю. Он потерял семью.

Итан тяжело вздохнул.

— Дело не в горе. Его снедает чувство вины.

Я обеспокоенно обернулась.

— Нам не стоит об этом говорить.

— Ошибаетесь, Амелия. Вам нужно это услышать.

— Он может вернуться.

Итан повернулся лицом к дорожке.

— Так он не застанет нас врасплох.

— И всё равно мне неловко.

— Мне тоже. Что бы ни происходило между вами и Джоном, это не моё дело. Вы взрослые люди, и, возможно, мне не стоит лезть в ваши отношения. Но вы кажетесь хорошим человеком, а Джон мне как брат.

Я поражённо уставилась на Итана.

— Я и представить не могла, что вы так дружны.

— Больше нет, — ответил Итан. — После смерти жены и дочери он вычеркнул большинство друзей из своей жизни. Мне кажется, он хотел избавиться от любых напоминаний. Но раньше я, он и Мариама были неразлучны. Я был крёстным отцом Шани.

— Я... не знала. Мне так жаль.

Он кивнул, взгляд стал мрачным.

— Я был с Джоном, когда ему сообщили об автокатастрофе. Ранее тем днём я был у них дома. Мариама планировала устроить барбекю. Она ждала его всю неделю, но Джона резко вызвали на работу. Они грызлись весь день, но телефонный звонок стал спусковым крючком.

— Для чего?

Итан заколебался.

— Мариама была страстной, импульсивной женщиной. Её непредсказуемость была частью её очарования, и, думаю, именно поэтому Джон так сильно в неё влюбился. Она так отличалась от него. Но при этом она могла быть ревнивой, мстительной и эгоистичной, даже если речь шла о его карьере. Она знала, за какие ниточки нужно дёрнуть, как задеть Джона, и получала от этого удовольствие. Мариама кое-что сказала в тот день, кое-что неприятное. Она прекрасно понимала, что это выведет его из себя.

— Они поссорились?

Итан провёл рукой по волосам и отвёл взгляд.

— Да. Сцена вышла откровенно некрасивой. Никакого рукоприкладства, конечно, только сказанные в гневе слова, которых не забрать. Хуже всего, Шани всё слышала. До сих пор помню, как она вцепилась в брючину Джона, чтобы привлечь его внимание. Думаю, она пыталась его успокоить, но он был слишком зол... слишком увлечён спором в тот момент, чтобы заметить. Он выбежал из дома и уехал, а Шани встала у окна и помахала ему на прощание. Это был последний раз, когда он видел её живой.

Я подумала о том, как маленький призрак теперь цепляется за ноги Девлина, и мне захотелось расплакаться.

— Вообразить даже не могу, — тихо ответила я.

— Кто может? Уверен, Джон жизнь готов отдать, лишь бы вернуться в тот момент. Если бы он только мог обнять Шани в последний раз...

Я не могла больше этого выдержать. Мне не хотелось, чтобы Итан продолжал, но я увязла слишком глубоко. Придётся слушать до конца.

— После работы он позвонил мне, и мы пошли пропустить по стаканчику. Ему нужно было выговориться. И вдруг стала названивать Мариама. Он увидел её имя на дисплее и проигнорировал. Позже он узнал, что она пыталась дозвониться до него спустя несколько секунд после вызова 911. Её машина слетела с моста, она не смогла выбраться из салона. Оказалась запертой в тонущей машине вместе с Шани. Возможно, Мариама знала, что помощь не успеет. Возможно, она позвонила, чтобы дать Джону шанс попрощаться. А он не взял трубку.

Я обняла себя руками, пытаюсь унять дрожь.

— Вот с чем он живёт. Эта вина всегда с ним. Боюсь, в его жизни не осталось места для чего-либо ещё.

— Для меня, вы хотите сказать.

У Итана потеплел взгляд.

— Я решил, что вам стоит это знать.

***

Рассказ Итана очень сильно меня расстроил, и остаток дня я избегала Девлина. Я просто не могла посмотреть ему в глаза. Не после такого. Я не могла представить, через что он прошёл. Не хотела представлять. И все же печаль в его глазах, отпечатавшаяся на лице скорбь и не отпускающие его призраки говорили о многом.

Вернувшись домой, я решила, что ради моего психического здоровья мне лучше для разнообразия погрузиться в обыденность: заняться стиркой и сходить за продуктами. Возвратившись из магазина, я приготовила себе стакан чая со льдом и отнесла его во дворик, где могла посидеть и отдохнуть в саду.

Ипомея уже давно увяла, но открылись розовые бутоны ночной красавицы, и вокруг неё кружили пчёлы и колибри. Я побродила по краю сада, посидела минуту на качелях, где видела призрак Шани, и наклонилась рассмотреть маленький холмик, где закопала её кольцо. Я не знала, что ожидала найти, но земля и сложенное мною сердечко были нетронуты.

Визит Мариамы беспокоил меня сильнее, чем посещение Шани, но я выкинула из головы образ призрачных глаз, впившихся в меня сквозь тьму, и попыталась сосредоточиться на славном аромате пионов.

Стоило мне наклониться сорвать один из цветков, как я заметила, что боковая дверь в подвал приоткрыта.

Странно.

Эта дверь всегда была заперта, хотя в подвале не хранилось ничего ценного. Внутреннюю дверь в подвал закрыли на засов вместе с дверью в холл, когда дом разделили на две квартиры.

Мысль, что кто-то пробрался в подвал, даже среди бела дня, напугала меня до полусмерти, особенно в свете последних событий. Я оставила телефон внутри. Нужно было зайти в дом, чтобы вызвать полицию, но мне не хотелось предпринимать поспешных действий. Вполне возможно, что замок не был заперт, и дверь распахнуло ветром.

Я подошла достаточно близко, чтобы разглядеть ступеньки. В подвале горел свет и раздавался глухой стук, сопровождаемый тяжёлыми ударами, словно кто-то передвигал коробки.

Дверь открылась, и я отступила обратно в сад.

По лестнице поднялся Мейкон Доуз с чёрным чемоданом в руке. Увидев меня во дворе, он остановился и помахал рукой.

— Привет.

— Привет. — Я прижала ладонь к груди. — Вы меня до смерти напугали. Я уж подумала, что кто-то залез в дом.

— Никакого вора, я просто искал вот это. — Он поднял чемодан. — Простите, что напугал. Наверное, вы не ожидали увидеть меня в такое время суток. Или в любое другое. За последние несколько недель я превратился в фантом.

— Плотный график на работе?

— Убийственный, — поморщился он. — Я только что отработал трое суток.

— И как вы ещё держитесь на ногах?

— Кофеин и отчаяние. Я накопил слишком много долгов, чтобы теперь отступить.

Я указала подбородком на чемодан:

— Собираетесь в путешествие?

— Да. Мне дали двухнедельный отпуск, и мой приятель разрешил мне пожить в домике его родных на острове Салливан. Буду жить по графику «поспали, поели, попили и снова поспали».

— Похоже, это именно то, что вам нужно.

Разговор не клеился, так как мы едва знали друг друга. Я всегда находила Мейкона Доуза немного пугающим, хотя понятия не имела почему. Я почти ничего о нём не знала, кроме того, что это трудолюбивый студент-медик и тихий сосед. Фантом, как он и сказал.

— Вы не могли бы присмотреть за квартирой в моё отсутствие? Не то чтобы я жду проблем, — добавил он с улыбкой. — Квартал у нас убийственно спокойный.

— Конечно. Без проблем.

— Спасибо. Напомните мне потом проставиться.

Он вышел на улицу, а я осталась обдумывать последний поворот событий. Пропустить стаканчик с Мейконом Доузом?

Возможно, вселенная подаёт мне сигнал.

***

К девяти тридцати тарелки были перемыты, одежда переглажена, мебель вытерта, полы подметены, а ночь всё равно простиралась передо мной, подобно бесконечным тоннелям «Дубовой роши».

Одиночество было мне давним другом, но сегодня наш союз оказался непрочен. Я не хотела оставаться одна, но мне некому было позвонить. Темпл — моя самая близкая подруга, но мы скорее начальник-подчинённая. Не считая случайных обмолвок в ресторане или баре, я почти ничего не знала о её личной жизни.

Мне двадцать семь, но у меня никогда не было лучшей подруги, доверенного лица или любимого мужчины. С девяти лет я была отрезана от живых гулявшими по миру призраками. С той первой встречи моя жизнь изменилась навсегда. Как и отец, я научилась жить с этой тайной и принять одиночество, но в такие ночи, как эта, я спрашивала себя, а не поджидает ли безумие не только по ту сторону завесы.

Но одиночество, с которым мне приходилось жить, не шло ни в какое сравнение с отчаянием, с которым Девлину приходится сталкиваться всякий раз, когда он возвращается в свой пустой дом. Мне не хотелось заикливаться на его трагедии или моей участи, или почему судьба оказалась так жестока, что привела в мою жизнь мужчину, который будет до конца своих дней оплакивать другую. С самого начала было болезненно ясно, что Девлин не создан для меня, и все же я не могла представить себя с кем-то другим.

Я бродила по дому словно призрак, плыла из комнаты в комнату в бесконечном поиске. Я приказала себе не включать компьютер. Нужно отвлечься. В последнее время я стала всё больше и больше полагаться на компанию безликих безымянных незнакомцев. Но через полчаса я уже сидела на кровати с ноутбуком на коленях. Открыла блог и просмотрела комментарии. Кто-то опубликовал новую эпитафию час назад:

Мирная жизнь, безмятежная смерть.

Спи, дорогая.

Спасён наш секрет.

Я была уверена, что это строчки из старинного стихотворения, но сегодня я уже видела их высеченными на камне в «Дубовой роще».

Дрожащей рукой я взяла телефон и набрала Девлина.

Глава 32

Поздний час, на кладбище тихо. Армия копов покинула туннели и дорожки, оставив у ворот двух часовых. Они последовали за нами, и я повела их по мрачному лабиринту надгробных плит и памятников к северной стороне кладбища, где в лунном свете блестели семь могил со съёмной крышкой.

Направив фонарик на центральную могилу, я внимательно рассмотрела эпитафию и образы, вырезанные на крышке. Имя, год рождения и смерти, тюльпан — символ любви и страсти — и бабочка, освобождённая душа.

— Он освобождает их, — тихо произнесла я.

Девлин поднял голову и уставился на меня с противоположной стороны могилы.

— Символика везде одинаковая: перо, окрылённая душа и теперь бабочка. Улетевшая душа. Но он не просто выпускает их души: он освобождает их от земных оков. — Я опустила взгляд на надгробие. — Мама Ханны Фишер говорила, что её дочь — жертва насилия, начиная с отца. Она держала личность своего последнего бойфренда в секрете, потому что знала: мать попытается её спасти. Помните эпитафию на надгробии, где её похоронили? «Над её безмолвной могилой под луной скорбят звёзды ночные. Не мертва, лишь в забвение ушла, ибо душа не была спасена».

Девлин молча на меня посмотрел.

— Насчёт эксгумированных останков... Итан сказал, что перед смертью она попала в ужасную аварию. Её травмы были настолько серьёзными, что она, скорее всего, страдала от постоянной боли и её ждали месяцы, если не годы, физиотерапии. «Спал розы нежный цвет, она ушла от земных бед. И ныне покоится здесь». Земные беды. Физическая боль. И теперь вот это.

Мы вчетвером уставились на могилу. Мы с Девлином встали по бокам от неё, а двое полицейских — по концам.

Я зачитала эпитафию вслух.

— Мирная жизнь, безмятежная смерть. Спи, дорогая. Спасён наш секрет.

— Чёрт, жуть какая, — пробормотал один из полицейских.

Я сделала глубокий вдох, не сводя взгляда с символа.

— Нужно сдвинуть крышку.

— Нам понадобится судебный ордер? — нервно спросил второй полицейский.

— Подобные гробницы были построены для того, чтобы обмануть расхитителей могил.

Тела, по меньшей мере первое, было предано земле и глубоко захоронено. Мы не повредим останки, сняв крышку.

— Я возьму ответственность на себя, — сказал Девлин, и мне показалось, что я заметила отблеск его серебряного медальона в лунном свете. — Поднимайте.

Стоило крышке подняться на несколько дюймов, как почувствовался жуткий запах. Я подавила рвотный рефлекс и заткнула рубашкой нос и рот. Полицейские застонали от веса крышки и запаха гниения.

— Ещё немного, — приказал Девлин, опускаясь на колени и светя внутрь фонариком. Он прижал тыльную сторону ладони ко рту и носу. — Боже.

Как только крышка медленно вышла из выступов, я увидела бескровное лицо, лежащего внутри человека. Это была Камилла Эшби.

***

Калейдоскоп полицейских огней окрасил ночь, пока Девлин проводил меня обратно к моей машине. Он сказал, что отправит со мной человека и убедится, чтобы мой дом находился под наблюдением всю ночь. Я поблагодарила его, и мы молча продолжили идти.

Похоже вся чарльстонская полиция собралась на «Дубовой роще». Мы встретились как минимум с полудюжиной полицейских, пока продирались сквозь бурьян. Как только мы вышли на дорогу, подъехал коронерский фургон Чарльстонского округа, и из машины вышла Регина Спаркс. Она прошла мимо нас в темноте.

— Что теперь будет?

Очередные поиски, а значит ещё больше могил и гробниц, вероятно, будут осквернены. Мне была ненавистна сама мысль о массовом осквернении, но святость «Дубовой рощи» была давно запятнана. Зло притаилось на этом кладбище давным-давно.

— Почему у меня такое ужасное чувство, что к концу расследования от этого места и камня не останется?

— Мы сделаем всё возможное, чтобы сохранить могилы, — ответил Девлин. — Скорее всего, мы найдём ещё больше тел.

Больше тел. Больше эпитафий. Меня переполнял чистый ужас.

Девлин задумчиво на меня посмотрел.

— Вам не стоит завтра приезжать. Отправляйтесь домой и отдохните. Отвлечитесь хоть ненадолго.

— Отвлекься? Разве это возможно? Убийца общается через меня. Если он опубликует очередную эпитафию в моём блоге, то я просто должна её проигнорировать?

— Конечно нет. Позвоните мне. Но только мне одному и никому больше.

От блеска его глаз в лунном свете меня бросило в дрожь. Я не видела серебряной цепочки на его шее, но я знала, что она висит там вместе с медальоном. Символ, который защищал его и ставил над законом, по крайней мере в Чарльстоне.

— Это грязное дело. В нём замешано много политики и перекладывания вины на других. Со смертью Камиллы станет только хуже. Её люди имеют большое влияние. Они захотят знать ответы.

— Хорошо. Может, нам на этот раз дело не замнут.

— Всё не так просто. Я говорил, что в ходе расследования заинтересованы самые высокие круги. Вы не захотите сталкиваться с этими людьми. Вы не захотите, чтобы они

знали ваше имя.

— Кто они?

— Серые кардиналы. Богатые и привилегированные. Люди, которые правят этим городом.

«Включая вас?», — чуть не сорвалось у меня с языка.

Во рту внезапно пересохло.

— Они же не попытаются втянуть меня?

— Этого не будет, — произнёс он с предельной серьёзностью. — Но пока вам нужно залечь на дно. Отстраниться.

Мне хотелось поинтересоваться, как же мне отстраниться от всего, если я знаю, что за следующим углом меня может поджидать чёрный «седан». Но потом я подумала, а вдруг он говорит не о расследовании. Может быть, он имел в виду то, что я должно держаться подальше... от него.

— Если вы этого хотите.

— Это не значит, что я не ценю вашу помощь.

Он наклонился, чтобы открыть для меня дверцу.

Его близость творила со мной нечто невероятное. Я не ослабла, как в прошлый раз, когда он спал в моём доме. Это было нечто другое. Более тонкий обмен энергиями. Я придвинулась, пока не почувствовала одеколон и яркий аромат самого Девлина.

«Феромоны», — сказала бы Регина Спаркс. Чтобы это ни было, я не могла сопротивляться.

А я ведь только что покинула могилу Камиллы Эшби. О чём это говорит? О моём самоконтроле?

Девлин втянул воздух. Мне показалось, что он слегка напрягся, и я задумалась, что это говорит о его самоконтроле.

— Иди домой, Амелия. Отдыхай.

Мне очень понравился звук моего имени на его губах. Протяжно, но не слишком. Мне хотелось, чтобы он произнёс его ещё раз, шёпотом, прямо на ухо.

Я закрыла глаза и предалась этой фантазии.

— Звоните, если нужно.

Я почувствовала его дыхание в своих волосах, и меня охватил лёгкий трепет. Я подняла лицо и утонула в его глазах.

— Доброй ночи... Амелия.

Не шёпотом и не на ушко, но чертовски близко.

Я выдохнула:

— Доброй ночи.

И лишь уехав с кладбища, я кое-что сообразила. А куда делись его призраки?

Глава 33

Могли ли они попросту исчезнуть?

Я размышляла над этим всю обратную дорогу до дома. У меня никогда не было знакомых, которых преследовали призраки, — хотя я видела множество незнакомцев с призрачным «хвостом» — поэтому я понятия не имела, можно ли от них освободиться. Папа́ всегда говорил, что как только дух к кому-то прицепится, то жизнь человека больше никогда

не будет ему принадлежать. Но мне всегда казалось, что призрак мог двигаться дальше, возможно, найти нового хозяина или даже уйти в мир иной.

Если вина Девлина удерживает Мариаму и Шани подле него, что будет, если это чувство ослабнет? Если он решится отпустить прошлое?

Я вспомнила слова Эсси. Придёт день, когда Девлин сделает выбор между миром живых и мёртвых. А если он уже сделал этот выбор?

Хотя, возможно, мне просто хотелось так думать.

Я попыталась выбросить эти мысли из головы, сказала себе, что не стоит заикливаться. Убита Камилла Эшби, и её убийца привёл меня к той могиле. По какой-то причине он решил общаться через меня, и мысль, что я стала посредником у сумасшедшего, пугала.

Девлин дал чётко понять, что больше не хочет втягивать меня в расследование, но у убийцы могло сложиться иное мнение на этот счёт. Я полностью ушла в раздумья, когда в дверь позвонили. Поражённо выглянула в боковое окно и увидела Девлина на крыльце. Мне казалось, он будет занят на кладбище следующие несколько часов.

Я повела его в кабинет, так как не знала, куда еще деться. Как и я, он принял душ и переоделся после нашего расставания в «Дубовой роще», без сомнения, пытаюсь избавиться от гнилостного запаха разложения, забившегося в ноздри. Девлин прошёл за мной сквозь тёмный дом, и я почувствовала свежий аромат мятного мыла и пикантные нотки одеколора. Я сделала глубокий вдох.

Мы заняли привычные места: я плюхнулась за стол, он сел на кушетку. Я видела, что у него что-то на уме, но он, казалось, не спешил делиться своими мыслями. Так как у меня выработалось отвращение к долгому молчанию в его присутствии, не придумав иной темы, я задала вопрос про Камиллу.

— Можете рассказать про её ранения?

— Её закололи, но раны отличаются от остальных. Это было быстрое убийство. Никакой странгуляционной борозды. Судя по порезам на руках, она отчаянно сопротивлялась.

— Почему он не повесил её как остальных?

— Возможно, ему помешали или не хватило времени. А может, он играет с нами. Он установил схему и умышленно её нарушил. Эфтон Делакур была убита пятнадцать лет назад. Мы нашли останки пяти или десятилетней давности. И теперь два убийства за несколько дней.

— И скелет в склепе с кандалами на запястьях, — напомнила я.

— Точно. — Девлин провел рукой по волосам. — Этот парень начинает меня бесить.

Я разделяла его раздражение.

— Мне интересно, как он достал Камиллу. Последний раз я видела её в университетском архиве.

— Лучший способ определить время смерти — найти человека, который последним видел её живой. Возможно, это были вы. — Он выглядел изнеможённым в свете лампы. — Камилла была мертва по меньшей мере двадцать четыре часа с момента обнаружения. Точное время установим после вскрытия.

— Я помню кое-что любопытное про тот день, когда мы видели её в «Дубовой роще». Она получила смс и резко ушла. Возможно, это было сообщение от убийцы. Если вы найдете её телефон, то сможете определить отправителя.

— Нам не нужен телефон. Мы можем проверить запись входящих сообщений.

— Конечно, вы об этом уже подумали, — пробормотала я.

— Но я не подумал о смысле эпитафий. О символах. После того, как вы объяснили образ освобожденной души, это кажется очевидным. Он подобрал для каждой жертвы свое стихотворение. Это всецело ваша заслуга.

— Но я не знаю, куда приведет эта зацепка.

— Она сильно поможет. Эпитафии и символы одинаково важны в раскрытии его мотивов.

— А у него есть мотив? То приспособление в склепе и пытки... — Я задрожала. — Мне кажется, он убивает для удовольствия.

— Не думаю, что это убийца-гедонист, но, безусловно, он получает определенное удовольствие от убийств. Беря во внимание символы и эпитафии, я думаю, что он, скорее всего, считает себя освободителем или ангелом милосердия, устраняя последствия причиненного, по его мнению, зла.

— Разве обычно не женщины убивают из милосердия?

— Обычно, но не всегда. И это не объясняет, почему он убил Камиллу.

— Вы знали, что она лесбиянка?

Он пожал плечами.

— Этому слуху уже много лет, но я никогда не брал его во внимание.

— По словам Темпл, Камилла никогда в этом не признавалась, потому что её сексуальная ориентация вызвала бы массу проблем с Эмерсоном и родными.

Девлин одарил меня задумчивым взглядом.

— Это ваше предположение? Думаете, её убила любовница?

— Эпитафия кажется очень личной. «Мирная жизнь, безмятежная смерть. Спи, дорогая. Спасен наш секрет».

У нас с Камиллой были свои минутки счастья.

Не это ли сказала Темпл о своей интрижке с Эшби?

— Но эпитафия написана не для Камиллы, — напомнил Девлин. — Этой могиле более полутора века. Сомневаюсь, что убийца каким-то образом узнал о личной жизни Камиллы. Он мог выбрать эпитафию из-за её двойного смысла. Может быть, он считал, что смерть Камиллы освободит её от бремени тайны.

— Вы похоже убеждены, что убийца мужчина.

— Как я уже говорил, большинство убийц-хищников — мужчины. То, что он нашел оправдания своим действиям, ещё не означает, что он не выслеживает своих жертв.

В голове пронеслись мрачные образы.

— Как нам узнать, кто станет его следующей жертвой?

— Мы попытаемся установить связь между убийствами. Чем больше временной промежуток, тем сложнее установить связь, так что логичней всего начать с последних жертв: Камиллы и Ханна Фишер.

Я повертела скрепку, не зная, хочу ли я озвучивать свое ужасное подозрение.

— Как думаете, Камилла могла быть в тех туннелях, когда мы там ходили? — Я подняла взгляд. — Мы никогда не узнаем, куда улетали мухи.

Судя по выражению его лица, он подумал о том же самом.

— Мы оцепили кладбище и туннели менее чем за час. Он никак не мог вытащить её оттуда и бросить в могилу незамеченным.

— Если только нет туннеля, который мы ещё не нашли. К примеру, вход в другой мавзолей. Он подождал, пока все ушли, и затем её вынес. Охранники у ворот могли не увидеть убийцу, если он уже был на кладбище.

— Даже если он смог в одиночку донести тело до могилы, он не смог бы поднять крышку.

— Ему бы в любом случае понадобилась помощь?

— Не обязательно. Он разбирается в блоках. При достаточном количестве времени он мог поднять крышку с помощью веревки и ветки дерева.

— Но стул в гробнице...

— Да, — тихо произнес он. — Стул.

Участие двух убийц — один из них вуайерист — было слишком тяжело принять. Я резко встала.

— Я заварю чай.

Словно ромашка или дарджилинг^[32] могли избавить от чудовищных образов, рожденных в ходе нашего разговора.

Я неспеша поставила чайник, расставила чашки и заварила чай в пакетиках. Я все еще недоумевала, почему Девлин приехал сюда сегодня вечером, после того, как сам сказал, что мне нужно отдалиться от расследования и, возможно, от него. Просто стоило мне убедить себя, что он может быть прав... как он оказался на моем пороге. Сколько отцовских правил я нарушила, просто впустив его в дом?

Смела ли я надеяться, что это как-то связано с отсутствием его призраков?

Когда я наконец отнесла чай в кабинет, то ожидала найти его спящим на кушетке. Вместо этого он стоял у окна и вглядывался в ночь. Он так сильно ушел в себя, что мне не захотелось прерывать его раздумья, поэтому я поставила чай на стол и бесшумно подкралась встать рядом с ним.

Завеса тонких облаков, укрывших луну, постепенно развеялась и обнажила величие белого сада. Его еще называли лунным садом. Я была совершенно очарована, когда случайно увидела его в одну из ночей. Днем царствуют крупные и яркие цветы, но в свете луны серебристая листва предстает во всей красе. Давным-давно — до Девлина и убийств — я могла сидеть часами в одиночестве, закрыв глаза, и впитывать букет цветочных ароматов с такими же романтическими названиями, как и сам сад: сердцевец, незабудки, луноцвет, тимьян, белый олеандр.

Идеальное место для призраков Девлина, но сегодня сад был пуст. Даже тени не шевелились.

Девлин выглядел опустошенным и вымотанным, но, когда он повернулся ко мне, я увидела в его глазах проблеск, как мне показалось, тоски.

— Почему вы сегодня приехали? — тихо спросила я. — Ранее вы сказали, что мне нужно отдалиться от расследования.

— И я не передумал.

— Тогда зачем вы здесь?

— Я не мог устоять.

Его слова проникли в самое моё сердце, и впервые я поняла, что не одинока в своих чувствах. Его тянуло ко мне так же, как и меня к нему.

Знание того, что он нашел меня привлекательной, должно было придать мне веры, но вместо этого оно заставило меня чувствовать себя более уязвимой. Чего он ожидал от меня?

Я не экзотичная соблазнительница, а простой кладбищенский реставратор с мозолистыми ладонями и способностью видеть призраков.

Он протянул руку и провел костяшками пальцев по моей щеке.

— Но вы об этом даже не подозреваете?

Я на секунду закрыла глаза, наслаждаясь теплом его кожи.

— Мне много чего приходило в голову. Некоторые мысли вас бы удивили.

— Вы меня заинтриговали, — ответил он, и я увидела тень его улыбки в свете лампы.

Он провел рукой по моим волосам и намотал выбившийся локон на палец. — Вы всегда убираете волосы в хвост?

У меня перехватило дыхание от этого вопроса. Это было так неожиданно... так лично.

— Мне не хочется, чтобы волосы мешались во время работы.

— Сейчас вы не на работе.

У Мариамы были длинные роскошные локоны. Я представила, как её темные кудри разметались по спине в моём сне, и поёжилась. Поэтому Девлин хочет, чтобы я распустила волосы? Чтобы сравнить нас?

Я должна прекратить думать об этом, искать скрытый смысл в каждом его слове. Он пришел ко мне сегодня по доброй воле. Увидеть меня, а не дух мертвой жены.

— Мне нравится убирать их наверх. И это мои волосы.

— Ваши. В этом свете они сияют как чистое золото. А ещё они приятно пахнут.

— Как вы смогли учуять их отсюда?

— Вот так.

Он взял меня за руку и нежно притянул к себе. Я ни секунды не сопротивлялась, закрыла глаза и наклонила к нему лицо.

Я почувствовала его дрожь. Он тоже наклонил лицо, и наши губы соприкоснулись. Меня охватил поток энергии. Колени подогнулись, и Девлин привлек меня к себе. Я обвила его шею, и Девлин крепче меня поцеловал. Поцелуй продолжался и продолжался. Я никогда не испытывала ничего подобного. Между нами летели электрические искры. Энергия накатывала, как приливы и отливы океана, усиливая чувства, хотя и ослабляя решимость.

Я не хотела, чтобы этот поцелуй заканчивался, но я осталась без сил. Девлин буквально выпил мою энергию досуха.

Он резко отстранился, еле стоя на ногах.

— Я не знаю, что только что произошло.

— Что это значит? — произнесла я дрожащим голосом. Я сама еле стояла на ногах.

Он прижался к моему лбу.

— Странно, но с вами я иногда ощущаю их присутствие так сильно, что кажется, они рядом. И всё же... с вами я также чувствую, что они становятся всё дальше. Бессмыслица какая-то. Это как перетягивание каната в ваших снах.

Ему не нужно было объяснять. Я знала, что он говорит о призраках. Но для него они были лишь воспоминанием.

Он прижал меня к себе. Я прислонилась щекой к его груди и увидела сад.

Оказалось, что всё это время они были здесь или же Девлин призвал их обратно. Они выплыли из тени мерцающими фантомами.

Шани прошла прямо к качелям и стала тихонько раскачиваться. Мне показалась, что с её призрачных губ полилась неземная песнь.

Мариама смотрела на меня горящими глазами. Даже через окно я чувствовала силу её

взгляда — холодного, коварного и соблазнительного.

В комнату ворвалась стужа, хотя я находилась в теплых объятиях Девлина. Стекло покрылось тонкой сеткой инея. Я зачарованно смотрела, как появляется всё больше и больше ледяных кристаллов, слишком поздно осознав, что это трещит не мороз, а само стекло. Словно кто-то прислонил руку по другую сторону окна и вдавил. Вдавил, пытаюсь добраться до нас.

Даже услышав треск, я не успела вовремя среагировать. Я попыталась оттолкнуть Девлина, но он тут же схватил меня, словно не в силах отпустить. Словно он не мог пережить разлуки.

Я положила руки ему на грудь и оттолкнула с такой силой, что он оступися. Каким-то образом он успел схватить меня за руку и потянуть за собой в ту секунду, как над нами разлетелось стекло. Тысяча осколков впиалась мне в спину, когда я полетела на пол, падая прямо на Девлина.

Глава 34

Ветка мёртвого дерева отломилась и разбила моё окно, хотя ветра в ту ночь не было, а я увидела трещины на стекле ещё до того, как оно разлетелось вдребезги.

Но это было единственное логическое объяснение.

Этот жуткий инцидент, видимо, стал тревожным звоночком для Девлина. После того как он помог мне перетащить кусок фанеры из подвала и прибить его над дырой, он тут же ретировался. Почти две недели с той ночи я не видела Девлина и ничего не слышала о нём.

Я убеждала себя, что это к лучшему. Инцидент также стал предупреждением для меня, мрачным напоминанием о страшных последствиях нарушения отцовских правил. Нас с Девлином могло серьёзно ранить или даже убить летящими осколками. Я счастливица, что отделалась крошечными порезами на спине.

Время происшествия пугало, но, возможно, я даю Мариаме слишком много чести, думая, что она могла каким-то образом повлиять на упавшую ветку. Много лет наблюдая за призраками, я никогда не чувствовала физического проявления потусторонних сил, не считая гранатового колечка, которое Шани или же кто-то другой оставил в саду.

Но... это призрак Мариамы Гудуин Девлин. Женщины, которая много чего знала. Потустороннего. Дьявольского. Женщины, которая верила, что человеческая сила не исчезает после смерти и неуспокоенный дух, возмущённый насильственной смертью, может черпать силу из своего гнева, чтобы вмешиваться в мир живых. Даже поработить их.

После разговора с Эсси я была уверена, что дух Шани не может уйти, потому что не хочет оставлять отца. Но теперь стало ясно, что за этот мир цеплялась Мариама, оказавшись между дочерью и мужем, которого не хотела отпускать. Может быть, Темпл права. Между Девлином и Мариамой существует такая связь, словно ничто в этом мире: ни время, ни расстояние, ни даже сама смерть — не могло разлучить их.

В тот вечер, после ужина с Темпл, я вернулась домой и увидела сон о Девлине и Мариаме. В последние дни они снова мне снились. Видение всегда начиналось одинаково: Темпл упрашивала меня войти с ней в открытую дверь. За ней скрывался клубящийся туман, мерцающие свечи и первобытный стук барабанов, приводящий пару в бешеный ритм. А затем Мариама оглядывалась через плечо, и иногда у неё оказывались мои глаза.

Я не была одержима, но, боюсь, находилась на грани наваждения.

К счастью, вмешалась реальная жизнь. После отложенной на неопределённый срок реставрации «Дубовой рощи» финансовые обстоятельства требовали, чтобы я взялась за новый проект. Сколько бы я ни наслаждалась участием в расследовании — и да, я честно признаюсь в этом, — я не могла больше игнорировать свой тающий банковский счёт.

Я следила за новостями в интернете и прессе и узнала, что раскопанные останки из второй могилы были идентифицированы. Погибшую звали Джейн Райс, она работала хирургической медсестрой в МУЮК^[33]. Не замужем, жила одна и по отзывам окружающих была внимательной и заботливой девушкой. Райс пропала девять лет назад по пути на работу, и больше о ней ничего не слышали.

Я добавила эту информацию в свою папку по «Дубовой роще».

Вдали от расследования (и Девлина) всё происходящее теперь казалось мне немного сюрреалистичным. Убийца всё ещё разгуливает на свободе, но в блоге больше не появлялись подозрительные комментарии, а в районе не таились чёрные «седаны». Шли дни, дышать стало немного легче, потому что выбора в действительности не было. Полиция не может караулить мой дом двадцать четыре часа в сутки, а я не могу уйти в спячку на неопределённый срок.

Нужно двигаться дальше.

Последние несколько дней я работала на маленьком кладбище в сорока милях к северу от Чарльстона. Это был обычный погост с простыми надгробными плитами и оградами. Деревья уже обрезали, и солнечный свет щедро заливал округу. На могилах я нашла личные воспоминания и семейные подарки: куклы, игрушки, фотографии в рамках и дешёвые украшения — трогательные и очаровательные.

Куклы напомнили о подарке Девлина, оставленном на могиле Шани.

Я подумала о кукле (и Девлине), как вдруг, несмотря на солнце, почувствовала холодок на спине и поняла, что за мной кто-то наблюдает.

Сумерки ещё не спустились, но я боязливо окинула линию горизонта краем глаза. Не заметив никакого движения, никаких проскальзывающих тёмных силуэтов на опушке, я подняла голову и оглядела кладбище.

В конце концов я увидела его стоящим под дубом, в самой глубокой тени. Охваченная ледяным трепетом, я посмотрела на него поверх надгробий, отложила кисть, сняла перчатки и пошла к нему.

Он выглядел точно так же, как и в прошлую нашу встречу. Красивый и неприступный, в солнцезащитных очках.

Мне стало неудобно, но не страшно, хотя мы были совершенно одни и до ближайшего дома не меньше мили. Девлин, казалось, был убеждён, что Том Геррити не убийца, и я доверилась его суждению. Но я не верила Геррити. Что-то в его облике заставило мой желудок болезненно сжаться, а волосы на затылке встать дыбом. Он чего-то хотел. Но у меня возникло такое чувство, что я об этом скоро узнаю.

Я подошла к нему с хмурым видом.

— Что вы здесь делаете?

— Пришёл с вами встретиться.

Я огляделась.

— Я не вижу машины поблизости. Как вы сюда добрались?

— Прошёл пешком с дороги. На воротах вывеска, что на кладбище нельзя заезжать на машине. Как бывший полицейский я не хотел бы нарушать закон.

И почему я ему не верила?

Прикрыв глаза ладонью, я взглянула на дорогу.

Прямо за воротами на солнце поблёскивал металл. Я перевела взгляд на Геррити.

— Как вы узнали, где меня найти?

— Вы опубликовали фотографии в блоге. Я узнал место. Здесь похоронен мой товарищ.

Я уж было хотела спросить его про этого товарища, но тут меня накрыло. Сколько он уже посещает мой блог? У него есть подписка, имя пользователя?

Геррити обвёл взглядом кладбище.

— А это место выглядит ухоженнее с моего последнего посещения.

— Вы сказали, что здесь похоронен ваш товарищ?

— Полицейский. Его убили при исполнении служебных обязанностей. Убийцу так и не нашли.

Я вспомнила слова Девлина о том, что по вине Геррити погиб полицейский.

— Если назовёте его имя, я уделю этой могиле особое внимание.

— Фремонт. Роберт Фремонт.

От этого имени у меня побежали мурашки по коже. Слабое чувство дежавю заставило задуматься: могла ли я слышать о его смерти в новостях.

Я почувствовала взгляд Геррити, ощутила, как между нами что-то переменялось, словно рухнула стена, только не могла сказать к добру это или худу.

— Что вы от меня хотите? — тихо спросила я.

— Помощи.

— Почему от меня?

— Никого больше нет, Амелия.

Я снова вздрогнула и отвела взгляд.

— Если это касается Девлина...

— Не Девлина, а Итана Шоу.

У меня полезли брови на лоб от удивления.

— Итана?

— Мне нужно узнать, что он выяснил по поводу скелета, который вы обнаружили в склепе под «Дубовой рощей».

— Тогда почему бы не спросить у него самого?

— Он не захочет со мной встретиться.

Я скрестила руки на груди.

— Только не говорите мне, что между вами давняя вражда.

Он пожал плечами.

— Никакой вражды. Просто у меня больше нет нужных полномочий.

— У меня их тоже нет. С чего вы решили, что он мне всё расскажет?

— А с чего вы решили обратное?

Я раздражённо вздохнула.

— Это нелепо. Зачем вам вообще этот скелет? Вы вроде бы работали на маму Ханны Фишер. Каков ваш интерес в деле, если её тело нашли?

— Я хочу восстановить справедливость, и я её восстановлю. Любым способом.

Это был тревожный звоночек.

— О чём это вы?

— Просто сходите к Итану Шоу. Всё ведёт к нему.

— Что это значит? Эй!

Множество вопросов пронеслось в моей голове, но я больше не окликнула Геррити. Просто мне хотелось, чтобы он ушёл из моей жизни и забрал с собой смутные предчувствия. Но даже после того как он исчез за воротами, в воздухе ещё долго витал морок.

Глава 35

В тот день я не смогла бы встретиться с Итаном, даже если бы захотела. По дороге домой позвонила тётя Линроз и сообщила, что маму госпитализировали в МУЮК — да, и тот самый, где работала Джейн Райс, одна из жертв маньяка. Девять лет назад она пропала по пути на работу.

Не то чтобы между событиями была какая-то связь, однако простое совпадение раздуло уже тлеющий страх.

Быстро заскочив домой принять душ и переодеться, я промчалась по Рутледж-авеню, припарковалась возле больницы и быстрым шагом направилась к огромному кирпично-стеклянному зданию, в котором размещался главный госпиталь.

Когда я наконец-то нашла нужное крыло и этаж, маму как раз осматривал врач, и мне пришлось подождать в коридоре вместе с тётей, которая раздражающе упрямо отказалась мне что-либо рассказывать.

— С ней всё будет хорошо, — заверила меня тётя Линроз, когда мы примостились на край скамейки. — Но она сама должна тебе всё рассказать.

К тому времени как нас наконец пустили в палату, я уже была взвинчена до предела, представив самое худшее. Но на самом деле мама даже выглядела лучше, чем с нашей прошлой встречи. Цвет лица был хороший, она выглядела сильной и бодрой. Я подошла обнять её и поцеловать, а затем устроилась на краю кровати. Линроз придвинула стул. Мы уселись в свинцовой тишине.

Я не хотела давить, но больше не могла выдерживать тишину.

— Мама́...

— У меня рак, — сказала она, и на мои глаза мгновенно навернулись слёзы.

Я сжала её ладонь.

— Это рак молочной железы. Маммография выявила опухоль.

— Доктор сказал, что она операбельна, — вставила Линроз. — У нас есть шансы надеяться на полное выздоровление.

— Он не так сказал, — поправила её мама́. — Он сказал, что прогноз благоприятный, но опухоль в запущенной стадии и может быстро распространиться, поэтому мы должны прибегнуть к агрессивному лечению и реалистично оценить свои шансы.

Мне словно кто-то просунул руку в грудную клетку и сжал сердце. Я с трудом сглотнула ком в горле и постаралась взять себя в руки.

— Что будем делать? Каков следующий шаг?

— Мне назначена операция на утро.

— Так скоро?

Она погладила мою ладонь.

— Это нескоро. Я уже давно знала свой диагноз.

— Насколько давно? — И тут я всё поняла. — Так вот почему ты приезжала отпраздновать свой день рождения в Чарльстоне. Ты уже знала. Но почему ничего мне не

рассказала?

— Мы так чудесно проводили время, что я не захотела портить вечер. А после... я не хотела тебя тревожить, пока не возникла бы в этом необходимость.

— Но почему? Я могла бы поддержать тебя.

Я чувствовала себя преданной.

— Со мной была Лин. Она хорошо обо мне позаботилась.

— Я должна была быть с тобой.

— Ты ничего бы не смогла сделать, а у тебя ещё работа.

— Но...

— Амелия.

Тётя Линроз покачала головой. Я замолкла и в гневе уставилась в окно. Закат над рекой Эшли был невыносимо символичен.

— Надеюсь, я вернусь домой через пару дней, — оживлённо сказала мама. — Будут трубки и дренажи... много неприятного. Не хочу, чтобы ты всё это видела. И, конечно, химио...

Я не могла поверить, как спокойно она могла говорить о своей болезни. Я всегда считала маму хрупкой, но прагматизм, с которым она приняла свой страшный диагноз, поразил меня. Её ждёт серьёзная операция и несколько недель химиотерапии, а она больше всего волнуется, чтобы я не увидела трубки и дренажи.

Линроз держалась до последнего, но теперь тихо заплакала в льняной платок.

— Бога ради, Лин, — заругалась мама.

— Я знаю, знаю, стальные магнолии^[34] и всё такое. Но твои волосы, Этта. Ты лишишься своих чудесных волос.

— Это всего лишь волосы, — твёрдо заявила мама. — Может, ко мне вернутся кудряшки. Должно же мне как-то воздаться за все деньги, что я потратила на перманент?

Сдерживая слёзы, я взбила ей подушки, налила стакан воды и, не зная что ещё сделать, задала самый очевидный вопрос.

— Где папá?

— Он мужчина, а мужчины бесполезны в подобных ситуациях, — сказала тётя, которая, насколько я знаю, никогда в своей жизни не заводила серьёзных отношений с мужчинами и уж тем более не была замужем.

— Он навестил меня ранее, — ответила мамá. — Я отправила его подышать свежим воздухом. Он ведь не переносит замкнутое пространство.

— Правда? А я и не знала.

— Ты много чего не знаешь о своём отце, — сказала она, и странная нотка в её голосе заставила меня поднять взгляд и внимательно взглянуться в её лицо.

— Этта, я не думаю, что сейчас время...

— Тсс, Лин. Это касается только меня и дочери. Возможно, я не очнусь после операции. — Она подняла ладонь, стоило нам с тётей запротестовать. — Ничтожный шанс, но тем не менее... ты должна кое-что знать о Калебе...

Линроз поджала губы и достала вязание. Она склонилась над работой, но я знала, что тётя внимательно наблюдает за нами из-под опущенных ресниц. Напряжение исходило от неё волнами.

— Мамá, что такое? — тихо спросила я.

«Могла ли она знать о призраках? — задумалась я. — Могла ли она знать про меня?»

Она заколебалась, и впервые с начала нашей встречи я увидела брешь в её броне, нежную меланхоличную женщину, что удочерила меня, всхолила и взлелеяла. Но она никогда не давала возможности её узнать.

Тётины спицы застучали в тишине. Интересно, она действительно вывязывает петли или просто притворяется...

— Твой отец...

Я подалась вперёд. Тётя, кажется, тоже.

— Да?

— Твой отец...

Веки задрожали, взгляд прошёл мимо меня. Я оглянулась через плечо и увидела папу в дверях. Он секунду постоял в дверном проёме, лицо было обветренным и измождённым, а затем, не говоря ни слова, отступил и вышел в коридор.

Я тут же обернулась к маме.

— Почему он не вошёл?

— Наверное, даёт нам время побыть вдвоём.

— Не говори так обречённо, — взмолилась я, думая о Девлине и его невысказанном прощай.

— Я не хотела.

— Маме, расскажи про папу.

Она обменялась взглядом с тётей.

— Твой отец сложный человек со сложной судьбой, — ответила Линроз. — Возможно, лучше всего оставить всё как есть.

— Сложной судьбой? — Я повернулась к матери. — Что это значит?

По глазам матери я поняла, что её разрывают противоречивые чувства. В конце концов она закрыла глаза и вздохнула.

— Тебе нужно знать, что он любит тебя. Больше всего в этом мире, включая меня.

Она не это хотела сказать. Я знала её достаточно хорошо, чтобы понимать.

— Маме...

— Я устала. Мне надо поспать.

— Так будет лучше, — пробормотала Линроз.

Я не хотела рисковать и расстраивать маму накануне операции, поэтому оставила эту тему. Спустя какое-то время я встала и выскользнула из палаты, оставив маму и тётю шептаться вдвоём, как когда-то на крыльце.

Папа в коридоре не оказалось.

Маму выписали из больницы спустя два дня, и я поехала погостить у неё, пока они с тётей не уговорили меня вернуться в Чарльстон.

— У тебя бизнес. Не нужно доводить себя до банкротства, когда я совершенно свободна, — настояла Линроз, и мама её поддержала.

В последний вечер папа ушёл из дома сразу после ужина, и я пошла за ним на «Розовой холм», чтобы попрощаться. Я брела по дорожке и вдыхала аромат роз. Он ждал меня возле ангелов, чьи холодные лица ожили в тёплых лучах заходящего солнца.

После того как мимолётная иллюзия исчезла, он повернулся, и его взгляд прошёл мимо меня к воротам. Я знала, что он смотрит на призрак. Его страх был ощутим в приближающихся сумерках.

— Ты снова его видел, папá?

— В последнее время он появляется всё чаще и чаще.

У меня кровь застыла в жилах от этого признания.

— Чего он хочет?

Папá обернулся, и слёзы на его лице повергли меня в шок. Я никогда не видела, чтобы он показывал свои эмоции. Как и я, он по большей части жил в воображаемом мире.

И тут я всё поняла. Я прижала ладонь ко рту.

— Папá... неужели ты думаешь, что он пришёл за мамá?

Он закрыл глаза и пожал плечами.

— Хотел бы я знать, дитя. Хотел бы я знать.

***

Это было долгое одинокое возвращение в Чарльстон. По пути я проверила голосовую почту. Одно сообщение от Итана Шоу, одно от Темпл, и ничего от Девлина.

Итан пригласил меня на небольшой пятничный вечер в Чарльстонской институт изучения парапсихологии, где собирался отпраздновать семидесятилетие своего отца.

Войдя в тёмный дом, я не смогла не спросить себя, а доживёт ли моя мама до своего следующего дня рождения.

Глава 36

Утром дня рождения доктора Шоу я проснулась вялой и в плохом настроении. То ли я заболела, то ли беспокойство за маму сказалось на физическом состоянии. После несколько часов упорной работы на кладбище у меня подгибались колени и дрожали руки от перенапряжения.

Я закруглилась к полудню и вернулась домой отмокать в горячей ванне и пить чай, который ни капли не помог. Достав баночку витамина С и ибупрофен из аптечки, я заметила оборот пакетика с бессмертником Эсси.

«Излечит хворобу», — сказала она. По словам Шоу, этот сбор трав имеет тот же эффект, что и витаминный коктейль. То, что доктор прописал. Я не ожидала, что трава сотворит чудо, но я верила в лекарственную ценность натуральных средств, проверенных веками.

Я заварила бессмертник и пошла с чашкой в постель. Устроившись в изголовье, я осторожно пригубила чай. Он обладал сладким вкусом с кислинкой. Пить можно. Прикончив полстакана, я отставила чашку в сторону и скользнула под одеяло, где быстро уснула.

После сна я почувствовала себя гораздо лучше. Либо бессмертник сделал своё дело, либо мне позарез был нужен крепкий сон.

На улицу опустились сумерки, воздух похолодел. Я полежала несколько минут, наслаждаясь хорошим самочувствием, и допила теперь едва тёплый чай. Выскользнув из кровати, я залезла в чёрное платье и поехала в Чарльстонский институт изучения парапсихологии, опаздывая, как было принято в свете.

Дом был полностью залит огнями, двери распахнуты навстречу мягкой ночи, давая мне представление каким величественным, должно быть, выглядело это старинное здание довоенной эпохи в дни своей славы. Если закрыть глаза, то можно почти услышать слабые

звуки скрипки и свист скользящих по паркету кринолинов.

Та же блондинка впустила меня через боковой вход и исчезла в коридоре с моим подарком: репродукцией колоды карт Таро пятнадцатого века ручной росписи, выполненных Висконти-Сфорца. Войдя в полную комнату незнакомых людей, я первым же делом испытала желание развернуться и уйти тем же путём, что пришла. Но потом я увидела Темпл. Она беседовала с кем-то на другом конце комнаты и помахала мне.

— Я и не подозревала, что ты тоже будешь, — сказала я, пробравшись к ней сквозь толпу. — Ты специально приехала на вечеринку?

— У меня были дела в городе.

Она схватила бокал шампанского с ближайшего подноса и протянула мне. Я не видела её со дня эксгумации. Сегодня вечером она выглядела совершенно по-иному в облегающем серебристом платье, которое переливалось в искусственном свете подобно жидкой ртути.

Её компаньон обернулся, и я узнала Даниэля Микина.

— Помнишь Даниэля? — спросила Темпл, еле скрывая презрение.

— Конечно помню. Приятно снова с вами встретиться.

— Взаимно, — ответил он с тёплой улыбкой на лице. — В последние дни вас не видно в архивах.

— Пока реставрация «Дубовой рощи» отложена на неопределённое время, мне нет повода туда приходить. Я занимаюсь другим кладбищем.

Он нахмурился.

— Какая жалость. Я возлагал столько надежд на эту реставрацию. Вы не знаете, когда сможете вернуться к работе?

Я не успела ответить, так как Темпл сжала мою руку.

— Ты ещё не видела Руперта?

— Я... только что пришла.

И она это прекрасно знала, так как видела, как я входила в зал.

Взяв меня под локоток, она тихонько отвела меня в сторону.

— Нужно найти его и поздравить с днём рождения. Кажется, я видела его в кабинете. Вы простите нас, Даниэль?

— О... конечно.

Он проводил нас несчастным взглядом.

— Мне казалось, я никогда от него не избавлюсь, — пробормотала Темпл. — Пристал, стоило мне войти.

— Тсс. Он тебя прекрасно слышит.

— Мне всё равно. У меня от него мурашки по коже.

— Ты это уже говорила. — Я обернулась через плечо. — Мне он кажется милым. Заметила, как он держит левую руку? Должно быть, шрамы постоянно его беспокоят.

— Шрамы? — Она многозначительно на меня поглядела. — Во множественном числе?

— Я как-то увидела их в архивах, когда у него задрался рукав. Они идут крест-накрест через всю вену, словно он пытался покончить с собой множество раз, но никогда не резал достаточно глубоко, чтобы добиться успеха. Очень печально, если задуматься. У него нет родных?

— Я мало что о нём знаю. Кажется, кто-то отмечал, что он в Эмерсоне только по доброте сердечной каких-то состоятельных родственников. Я правда не обращала особого внимания на Даниэля. Он один из тех людей, кто сливается с общим фоном.

«Как и я», — промелькнуло у меня в голове.

— Как так вышло, что ты не знала Мариаму по Эмерсону? Уж она-то точно не сливалась с общим фоном. Как и Девлин.

— Девлин учился в Эмерсоне? Тогда, должно быть, он поступил после меня. Я не особо общалась с младшекурсниками. К третьему курсу я возвращалась в кругу тех, с кем разделяла общие интересы.

— Как Камилла?

Она на секунду прикрыла глаза.

— Я до сих пор не могу в это поверить. Мы не всегда ладили, но я бы никогда не пожелала ей смерти.

— Когда ты в последний раз видела её живой?

Она раздражённо посмотрела на меня.

— О нет, только не снова. Давай сегодня без инквизиторских допросов. Это же вечеринка. Если не возражаешь, я не хочу сейчас думать о том, что произошло с бедняжкой Камиллой. Произошедшее с ней... — она задрожала.

Мы остановились в конце коридора, где находился кабинет доктора Шоу. Сквозь щёлку раздвижных дверей доносился ожесточённый спор, и мы с Темпл переглянулись. Прежде чем мы могли бы уйти, двери отворились, и вышел Итан. Он остановился, увидев нас.

— Я не знал, что здесь кто-то есть.

— Мы только что пришли, — спокойно ответила Темпл.

На его лице отразилось облегчение. Очевидно, он ссорился с отцом, и также очевидно, он не хотел, чтобы их кто-то подслушал.

— Мы пришли пожелать Руперту счастливого дня рождения, — добавила Темпл.

Итан махнул нам заходить.

— Может, вы сможете убедить его выйти к гостям и присоединиться к празднеству, — произнёс он с ноткой раздражения. — Он капризничает как ребёнок.

— Я постараюсь.

Темпл зашла переговорить с доктором Шоу, я осталась в коридоре перебраться парой слов с Итаном.

— Всё в порядке? — спросила я.

Итан выглядел раздражённым.

— Он уже несколько недель в таком состоянии. Один из бывших помощников отца опубликовал книгу, используя его исследования без согласия.

— Это очень расстраивает, особенно если его помощник выкрал материалы.

— Откуда вы знаете? — удивлённо спросил Итан.

— В прошлую нашу встречу ваш отец сказал, что кто-то постепенно выкрал труд всей его жизни.

— Да, но как я уже сказал, он на взводе. Он хочет судиться, но юристы — удовольствие не из дешёвых. Отец никогда не беспокоился о деньгах, поэтому понятия не имеет сколько чего стоит. Но довольно об этом. — Его улыбка выглядела немного натянутой. — Как ваша мать?

— Она уверенно идёт на поправку и пребывает в хорошем настроении. Честно, она держится намного лучше меня. Я стараюсь не падать духом, поэтому выбралась на сегодняшний вечер.

— Вы выглядите посвежевшей с нашей последней встречи.

Я попыталась вспомнить, когда именно мы виделись. На «Дубовой роще», за несколько часов до того, как мы обнаружили тело Камиллы. Он рассказал мне, как Шани и Мариама провели свой последний день. А затем ко мне домой приехал Девлин и поцеловал, но я стараюсь не думать об этой части.

Двери кабинета распахнулись, и к доктору Шоу устремился поток гостей.

— Мне стоит зайти поздороваться.

Итан кивнул.

— Он в дурном настроении, но будет рад вас видеть.

Однако доктор Шоу показался мне совершенно нормальным. Я не увидела и следа растрёпанного подозрительного мужчины, который был убеждён, что кто-то выкрал труд всей его жизни. Я хотела спросить его об этом, но праздник едва ли подходящее место, чтобы поднимать настолько огорчающую тему.

Он посмотрел на меня колючим взглядом, покачивая бренди в стакане.

— Как поживаете, Амелия? Нет для меня никаких любопытных событий?

— Благодарю за заботу, но нет. Больше никаких теневых форм и энергетических вампиров. В паранормальном плане сейчас в моей жизни всё однообразно.

К нему подошли, и когда доктор Шоу повернулся пожать руки, я заметила серебряный отблеск его кольца. Раньше я никак не могла понять, что на нём изображено, но после того, как увидела рисунок Даниэля Микина, теперь чётко различала свернувшуюся вокруг когтя змею.

Такой же символ Девлин носил на шее.

Я оторвала взгляд от кольца и изучила лица собравшихся вокруг Шоу. Все в годах, в костюмах, образованные, начитанные. Сливки Эмерсона. Интересно, сколько из них тайно носит такой же символ.

Пробормотав извинения, я выскользнула из кабинета и побрела по коридору, испытывая странное чувство клаустрофобии и необъяснимую паранойю. Ни у кого не было причин желать мне вреда, но я не могла не вспомнить слова доктора Шоу про убийцу. Он может быть среди нас. Тот, кого мы меньше всего подозреваем...

На плечо легла рука, и я развернулась, прижав ладонь к груди.

— Итан! Напугали.

— Простите, — виновато ответил он. — Вы же не пытаетесь сбежать с вечера?

— Боюсь, что пытаюсь. К сожалению, мне нужно встать на рассвете, чтобы успеть до жары.

— А, как жаль. Но я прекрасно вас понимаю. Мне самому рано вставать.

Я посмотрела на него с интересом.

— Работаете над новым делом?

— Да. Сегодня раскопали останки.

— На «Дубовой роще»? — с волнением спросила я.

— Нет, не на «Дубовой». Никаких новых трупов, к счастью.

— Мне любопытно... а вы смогли идентифицировать скелет, который мы с Девлином нашли под мавзолеем? В газетах об этом ни слова.

— Мы не установили имя, но я обнаружил несколько любопытных деталей.

— Расскажите?

Он прислонился плечом к стене.

— У меня есть идея получше, но всё зависит от того, насколько вы брезгливы.

Я поморщилась.

— Если без пауков, то со мной всё будет в порядке.

— Никаких пауков, обещаю. Подъезжайте завтра к обеду к моргу МУЮК, и я покажу, что нашёл.

Морг. Ну, возможно, я немного брезглива.

— А меня пропустят?

— Разве вы не эксперт по делу «Дубовой рощи»? Так ведь написано в газетах.

— Это вы хватанули.

— Сойдёт. Позвоните мне, как подъедете, и я выйду и проведу вас внутрь. А пока... —

Он выпрямил спину. — Раз вы настроены покинуть нас столь рано, позвольте хотя бы проводить вас до машины. Я хотел бы кое-что с вами обсудить.

Я пошла попрощаться с Темпл, а затем снова встретилась с Итаном у двери. Он казался встревоженным весь путь до парковки. Неужели его до сих пор терзает ссора с отцом?

— Вы хотели со мной поговорить?..

— О Джоне.

Неожиданно. Одно упоминание его имени выбило у меня почву под ногами.

— А что с ним?

Итан опёрся рукой о дверцу машины.

— Вы виделись с ним в последнее время?

— Нет, уже много дней.

Он мне не звонил, и я ему не звонила. Я до сих пор пыталась убедить себя, что это к лучшему.

— Амелия, он в ужасном состоянии. Похоже, расследование нанесло по нему удар. Впрочем, ему всегда нелегко в это время года. Скоро годовщина.

В горле встал комок.

— Я не знала.

— Наверное, поэтому вы о нём ничего не слышали. Чувство вины... — Он беспомощно развёл руками. — Он проводит слишком много времени в мрачной компании самого себя. Я беспокоюсь о нём. Ему нужно больше встречаться с людьми.

Я подумала о женском голосе, который услышала по телефону в ту ночь. Возможно, Девлин встречается с людьми намного чаще, чем представляет себе Итан. И все же я не хотела преуменьшать его беспокойство, ведь прекрасно понимала, какое чувство вины несёт в себе Девлин.

— Я пытался убедить его посетить сегодняшний праздник. Но сюда он ни за что не захочет приехать.

— Похоже, он не особо высокого мнения о деятельности института, — осторожно заметила я.

— Дело не в этом. Здесь он познакомился с Мариамой.

— В институте?

— Тогда ещё не было института. Это был просто наш дом. Мариама жила с нами какое-то время, а Джон был протеже моего отца.

— Протеже? — уставилась я на Итана поражённым взглядом. — Протеже? Но он ведь не верит в его труды.

— Наверное, больше нет. Но в то время он был увлечённым исследователем.

Подобная новость не укладывалась в голову.

— Мы говорим об одном и том же Джоне Девлине?

Итан улыбнулся.

— Об одном.

— Что случилось? Теперь он относится к подобному с таким презрением.

Итан пожал плечами.

— Он постепенно перерос это, как и большая часть из нас. Мы поступили в магистратуру и думали о карьере. Исследования потустороннего мира стали казаться нам игрой. Кроме моего отца, конечно. — Я слышала нотку горечи в его голосе и снова задумалась о чём же, на самом деле, они ссорились. — В ночь несчастья Джон приезжал увидеться с отцом. Он хотел связаться с духами Мариамы и Шани. Он умолял помочь ему открыть дверь, чтобы он смог перейти в загробный мир и увидеться с ними в последний раз.

Я едва ли могла представить глубину такого отчаяния. Меня ранила одна только мысль о его боли.

— Это...

— Я знаю. Я подумал, что он сошёл с ума от горя. Он стал вспыльчивым и неконтролируемым. Обозвал отца мошенником и хуже. Отец думал позвать на помощь, но Джон ушёл по своей воле. Он исчез. Никто не знал, куда он уехал. Наверное, мы все боялись худшего. Затем до нас стали доходить слухи, что его положили в частную лечебницу. Это были просто слухи. Людям нравится привирать. Но Джон вернулся другим человеком. Со временем ему стало лучше, но, когда я увидел его вчера... — Итан умолк от тревоги. — Думаю, дело в том доме.

— Каком доме?

— Доме Мариамы. После катастрофы он стал снимать домик на острове Салливан, хотя так и не избавился от её дома. Это роскошная старинная постройка в стиле королевы Анны^[35] прямо за Бофейн. Мариама была от него без ума. Я проезжал мимо на днях. Сад прополот, крыльцо выкрашено в синий. Похоже, он там.

— Возможно, он понял, что готов вернуться домой.

— Возможно, — ответил Итан, но его голос был полон сомнения.

— Почему вы мне все это рассказываете?

— Я сам не знаю. Просто подумал... вот. — Он вложил листок бумаги в мою ладонь. — Это адрес. Вдруг почувствуете необходимость.

Я не настолько наглая. Я сказала себе, что поеду прямо домой, возможно, выпью чашечку чая с Эссиным бессмертником и лягу спать. Завтра меня ждёт долгий день на кладбище, мне нужно отдохнуть.

Однако стоило мне подумать, что именно так я и поступлю, как из дома хиромантки напротив вышел Джон Девлин.

Глава 37

Я объехала институт и собралась выехать на улицу, как увидела его на крыльце у Всевидящей Мадам.

Они только что вышли из дома: Девлин и женщина (хиромантка, как я поняла) — и, хотя свет с крыльца не падал на её лицо столь же отчётливо, как на лицо Девлина, я поняла, что она красива. Я видела это по её манере держать себя. Поистине шикарные женщины преподносят себя с особым достоинством. Как Камилла и Темпл. Как призрак Мариамы.

Девлин собирался уходить, но хиромантка дотронулась до его плеча, и он обернулся. В её жесте не было ничего сексуального, но я почувствовала некую близость в том, как он заглянул в её запрокинутое лицо, и нетерпение, когда он взял её за руки. Окно машины было опущено, но до меня не донеслось и обрывка разговора, как бы сильно я ни напрягала слух.

Мне стало стыдно за то, что я пыталась подслушать, и за то, что последовала за машиной Девлина, когда он выехал несколько минут спустя. Не знаю, что на меня нашло. Меня такой не воспитывали. Благоразумие и благопристойность шли рука об руку в нашей семье, и мне представилось, как бы удивилась мать, узнай она о моём поведении. Подслушиваю личные разговоры, а после преследую человека без его ведома или согласия. Я вздрогнула от воображаемого порицания, но это меня не остановило.

Я понятия не имела, как за кем-то проследить (тем более за полицейским) и остаться незамеченной, но инстинкт подсказывал мне не спешить. Машин на улице практически не было, поэтому нас разделяла добрая половина квартала. Но с таким расстоянием я испугалась, что упущу Девлина, если он начнет слишком много петлять.

Благодаря Итану, я имела представление, куда он направляется. С Рутледж-авеню он свернул прямо на Бофейн, а затем в левый проулок. Я проехала мимо перекрёстка и сделала круг, чтобы дать ему время припарковаться и войти в дом.

Включив свет в салоне, я прочла записку Итана и медленно двинулась по улице, ища глазами роскошный викторианский особняк с синим крыльцом и ухоженным садом. Однако в нужном мне доме не горел свет, а машины Девлина нигде не было видно. Должно быть, он припарковался на заднем дворе, решила я. Либо же заметил меня в зеркале заднего вида и уехал дальше.

Я проверила собственное зеркало, чтобы убедиться, что Девлин не сделал круг и не находится прямо за мной.

Никого. Горизонт чист.

И что теперь?

Припарковавшись у обочины, я заглушила двигатель, выключила свет и стала просто сидеть. Мысли пребывали в смятении. Зачем я сюда приехала? Я хотела свалить этот импульс на Эссин чай или несколько глотков шампанского, которым угостилась на вечере у доктора Шоу. Я вела себя не как женщина, которая всегда живёт по строгим правилам. Я увидела собственное отражение в окне автомобиля и подумала, что это не я. У неё мои глаза, нос, рот, но внутри она превратилась в неизвестное мне странное, безрассудное существо.

— Возвращайся домой, Амелия, — сказала я вслух, подумав, что так слова обретут больше силы. — Возвращайся в своё безопасное приятное пустое убежище, где ты защищена от призраков и ведома предостережениями отца.

Но я не запустила двигатель, не развернулась, не растворилась в ночи. Нет, я продолжила сидеть, а затем взяла и вышла из машины.

Перейдя улицу, я остановилась перед верандой и запрокинула голову к небу. Облака закрыли луну, и я почувствовала что-то в воздухе. Приближалась гроза. Кожу защекотало от перепада давления, голова закружилась от волнения. Я простёрла руки и дала ветру омыть себя.

Это был акт освобождения, но затем я повернулась к дому — её дому — и по моим венам пробежало что-то тёмное. Кто-то стоял у окна. Однако стоило мне его заметить, как тень метнулась прочь.

Я постучала, не в силах скрыть дрожь. Дверь распахнулась, и я осторожно вошла внутрь.

— Девлин?

Я немного постояла в прихожей, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. Прямо передо мной изгибалась элегантная лестница, ведя к широкой галерее второго этажа. За лестницей простирался длинный коридор, справа располагалась утопающая во мраке гостиная.

Пройдя под арочным проёмом, я скользнула взглядом по старинной мебели, которую, само собой, выбирал не Девлин. Над камином висел внушительный портрет, конечно же, владелицы дома. В воздухе витал слабый аромат шалфея и лимонной вербены (как и в доме Эсси), но за ним таился затхлый запах пыли, заброшенности и невыразимого отчаяния.

Тусклый свет луны лился сквозь огромное окно, и на мгновение я увидела Шани — крошечную и полупрозрачную.

Она следит за Девлином. Ждёт, когда он вернётся попрощаться...

Я остановилась понаблюдать за ней, и она растворилась в небытии.

Свежевыкрашенное в синий цвет крыльцо не защищало от призраков. Меня окружило их ледяное присутствие. Не только Шани и Мариамы, но и призраков другой жизни. Призраков счастливой семьи. Призрака человека, которым когда-то был Девлин.

Попятившись в прихожую, я подняла взгляд и заметила мерцающий свет за галереей. Услышала доносящуюся оттуда музыку, нечто экзотичное и этническое. Барабанная дробь, пробуждающая первобытные инстинкты.

Я медленно поднялась по лестнице, зовя Девлина. Меня задело нечто холодное, легчайшее прикосновение шёлкового платья, и я поняла, что это она. На стене висело зеркало, и, проходя мимо, я мельком увидела своё отражение. Только в этот раз... я не увидела своего лица. На мгновение я была готова поклясться, что из зеркала на меня уставилась Мариама, но иллюзия оказалась мимолётной. В зеркале снова отражалась я: широко раскрытые глаза, кожа в веснушках, растрёпанный хвостик. Та ещё соблазнительница.

И всё же, приближаясь к вершине лестницы, я стала смелее, свободнее. Дойдя до площадки, я остановилась убрать ленту из волос и тряхнула головой. Голова откинулась назад, дико покачиваясь в ритме музыки, которая, казалось, заползла мне под кожу.

Звук доносился из комнаты дальше по коридору. Дверь была открыта, и с каждым моим шагом стук барабана становился всё громче.

Комната была как в тумане и утопала в свечах. Я словно в шаге от чужого сна. Ветерок дул сквозь балконные двери, раздувая пламя и создавая волны на шёлковом пологе, который окружал кровать словно кокон. Африканские маски на стенах выступали в качестве жутких зрителей. Казалось, их пустые глазницы следили за мной, пока я шла через комнату к Девлину.

Он стоял на веранде в расстёгнутой рубашке и смотрел на сад. Ветер развеивал полы его одежды. Он обернулся, и между нами мелькнуло нечто холодное. Я почувствовала её прикосновение, ледяное дыхание, и вздрогнула. Но, что странно, я не испугалась, хотя в своём доме она была сильнее всего. Я уже видела, на что она способна, и всё же... не испугалась.

Я встретилась взглядом с Девлином, и меня охватила волна жара. Он тоже это почувствовал. В его глазах горел огонь, но он не шевелился.

Момент тянулся и тянулся.

А затем он преодолел расстояние между нами, и я услышала его шёпот: «Я знал, что ты

придѣшь», — только я не знала, обращался ли он ко мне.

Я протянула руку и провела пальцем по серебряному медальону, символу его таинственного прошлого, хранителю всех его секретов. Металл был холодным на ощупь, но я почувствовала жар его кожи, который тянул меня к нему так же, как его тепло приводило в восторг его призраков.

Поднявшись на цыпочки, я предложила ему свои губы. Он взял их со стоном и задушил меня в объятиях, показавшихся одновременно родными и чужими, отчаянными и невероятно контролируемыми.

Он пах виски и искушением, и моими самыми порочными фантазиями. Я хотела услышать своё имя из его уст, произнесённое с соблазнительной декадентской тягучестью. Я хотела провести языком по его разгорячённой коже, прижаться губами к пульсирующей вене на его шее, заключить его в себе, чтобы ничто не смогло встать между нами. Ни время, ни расстояние, ни сама смерть.

Прижав меня к стене, он сорвал мою одежду прямо на балконе, а в это время внутренний голос предупреждал меня: «Это не ты, Амелия. Это не ты».

Но это была я. Это мои руки отшвырнули его рубашку прочь. Мои губы охотно открылись под его напором.

Моё решение отказаться от правил, которым я следовала всю свою жизнь.

Он обернул мои ноги вокруг себя, и, наполовину опьянённая желанием, я откинула голову, обнажая шею. Он пожирал меня, покусывал и тянул зубами нежную кожу на горле, а его язык омывал и успокаивал места укусов.

Сквозь полуопущенные веки я заметила неуловимое движение в саду. Взглянув снова, я увидела лишь трепетание листьев на ветру.

А потом я уже ничего не видела, так как Девлин быстро унёс меня в спальню. Заряженный воздух словно двинулся вместе с нами, покалывая голую кожу, щекоча нервные окончания.

С места, где мы стояли, я заметила туалетное зеркало Мариамы, овальное и украшенное орнаментом. В пламени свечей я увидела, как бугрятся мышцы на спине Девлина, когда он наклонился ко мне. У меня возникло очень странное ощущение, словно я нахожусь вне своего тела, наблюдая за чем-то запретным.

Я выскользнула из его объятий. Он повернулся, и я толкнула его к стене, провела губами дорожку по груди, провозилась с пряжкой ремня и дёрнула молнию вниз. Улыбаясь, опустилась на колени, а потом сделала с ним то, на что и в мыслях не была способна. Он задрожал, когда я обхватила его. Почувствовав, что он на грани, я снова обернулась к зеркалу: улыбка стала хитрой, распутной — приглашение искусительницы.

Я поднялась и прижалась губами к его уху.

— Я никогда тебя не оставлю, — прошептала я, понятия не имея, откуда взялись эти слова.

Глаза Девлина загорелись, и, прежде чем я успела отойти, его рука метнулась схватить мой подбородок. Он откинул мою голову назад, изучая лицо.

— Амелия.

Скорее вопрос, чем утверждение.

От звука моего имени меня бросило в дрожь.

— Да, да, да, — выдохнула я и обвила руками его шею, привлекая для поцелуя.

Ветер с балкона взметнул пламя свечей. Шёлковый полог вздымался волной, маня

возлечь на кровать.

Девлин отстранился и посмотрел в мои глаза. Он простоял так целую вечность, а затем с еле слышным проклятием подхватил меня и понёс на кровать. Ткань разлетелась на ветру, и, прежде чем я успела сделать вдох, мы провалились сквозь мерцающую ткань в другой мир, тёмный и пьянящий. Мир Девлина. Мир Мариамы.

Я больше не слышала музыки, только барабанную дробь. Прimitивный звук отдавался в ушах, когда Девлин наклонился надо мной.

Сжав запястья, он завёл мои руки над головой, целуя снова и снова. Долго, жарко, бесконтрольно, что я мурлыкала от удовольствия. Он заставил меня умолять о большем. Его губы скользнули по моему животу, и я зажмурилась.

Мои руки всё еще лежали над головой, как вдруг пальцы на запястьях резко похолодели. Я попыталась пошевелиться и не смогла. Что-то удерживало меня на месте, пока Девлин проводил языком по внутренней части моего бедра.

Я дёрнулась и попыталась освободиться. Попыталась произнести его имя.

Он приподнял мои бедра к своим губам. Меня заполнило раскалённое добела удовольствие, и я услышала её смех.

Я медленно открыла глаза.

Над кроватью витал призрак и прожигал меня глазами. Его рот перекосялся в жуткой ухмылке.

Я постаралась не обращать на него внимания, но как?

Вырывая руки из хватки неизвестного, я попыталась оттолкнуть Девлина. Он поднял голову, взгляд затуманился от желания.

— В чём дело?

Они окружили нас, влекомые жаром и энергией нашей любви. Влекомые первородным актом жизни... которого им больше никогда не испытать.

Голодные и алчные, они наблюдали за нами. Подглядывали из самых тёмных углов. Согнувшись, точно горгульи на спинке кровати. Касаясь прозрачных частей тела в гротескной пародии.

В горле родился крик. Девлин тут же оказался рядом.

— Амелия? Что не так? Я сделал тебе больно? Напугал?..

Он понятия не имел об их присутствии. Но неужели он не чувствовал окружившую нас ледяную тьму? Зло, что проникло в комнату с порывом ветра?

На другом конце комнаты в кресле развалилось создание, с которым я повстречалась в саду у «Восторга». На нём были кандалы: одно сжимало запястье, другое свободно свисало с руки. Поднеся свободный конец к лицу, он многозначительно ухмыльнулся мне сквозь наручник.

Девлин коснулся моего плеча, и я отстранилась.

— Мне... надо идти.

— Что такое? Что я сделал?

Я вскочила с кровати и схватила одежду.

— Я...

Преследуема духами.

— Я должна идти!

Я слепо выбежала из комнаты, а голос Девлина преследовал меня по пятам:

— Амелия!

Позже, возвращаясь к той ночи, я никак не могла вспомнить, как оделась и покинула дом. Не будь я так потрясена, то заметила бы притаившуюся тень в углу веранды. Возможно, даже узнала бы встревоженное лицо человека, что следил за мной.

Однако я едва помнила, как добралась до дома. Я понимаю, что, должно быть, гнала по улицам, сломя голову, хотя бы потому, что я уже была дома и заперлась в своём маленьком убежище, когда Девлин догнал меня.

Он колотил в дверь, выкрикивал моё имя, но я его не впустила. Я сползла на пол, сжав колени и бесконтрольно покачиваясь из стороны в сторону, пока предупреждение моего отца стучало в моей голове.

... Убедись, что не впустила их в свою жизнь. Как только дверь откроется... её нельзя будет закрыть.

— Папá, — прошептала я. — Что же я натворила?!

Глава 38

На следующее утро меня разбудил солнечный свет и звонящий телефон. Я проснулась в своей спальне, понятия не имея, как здесь оказалась. Подробности прошлого вечера были как в тумане, а интуиция подсказывала, что лучше ничего не вспоминать.

Натянув одеяло с головой, я стала ждать, когда звонящий сдастся. У меня не осталось сил разбираться с реальным миром. Мне хотелось ещё немного поспать, но постепенно воспоминания вернулись, и мне стало очень одиноко и страшно. Мне было не с кем поговорить, не к кому обратиться. Я не могла ничего рассказать папá: не выдержала бы его взгляда. Я не могла ничего рассказать Девлину, потому что он ни за что не поймёт, как бы сильно ни пытался.

Он провёл ночь на крыльце, всего в нескольких дюймах от меня, пока я лежала, свернувшись калачиком на полу прихожей. Но с таким же успехом нас могли разделять миллионы миль. Я не могла открыть ему дверь. Я представляла, как духи кружатся у порога, точно стервятники. Пока я остаюсь в своём убежище, они меня не тронут. Покуда я не приближаюсь к Девлину, они меня не захотят.

Так я себя успокаивала. Но до сумерек я не буду знать наверняка.

В конце концов Девлин ушёл на рассвете и забрал с собой привидений. Я с трудом поднялась с пола и поплелась в спальню, где полностью одетая рухнула на кровать. Не помню, как отрубилась, но, должно быть, сон был глубокий, потому что теперь меня мучала вялость и головная боль после пересыпа.

Мне хотелось снова провалиться в сон, но я не могла валяться в кровати весь день напролёт. У меня дела, работа. Наши с Девлином жизни продолжают, просто... пути разошлись и не пересекутся, пока я не найду способ избавиться от призраков. Но даже в этом убежище мне нет спасения. Не от Девлина.

Снова зазвонил телефон. На этот раз я подняла трубку, подумав, что на другом конце провода может быть он, хотя я понятия не имела, что ему сказать. Я была не готова общаться с ним. Это я знала наверняка.

— Алло?

— Амелия? Это Итан. Вы не забыли про наше свидание?

Я резко села.

— Свидание?

— Мы собирались съездить сегодня в морг, если вы только не передумали.

Я прижала пальцы к виску.

— Мы договорились об этом вчера вечером, да? На дне рождения вашего отца?

— Да. С вами всё в порядке?

— Всего лишь небольшая слабость. Кажется, я переспала.

Пауза.

— Переспали? Сейчас почти два часа дня.

Мой взгляд метнулся к часам.

— Быть того не может!

Но неоновые-синие циферки не обманывали.

— С вами точно всё в порядке? — с тревогой спросил Итан.

— Дайте мне минуту прийти в себя.

Конечно, мне нужно было больше минуты, но какое же облегчение думать о чём-то ещё, кроме призраков. Кроме Девлина. Внезапно меня захлестнуло непреодолимое желание быть среди живых. Морг, конечно, не в списке приоритетов, но встреча с Итаном уже назначена, да и мне любопытно, что за скелет мы обнаружили в той комнате.

— Буду через двадцать минут.

— Позвоните, когда подъедете, чтобы я провёл вас в здание. И, Амелия?

— Да?

Снова пауза.

— Ничего. До встречи.

Я повесила трубку с тревожной мыслью. Сколько времени осталось до сумерек?

***

Итан вышел встретить меня у МУЮК. Пока мы спускались на лифте в морг, я чувствовала на себе его излишне испытывающий взгляд. Должно быть, Итану любопытен мой внешний вид, но джентльмены не задают бестактных вопросов. Взгляд, брошенный в зеркало после душа, подтвердил тяжкое подозрение. Глаза опухли, щёки запали. Измождённый облик жертвы призрака.

— Вы уверены, что справитесь? — спросил Итан, когда мы пошли по короткому коридору.

Я озвучила первое попавшееся оправдание.

— Мне просто немного нехорошо из-за погоды. Ничего серьёзного.

— Если у вас слабый желудок, то это место не для вас, — предупредил он.

— Нет, я справлюсь.

Легендарные слова храбрецов, после которых их никто больше не видел.

Итан открыл дверь, и нас встретил мощный поток холодного воздуха и едкий аромат антисептика, под которым скрывался гнилостный сладковатый запах смерти. Желудок тут же болезненно сжался. Итан повёл меня в раздевалку, где хранилась форма для аутопсии. Он вручил мне набор спецодежды и вышел, пока я переодевалась. Через несколько минут Итан вернулся забрать меня, и мы пошли в одну из комнат, где на столе из нержавеющей стали лежал скелет.

— Сейчас у него только номер, — сказал Итан. — Ни имени, ни лица, но мы всё-таки

кое-что о нём узнали.

— О нём?

— Форма бедренной кости указывает, что это останки мужчины.

Все остальные жертвы были женщинами. Снова почерк убийцы изменился. Если этот почерк вообще есть.

— А Девлин знает?

Итан кивнул.

— Что он на это сказал?

— Вы знаете Джона. Он немногословен.

Как ни странно, но даже здесь ощущалось присутствие Девлина.

Итан стал ходить вокруг стола, пока мы вели беседу, а я осталась стоять на одном месте, чтобы не взбунтовался желудок, хотя запах стоял не сильный, а кости были очищены и продезинфицированы. И все же это человеческие останки.

— Череп указывает, что убитый принадлежал европеоидной расе. Рост примерно пятьдесят^[36], телосложение коренастое. Молодой... лет восемнадцати-двадцати пяти. Кости ещё продолжали расти. — Итан провёл пальцем по ключице. — По выступающим бугоркам видно, что он молод. Можете потрогать, если хотите.

— Не надо. Верю на слово.

Он улыбнулся.

— Несколько зубов до сих пор в лунках, но в плохом состоянии. По ним мы не сможем установить личность.

— Сколько времени он провёл в той гробнице?

— Судя по отсутствию суставов и обгрызенных...

— Что?!

— Крысы. По прошествии времени они могут и не так ещё обглодать труп. Я нашёл следы зубов на рёбрах, тазе, запястьях и пястных костях^[37]... — Он указал на скелет. — Также в черепе виднеется дыра. По всей видимости она проделана грызунами или насекомыми, большая часть костной и хрящевой ткани сгнило. Он пробыл там минимум десять лет.

— Так долго?

— Может быть, ещё дольше.

Я мысленно подсчитала временные промежутки между преступлениями. Эфтон Делакур убили пятнадцать лет назад, этого парня — примерно лет десять, Джейн Райс — девять лет назад, а Ханну Фишер и Камиллу Эшби — менее чем несколько недель назад. Ни малейшей системы или логики. Никакой непрерывности в жертвах или методах, хотя такой разрыв мог означать, что убийца по какой-то причине бездействовал до недавнего времени. Также это могло значить, что мы нашли не все тела.

— Как думаете, всплывут ещё трупы?

— Джон, кажется, думает также.

— Как нам их искать? — пробормотала я. — С помощью электрического сопротивления и электропроводимости грунта? По георадару? На проверку каждой могилы уйдёт вечность.

— Кажется, самый простой путь — найти убийцу.

Я опустила взгляд на скелет.

— У него, должно быть, были родные, друзья. Всё это время кто-то грустил о нём.

— Должно быть.

Я смотрела на останки, и грудь словно стягивало корсетом. Этого несчастного бросили в подземелье, обрекая на вечное забвение.

— Прошлым вечером вы сказали, что обнаружили интересные детали.

— Да. Я не могу сказать кто он, зато могу описать, как он умер. Прокол в груди и порез на рёбрах указывают на раны с обеих сторон грудной клетки и ещё две в верхней части спины. В общем сложности семь основных колотых ран. Остальные могли быть нанесены в мягкую ткань, не затронув кость. Это было жестокое убийство. — Он заметил, как я поморщилась, и добавил: — Давайте обсудим менее отвратительные детали.

Я кивнула.

Он открыл чёрный пластиковый пакет и показал содержимое.

— Любопытно, но найденная с останками одежда, возможно, наша лучшая надежда на идентификацию

— Серьёзно? Я вижу лишь крошечные кусочки ткани. По ним трудно что-либо понять.

— По одежде на теле — да, но рядом с телом мы нашли ещё несколько вещей. Туфли, пояс и, что важнее всего, школьную куртку с эмблемой. Правда крысы мало что от неё оставили...

— Пойдите. — Комната завращалась. Я приложила руку к стене, чтобы не лишиться чувств. — Вы сказали «школьную куртку с эмблемой»?

— Тёмно-бордовая, с золотой литерой, возможно V или W. — Он посмотрел на меня с тревогой и закрыл пакет. — Пойдёмте подышим свежим воздухом. Вы белая как простыня.

В действительности, это была золотая W. Я знала это, потому что видела эту куртку на призраке, который таился в саду у «Восторга», и второй раз прошлой ночью, когда он злобно глянул на меня сквозь свисающие с запястий кандалы.

Глава 39

Простой поиск в Гугл привёл меня к библиотеке при старшей школе Вестбери^[38], расположенной на севере Кросстауна, в районе, который чах много лет, но сейчас находился на подъёме. Милая библиотекаря по имени Эмери Сноу проводила меня в комнату, где хранились выпускные альбомы.

— Здесь всё по 1975 год, — сказала она, проводя пальцем по бордово-золотым корешкам. — Года открытия Вестбери.

Раз по оценке Итана скелет провёл в камере как минимум десять лет, я решила использовать эту информацию как точку отсчёта и искать в обратном порядке. После нескольких альбомов яркие улыбки слились в одну. Я засомневалась, что смогу распознать лицо того призрака.

И тут я его нашла.

Его звали Клейтон Мастерсон, и при взгляде на его фотографию меня одолело наименее приятнейшее чувство. Та же усмешка, что и в саду у ресторана. Глаза горят хитростью и жестокостью. Я задрожала и обернулась через плечо, чтобы проверить не подкрался ли ко мне кто-то... или что-то.

Слава Богу, никого. Эмери что-то напевала за столом. Её близость, её нормальность, меня успокоили.

Я перевела взгляд обратно на фотографию и попыталась испытать что-то сродни

жалости. Его жестоко убили, молодого, а тело прятали все эти годы. Должна же я что-то чувствовать. Но ничего. Я видела одну только ненависть в глазах, которая, казалось, исходила из самых глубин души. Неудивительно, что он погиб насильственной смертью.

подавив дрожь, я понесла альбом Эмери. Библиотека была почти пуста в летний сезон, стояла полная тишина.

Я подавила желание снова обернуться и положила раскрытый альбом перед Эмери.

— Нашли то, что искали? — спросила она. Я рассказала ей самую малость о цели своих поисков: только то, что пытаюсь найти бывшего ученика, который исчез более десяти лет тому назад.

— Кажется, да. Мне любопытно, не осталось ли поблизости тех, кто знал его по школе.

— Я сама выпускница Вестбери. В зависимости от года... — Она развернула альбом к себе и посмотрела на обложку. — В том году я училась в десятом. Школа тогда была совсем маленькая, так что, возможно, я вам помогу. Только я вынуждена сказать, что ничего не слышала про пропавшего школьника.

Я указала на фотографию Клейтона Мастерсона.

— Вы его помните?

Она отшатнулась точно также, как и я.

— Смутно. Он на несколько лет старше меня, но, кажется, был замешан в каком-то скандале. Тётя как-то раз о нём упоминала. Что-то про арест, кажется. Они с матерью жили по соседству.

— Как думаете, ваша тётя захочет со мной поговорить?

Эмери улыбнулась.

— О, Тула готова чесать языком о ком угодно. Секрет в том, как заставить её замолчать.

***

Тула Маккей ждала меня на веранде своего крошечного коттеджа в ремесленном стиле^[39] в Хагере. Как и предсказывала племянница, Тула начала говорить с той самой минутой, как я к ней подошла, и не останавливалась передохнуть, пока не провела меня в дом через крохотный коридор на солнечную жёлтую кухню, где предложила чашку сладкого чая и печенье. Я приняла угощение, потому что в доме было довольно тепло, да и так можно было занять руки.

В конце концов Тула села напротив меня у алькова с окном и стала смотреть своими ярко-птичьими любопытными глазами, как я потягиваю чай.

— Эмери сказала, что вы ищете сына Матерсонов.

— Я скорее ищу не его самого, а пытаюсь выяснить, что с ним произошло, — объяснила я. — Я не могу больше ничего добавить, но любые ваши слова станут мне посильной помощью.

Она убрала седые прядки за уши.

— Он жил с матерью через несколько домов от меня, в синем двухэтажном доме на углу. Я прекрасно помню этого пацанёнка, и все воспоминания о нём плохие.

— Можно поподробнее?

— Он был хулиганом. Худшим из всех. И я не про обычную детскую жестокость. Нет, он был настоящим садистом, так что его боялась собственная мать.

— Можете описать его внешность?

— Средний рост и, я бы сказала, плотное телосложение. Не толстое, заметьте, а крепко мускулистое. Широкие плечи, большие руки. Ладонь, как два окорока. Казалось, он сможет остановить машину голыми руками, если бы захотел. Он играл в футбол, но оказался слишком жестоким даже для него. Так сильно избил другого ребёнка, что тренеру пришлось выгнать его из команды. Уверена, из-за этого он и слетел с катушек. Спорт — единственное, чем он гордился. Он всегда ходил в спортивной куртке, даже в тёплую погоду.

— Вы сказали, он был хулиганом. Что именно он сделал?

— Он убил мою Изабеллу. — Она вцепилась в ворот своего домашнего платья в синий цветочек. — Прелестнейшую персидскую кошку с белой шерстью и мягким нравом. Она была домашней кошечкой, но как-то раз выбралась на улицу и пропала. Я обошла район сотню раз, прежде чем нашла её повешенной на собственном заднем дворе. Он подвесил её, точно оленя для свежевания.

Меня замутило от этой картины. Подвесил её... точно как Ханну Фишер и Эфтон Делакур. Но на момент убийства Ханны Клейтон Мастерсон был мёртв уже много лет. Её жестоко убили, а тело оставили гнить под мавзолеем.

— Он пытал бедную кошку... — Тула осеклась, глаза застлали слёзы, и она поднесла платок к носу. — Я так и не оправилась от этого зрелища. Стоит мне выйти во двор, как я вижу на том дереве повешенную Изабеллу.

Я пробормотала несколько слов утешения и дала ей время успокоится, сама пока переваривая услышанное. Чем больше я узнавала, тем более чувствовала себя сбитой с толку. Кто мог продолжить дело Клейтона?

— Как вы поняли, что это его рук дело?

— Ему хватило наглости этим хвастаться, — зло ответила Тула. — Затем он убил пекинесов Миртл Уилсон. Подвесил точно также как Изабеллу. Он убивал и других животных. Белок, кроликов, даже опоссумов. Мне стало ненавистно выходить на улицу, потому что не знаешь, кого могли подвесить на этот раз.

Я задрожала от гротескной картины.

— А полицию вы вызывали?

— Мальчик был слишком умён, чтобы попасться. В юном возрасте он уже знал, как замечать следы. А когда он вырос, люди стали бояться звонить властям, боясь, что он подожжёт их дом и они сгорят заживо во сне. А затем пропала девочка в Холстеде. Приехали детективы, и его увезли на допрос. Доказательств его причастности к её исчезновению так и не нашли, но, видимо, обнаружили что-то иное. Его отправили в колонию для несовершеннолетних преступников. А может, и в психиатрическую больницу. Его мама переехала, как только он исчез. Ни её, ни его я больше не видела. Да и того ребятёнка тоже, если подумать.

— Того ребятёнка?

Её лицо смягчилось.

— Это был тихий худенький малыш. Его мама арендовала дом в нескольких кварталах отсюда. Насколько я знаю, мать из неё была никудышная. Поговаривали, что она алкоголичка. Вечно приводила странных мужиков в свой дом. Какой пример она подавала сыну. У него не было шансов на нормальное детство. Я часто видела, как он часами шатается по улицам или сидит в одиночестве на крыльце. Наверное, поэтому он и связался с Клейтоном Мастерсоном. Бедняжка был так одинок. Эти двое стали неразлучны, но мне не

кажется, что мальчик участвовал в убийствах животных. По крайней мере, не по своей воле.

— Что значит не по своей воле?

Она поддалась вперёд, взгляд затуманился.

— У речки был пустырь. Дети там частенько играли. Один из соседских ребяташек как-то сказал, что видел Клейтона и того мальчонка в подлеске. Клейтон подвесил старого шелудивого пса и пытался заставить «друга» убить собаку. Тот отказался, и тогда Клейтон связал их запястья и вложил нож в руку. Заставил погрузить лезвие в сердце бедного животного. — Она откинулась на спинку стула, сжав рукой горло. — Можете себе такое представить? Знаете, как я зову таких выродков? Прирождёнными убийцами, вот как.

Я боялась, что она могла оказаться права.

— А как звали второго мальчика?

— Я не знаю. Они с матерью практически ни с кем не общались. До меня доходили слухи, что она из благопристойной семьи, но от неё отреклись много лет назад. — Тула задумчиво нахмурилась. — Поговаривали, что она из Делакуров. Но знаете, что люди только не болтают.

***

На обратном пути от дома Тулы Маккей первым делом мне захотелось позвонить Девлину. Я совершила важную находку, но рассказать об этом непросто. Как объяснить, что призрак Клейтона Мастерсона и куртка с эмблемой привели меня к нему?

Нужно всё тщательно обдумать, а пока съезжу к Тому Геррити. Это он отправил меня к Итану Шоу. Очевидно, что он с самого начала знал, что именно я выясню.

С помощью телефона я пробила адрес «Геррити Инвестигейшнс». Офис находился к северу от Калхуна, недалеко от моего нынешнего местоположения. Район когда-то был спальным, но большинство первоначальных построек давно переделали в квартиры и офисы, либо снесли, чтобы освободить место под уродливые кирпички, в которых располагались различные предприятия.

Подъехав к обочине, я стала высматривать нужный дом. Офис Геррити располагался в одном из ветхий зданий, старом дощатом доме в чарльстонском стиле с просевшим крыльцом и облупившейся краской. Никакого сада, лишь разросшийся кустарник и некошеные месяцами сорняки.

Выйдя из машины на покрытую трещинами пешеходную дорожку, я снова осмотрелась. После разговора с Тулой Маккей я не могла отделаться от ощущения фатума: чтобы я ни сделала, куда бы ни пошла, мне суждено столкнуться с убийцей.

Дверь была открыта, и я вошла в некогда элегантное фойе. Ныне запущенная комната с поношенной мебелью: золотым бархатным креслом, изъеденным молью ковром и провисшими жалюзи — служила приёмной нескольким сомнительным конторам. Найдя имя Геррити и номер на ряде почтовых ящиков, я поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и увидела нужную дверь в конце длинного полутёмного коридора.

Она была широко раскрыта, но в кабинете никого не оказалось. Я остановилась на пороге и огляделась. Как и всё здание, кабинет знавал лучшие времена. Лицом к двери стоял старый металлический стол. Из остальной мебели были лишь ветхий шкаф для документов и столь же ветхая пара пластиковых стульев.

Больше ничего. Видимо, из этой комнаты и состоял весь «Геррити Инвестигейшнс».

Проверив что в коридоре никого нет, я подошла к столу и рассмотрела разбросанные

предметы. Ручки, сломанные карандаши, жёлтый блокнот, степлер, скрепки — ничего особенного.

Снаружи раздался скрип шагов, и я поспешила обратно к двери. По коридору шёл мужчина, но это был не Геррити. Примерно одного возраста, но незнакомец был белым, на несколько дюймов ниже и на несколько фунтов тяжелее Геррити.

Я метнулась обратно к столу и вновь всё осмотрела. Единственной личной вещью оказалась фотография кадетов на выпускном. Стоило мне рассмотреть лица, как по телу пробежала сладостная дрожь открытия. Я узнала Тома Геррити и Девлина. И с опозданием... мужчину, которого только что увидела в коридоре.

Почувствовав его присутствие в комнате, я развернулась и увидела его в дверном проёме. Он засунул руку под куртку цвета хаки, словно хотел достать оружие.

— Что, по-вашему, вы сейчас делаете? — прорычал он.

Я быстро поставила фотографию обратно на стол и попяtilась, подняв руки вверх, в манере, которую, как я надеялась, он не сочтёт угрожающей.

— Я ищу Тома Геррити. У меня есть для него информация.

У него взлетели брови на лоб.

— И что это за информация, можно полюбопытствовать?

Я сильно нервничала, но если кто и знает, как скрывать страх, то это я.

— Вы его коллега?

— Можно и так сказать.

Он опустил руку и медленно прошёл в кабинет.

По всей видимости, он решил не стрелять, и мне стало немного легче.

— Вы случайно не знаете, как мне отыскать мистера Геррити?

— Вы смотрите прямо на него.

Я уставилась на него в недоумении.

— Простите. Я ищу Тома Геррити.

— Я и есть Том Геррити. Паспорт вроде не менял.

Однако этот мужчина был ни на капли не похож на того Тома Геррити. Может ли в Чарльстоне найтись два частных детектива с одинаковым именем и фамилией?

Я обернулась посмотреть на фотографию, и меня снова накрыло ощущение фатума.

— Мать Ханны Фишер нанимала вас найти дочь? — медленно спросила я.

— Это частная информация. Пока вы не захотите признаться, зачем вы здесь, нам вряд ли есть о чём говорить.

— Я работаю с Джоном Девлином над делом Ханны. — Взгляд ненадолго упал на фотографию. — Как понимаю, вы его знаете.

У меня побежали мурашки от его презрительной усмешки.

— О, я прекрасно его знаю. Кто он вам?

Мне не понравился ни его взгляд, ни как он произнёс имя Девлина, но я проявила осторожность и скрыла своё отвращение. Я не хотела его раздражать. По крайней мере, сейчас.

— Я же сказала вам, что мы с детективом Девлином работаем над одним делом.

— Вы не полицейская.

— Нет. Я консультант.

Его взгляд был красноречивее всяких слов.

— Так какая у вас для меня информация?

— Боюсь, произошло недоразумение. Я ищу вот этого человека.

Я взяла фотографию и указала на мужчину, который выдал себя за Геррити.

Его глаза яростно заблестели, он угрожающе сделал шаг в мою сторону.

— Это что... больная шутка?

Я осталась стоять на своём.

— Нет, что вы. Как я уже сказала, похоже произошло недоразумение...

Он выхватил у меня фотографию и положил лицом на стол, словно я оскорбила его тем, что посмотрела и коснулась этого снимка.

— Понятия не имею, кто вы и чего добиваетесь, но передайте Девлину, чтобы он дважды подумал, прежде чем в следующий раз отправить кого-то рыскать в моём кабинете. Я не стану заморачиваться и подавать жалобу. Я разберусь с проблемой лично. А что касается вас... — Он угрожающе сощурил глаза. — Желаете отыскать Роберта Фремонта? Отправляйтесь на кладбище «Ручей под мостом» в Беркли.

— Роберта Фремонта?

Где я слышала это имя? Тут я вспомнила. Роберт Фремонт был полицейским, его убили при исполнении служебных обязанностей. Я пообещала Геррити (точнее человеку, которой выдал себя за Геррити) уделить его могиле особое внимание.

На спине выступил ледяной пот.

Как я раньше не поняла? Это же было так очевидно.

Фремонт мёртв, а я стала его проводником... между миром живых и мёртвых.

Глава 40

Я целую вечность просидела в машине, прежде чем завела мотор и выехала с парковки. Руки дрожали так сильно, что я не доверяла самой себе.

Как я не опознала в нём призрака?

Как не почувствовала холодное дыхание смерти на затылке? Дрожь, вызванную его потусторонним присутствием?

Призрак вошёл в мою жизнь, выдав себя за живого, и я не знала, что делать с подобным вторжением.

Я посмотрела на небо. Солнце всё ещё ярко сияло, хотя и начало свой медленный путь за горизонт. Через несколько часов опустятся сумерки. Свет угаснет, завеса истончится, и в наш мир проникнут духи. А у меня не осталось ни малейшей защиты, за исключением стен собственного дома.

Я добралась до дома и заперлась на замок. Задвижка, само собой, призраков не остановит, но я беспокоилась по поводу убийцы.

Как я до этого докатилась?

Стараясь побороть нервную дрожь, я сделала чашку чая и прошла по тихому пустому дому, ощущая невообразимое одиночество. Неужели это моё будущее? Стать затворницей, оградив себя от духов?

Я подумала о Девлине. Где он сейчас? За весь день он так мне и не позвонил, но... кто будет его в этом винить? В его глазах я просто оттолкнула его и убежала точно полоумная. Он преследовал меня до дома, умолял объясниться, но я не открыла дверь.

Пока я упивалась жалостью к самой себе, то начисто забыла про Клейтона Мастерсона. Это стало роковой ошибкой.

Я подошла посмотреть в окно, выходящее на улицу, как вдруг при повороте у меня закружилась голова. Я споткнулась и разлила чай. В доме было совершенно тихо, поэтому не знаю с чего, но в тот момент я решила посмотреть наверх. Там, на лестнице, стоял Даниэль Микин и смотрел на меня робкой настороженной тенью. За ним зияла распахнутая дверь, отделявшая мои апартаменты от второго этажа.

И тут до меня дошло: Мейкон Доуз ведь говорил в саду, что берёт отпуск на три дня, а я две ночи назад слышала шаги наверху. Кто-то проник в дом и расхаживал по второму этажу всю ночь. Ослабил болты и открыл дверь.

Я пыталась усиленно моргать, чтобы сфокусировать зрение. Но комната закружилась перед глазами, и я ухватилась за стену.

— Что вы здесь делаете?

Он не кинулся на меня, а опустил на корточки.

Я понимала, что должна была развернуться и броситься бежать через парадную дверь. Выход находился всего в нескольких шагах, но я не могла пошевелиться. Взгляд упал на пролитый чай. В него что-то подмешали?

Я подняла голову с усилием.

— Что?..

— Успокоительное и мышечный релаксант. Ничего серьёзного, — услужливо ответил Даниэль. — Наверное, тебе лучше присесть.

Я не хотела ему подчиняться, но у меня не осталось выбора. Колени подогнулись, и я рухнула на пол.

— О боже, — пробормотал он, спеша ко мне. — Подействовало быстрее, чем я ожидал.

Я попыталась встать, но он положил руки мне на плечи и надавил.

— Приляг, а то ненароком поранишься. Хотя ты вряд ли сможешь пошевелиться.

Он был прав. Руки и ноги стали ватными.

Я легла на пол, стараясь остановить вращающийся потолок.

— Вот так. Дай я тебе помогу.

Он суетливо вытер лужицу от чая, взял подушку с кушетки и аккуратно положил мне под голову.

— Так лучше?

— Зачем? — попыталась прошептать я, но голос прозвучал хрипло и искажённо.

Но кажется он понял вопрос. Тяжело вздохнув, Микин присел рядом и положил голову на колени.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно я всё это ненавижу. Ты одна из немногих, кто увидел меня... настоящего. Но ты ведь увидела и его?

Я беспомощно покачала головой и попыталась ответить.

— Ш-ш-ш. Всё хорошо. Я всё знаю про тебя. Про твою способность.

Как это возможно? Только если...

Я вспомнила, как Тула Маккей описывала второго мальчика:

...это был тихий худенький малыш. Я часто видела, как он часами шатается по улицам или сидит в одиночестве на крыльце. Наверное, поэтому он и связался с Клейтоном Мастерсоном. Бедняжка был так одинок.

Взгляд упал на запястье Микина. Рукав скрывал его шрамы, но я помнила их, неровные перекрёстные линии агонии.

Клейтон связал их запястья и вложил нож в руку. Он заставил его вонзить лезвие в

сердце несчастной собаки.

Прошлой ночью на призраке Клейтона Мастерсона были кандалы. Один конец крепился к его запястью, а другой болтался свободно... потому что Даниэль ждал его во дворе. Силуэт, что я увидела на крыльце...

Даниэль начал раскачиваться назад-вперёд, напевая под нос. Он положил щёку на колени и посмотрел на меня.

— Знаешь, почему этот дом для тебя безопасен?

Я снова покачала головой.

— Раньше здесь находился детский приют, а на месте дома стояла церковь. В конце концов, сирот стало так много, что их решили переселить за город. Однако в 1907 году приют сгорел, и в огне погибло множество детей.

«Ангелы, — подумала я. — Ангелы папá защищают этот дом».

Неудивительно, что здесь я ощущала умиротворение. До сегодняшнего дня...

Микин поднял голову и огляделся.

— Я понял, что это место особенное, стоило мне переступить его порог. Ты счастливица, раз нашла этот дом. Хотя я не верю, что дело в удачливости. У всего своя причина. Зачем тебя отправили на «Дубовую рощу», как не освободить меня?

— Как... долго?..

— Как долго я за тобой слежу? С вечера в «Восторге». Я приходил сюда, чтобы изучить тебя. Мне нужно было узнать твои слабости, твой распорядок дня. Как лучше к тебе подобраться. Это было легко, потому что у твоего соседа такой хаотичный график. А когда он взял отпуск, я подумал, что могу здесь поселиться. Вдруг я тоже буду здесь в безопасности. Но это всего лишь временная отсрочка. Есть только один способ избавиться от него навсегда.

Он нежно провёл пальцами по моим векам.

— Знаешь, а я видел твоё лицо тем вечером, когда ты заметила призрак Клейтона в саду. Никто бы не обратил внимания на твой взгляд, но я понял. Я понял.

Он снова стал раскачиваться.

— Все эти годы его никто не видел. Не представляешь, как мне было одиноко.

— Ты... ошибаешься...

Он положил руку мне на плечо в знак сожаления.

— Прости. Я перебую тебя. Наверное, ты единственная в целом мире, кто может понять, с чем мне приходится жить.

Я услышала благоговение и печаль в его голове.

Его глаза наполнились слезами.

— Знаешь, ты не сможешь от них избавиться.

— Я... знаю.

— Как бы сильно я ни резал, я не мог от него избавиться. А потом я увидел тебя в «Восторге» и понял, что надежда ещё есть. Я приехал домой после ресторана и стал думать, как положить всему конец. Понадобилось время и осторожность, чтобы Клейтон не успел ни о чём догадаться. Я понимал, что он попытается найти способ остановить меня, но на этот раз я его перехитрил. Я закончил последнюю книгу, привёл дела в порядок и оставил подсказки, чтобы полиция смогла найти трупы. Я не мог оставить их на своей совести. Я старался организовать большинству достойные похороны и отнестись к ним с должным уважением, но это не всегда было возможно...

— Как... много?

Он закрыл глаза и пожал плечами.

— Не знаю. Я потерял им счёт. Старался подойти к выбору рассудительно... выбирал лишь несчастные души, которые нуждались в освобождении. Остальное творил Клейтон. Эти кандалы, пытки... — Он произнёс последнее слово шёпотом. — Мне хватило глупости думать, что я смогу остановить его, когда он был ещё молод. Я был счастлив, когда его увела полиция, я словно переродился, но в конце концов он получил свободу и появился в Эмерсоне. Он рассказал мне, какая участь постигла мою кузину Эфтон... он несколько лет планировал её убийство, лишь чтобы поиздеваться надо мной, досадить... я понял, что должен придумать, как положить этому конец. Он никогда бы не оставил меня в покое.

— Ты...

— Да, я убил его, и все эти годы его призрак меня преследовал. Заставляя продолжать убивать. — Он посмотрел на меня измученным одержимым взглядом. — Ты и представить не можешь, что он заставлял меня делать. Эти бедняжки...

Он продолжил раскачиваться с закрытыми глазами.

— Снова и снова я пытался положить этому конец... забрать свою жизнь, но он всегда находил способ остановить меня. И в один день я понял, что даже если смогу убить себя, он будет ждать меня на той стороне... привязав к себе на веки вечные...

Его дыхание прервал короткий всхлип, и несмотря ни на что мне стало его жалко, так как я поняла, что он говорил правду. Призрак Клейтона довёл его до безумия.

Он шмыгнул носом и вытер глаза.

— Но теперь всё хорошо. Я знаю, как положить этому конец. Последнее препятствие устранено.

— Камилла?..

Он судорожно вздохнул.

— Я не хотел. Если бы у меня только был выбор...

Это он убил Камиллу, не Клейтон. Хочет он в это верить или нет — в его сердце живёт монстр.

— Мне показалось, что в тот день ты что-то сфотографировала, но угрозой была не ты, а Камилла. Она увидела, как я возвращался тем вечером с «Дубовой рощи». Я сказал, что занимался исследованиями для книги, но — горе от ума — она начала задавать вопросы. Если бы она только повременила, это было бы неважно. Она смогла бы обратиться в полицию, сказать, что подозревает меня, и я освободился бы от Клейтона навсегда.

— Как?..

— Разрешив ему преследовать тебя, Амелия.

По спине пробежала ледяная дрожь.

— Но после сегодняшней ночи это уже будет неважно, — грустно повторил он.

И тогда я всё поняла. Как только призрак Клейтона станет преследовать меня, Даниэль покончит с собой. Только так он сможет освободиться от своего духа. Навсегда.

— А теперь спи, — мягко сказал он. — Скоро всё будет кончено.

Глава 41

Я проснулась со вкусом рвоты во рту и запахом гнили в носу. Я лежала на чём-то грубом и холодном. Попыталась приподнять голову, как что-то резануло щёку. К горлу подкатила

желчь, и меня вывернуло наизнанку.

Рухнув на пол, я осталась лежать совершенно неподвижно, пока в голове не прояснилось. Постепенно возвращались обрывки воспоминаний. В моём доме был Даниэль Микин. Он признался в убийстве Клейтона Мастерсона. Что Итан сказал про убийцу? Как минимум семь колотых ран. Это было жестокое и хладнокровное убийство.

Он попытался освободиться от своего мучителя только чтобы выяснить, что привязан к его духу. Теперь он намеревался переманить Клейтона на меня.

Медленно поднявшись на ноги, я пошла вперёд, пока не нащупала стену. Она была влажной и скользкой, как в камере под «Дубовой рощей».

Я нагнулась и провела рукой по карману, с удивлением осознав, что сотовый остался у меня. Почему он не забрал его? Сигнал отсутствовал, так что я никак не могла позвать на помощь. По крайней мере, дисплей давал хоть какой-то свет, и, возможно, для этого мне его и оставили. Кажется, Микин хотел, чтобы я вспоминала его добрыми словами. Ему было важно, чтобы я поняла его мотивацию.

Я поняла, но не могла смириться или простить его.

Подняв телефон, я осмотрела свою тюрьму. Старые кирпичные стены. Толстые нити паутины. Кажется, я глубоко-глубоко под землёй, в неоткрытой части туннеля, но в отличие от прошлого раза я не увидела ни входа, ни двери, ни выхода. Сплошной кирпич.

Как такое возможно? Он принёс меня сюда. Должен быть выход.

Если только он не замуровал стены...

Крик застрял в моём горле, но я не поддавалась страху. Мне нельзя паниковать. Я не могу потерять самообладание, иначе буду обречена.

Я несколько раз обошла комнату, продираясь сквозь липкую паутину и ощупывая кирпичи, пока пальцы не стёрлись до крови.

Обессилив, я опустилась на пол и закрыла лицо руками. Кто будет искать меня в таком месте? Я сидела и чувствовала холодное присутствие. Что-то дотронулось до моих волос, пробежалось по шее. Потянуло за руку...

Я в страхе подняла голову и посветила телефоном, но ничего не увидела во мраке.

Клейтон? Меня накрыл ужас. Я вжалась в стену и стала вглядываться в темноту широко раскрытыми глазами.

Спустя несколько секунд холод исчез, и я сказала себе, что мне померещилось. Это всё побочные эффекты лекарств, подмешанных в чай. Должно быть, Микин давно за мной следил, раз знал о моей привычке пить чай по возвращении домой. Возможно, он понаделал глазков в квартире.

Я задрожала и обняла себя. Мне было холодно, страшно и очень одиноко. Я подумала о мамá, папá и Девлине. Обо всех моих любимых. Увижу ли я их когда-нибудь?

Должно быть, в какой-то момент я задремала, потому что увидела себя бегущей по бесконечному туннелю. Руки тянулись из стен, желая схватить меня. Я бежала через комнаты с подвешенными трупами, а призраки плыли за мной по пятам. Однако где-то вдалеке, всегда прямо за мной, я слышала голос Девлина.

Сюда! Быстрее!

Однако вёл меня не Девлин. Это была Шани.

Она тянула меня за руку, упрашивая поторопиться. Затем, прямо перед нами, я увидела призрак Роберта Фремонта. Он парил за подвешенными трупами и ждал нас. Как только мы подошли к нему, он повернулся и исчез сквозь стену.

Позади раздавались шаги и грохот цепей. Прорываясь сквозь паутину, я закрыла глаза и последовала за Фремонтом через стену. Посмотрела на руку. Шани не было. По какой-то причине она не прошла со мной. Я хотела вернуться за ней, но стена стала твёрдой. Я потеряла её...

Я проснулась и огляделась. Я была одна, но на мгновение их присутствие ощущалось так сильно...

Поднявшись за ноги, я подошла к стене, через которую во сне исчез Фремонт. Подняла сотовый и тщательно исследовала каждый дюйм, находя лишь один плохо скреплённый кирпич.

И затем я увидела его. Выход.

Если муха привели меня и Девлина к первой тайной комнате, то другая показала мне путь из этой.

Я бы ни за что не заметила трещину в стене, если бы не переливчатый отблеск мухи, проскользнувшей через крошечное отверстие в извести. Я провела по трещине пальцем.

Это была своего рода дверь, идеально заложенная кирпичами. Отложив телефон в сторону, я надавила обеими руками, а затем упёрлась плечом. В конце концов, я упала на пол и стала пинать стену со всей силы, пока не выпали кирпичи, освобождая путь в другую комнату.

Меня окатило запахом гниения наряду с чёрной тучей жужжащих мух.

Они облепили руки, лицо, губы. Я смахнула их и, натянув футболку на рот и нос, медленно подошла к дыре со светом. Запах определённо шёл изнутри. Я задержала дыхание и покачнулась на пятках, дрожа от увиденного внутри.

Трупы. Тела, которые Микин не успел похоронить.

Сколько их?

Я потерял им счёт. Старался подойти к выбору рассудительно... выбирал лишь несчастные души, которые нуждались в освобождении.

Не обращая внимания на крошечные ножки в волосах, я просунула сотовый телефон в проём. Снова стены. Снова паутина. Силуэт, который, как я боялась, мог оказаться подвешенным телом.

И запах. Он был повсюду, проникая в каждую щель и отверстие, впитываясь одежду, кожу, проникая в ноздри...

Я сильнее прижала футболку к носу.

Перешагнула через проём и наступила обувью в воду. Запах стал сильнее, и я задумалась о жидкости под ногами.

Не буду об этом думать... не сейчас...

Поскользнувшись, я упала на пол с ужасающим всплеском. Вода попала на лицо, и я закричала. Я подскочила, плюясь и откашливаясь.

Стараясь шагать осторожно, я направилась в темноту.

Гул мух заполнил голову, и я была благодарная, что не могу видеть дальше тусклого свечения сотового телефона.

Я старалась идти прямо, пока не упёрлась в очередную стену. Я шарила и шарила рукой, пока наконец не наткнулась на второй вход. Мокрая и дрожащая, я перелезла через дыру, только чтобы оказаться в очередной комнате.

Когда я уже отчаялась выбраться из этого лабиринта, я перелезла через очередное отверстие в длинный узкий тоннель. Воздух здесь оказался более свежим, зловонный запах

пропал. Хотелось надеяться, что я близка к свободе.

Я замерла в болезненной нерешительности. В какую сторону пойти? И тут я услышала тяжёлый топот позади. Я не стала ждать того, кто выйдет из теней. Кто ещё это может быть, кроме Микина?

Повернув, я побежала по туннелю. Мобильный едва освещал дорогу.

Пронесясь через ещё одно отверстие, я оказалась в круглом, похожем на вольер помещении, и поняла, где именно нахожусь. Я посмотрела наверх и увидела светло-лавандовый кусочек сумеречного неба. Я была готова расплакаться от радости.

Я начала взбираться и уже почти была наверху, как услышала шаги, звук пролазившего через отверстие тела и лязг металлической лестницы. Мой преследователь шёл за мной.

Он окликнул меня по имени. Всего одно слово. Амелия. С нежной протяжностью, которую я так любила. Я взглянула в запрокинутое лицо Девлина на долю секунды, прежде чем меня схватили за запястье.

Я бы никогда не подумала, что Даниэль Микин так силён, но он протащил меня через проём, захлопнул крышку и задвинул засов, которого не было, когда мы с Девлином вылезли из колодца несколько недель тому назад.

Девлин забарабанил в дверь, и я попыталась её открыть, но Даниэль схватил меня, и я пошла на него, царапаясь, пинаясь и колотя кулаками, точно демон.

Он увернулся и полоснул лезвием ножа по моей руке. Вспыхнула жгучая боль. Брызнула кровь. Я попятилась и упала на землю.

Он стоял надо мной, но не один. С приходом сумерек сквозь завесу проскользнул призрак Клейтона Мастерсона.

Его правая рука была прикована к левой руке Микина.

Это Клейтон полоснул меня по руке...

Даниэль завыл:

— Ты можешь его видеть! Я знаю, что можешь. Тебе нужно лишь признать его существование, и всё будет кончено. Пожалуйста... пожалуйста... положи этому конец.

Но это станет концом лишь для него, но не для меня. Я не признаю его духа. Я лежала на земле, не сводя глаз с Даниэля. Кровь хлестала сквозь пальцы.

Он упал на колени с перекошенным лицом и на мгновение вступил в страшную схватку с призраком.

Я поняла, что это мой шанс, и метнулась к колодцу. Пальцы сжали засов, и я дёрнула его, как в ту же секунду надо мной навис Даниэль с поднятым ножом. Я знала, что он собирается сделать, но не Девлин. Стоило ему распахнуть дверцу и выйти из колодца, как он увидел Даниэля, который стоял рядом со мной с окровавленным ножом. Он не мог видеть Клейтона. Он не мог знать, что о битве между ними.

Он окликнул Даниэля раз, второй и выстрелил.

***

Я распласталась на земле. Кружилась голова.

Приехали парамедики. Один надавил на мою руку, остальные занялись Даниэлем, но было уже поздно. Я знала в точности до секунды, когда он умер. Я видела, как дух покинул его тело, до сих пор прикованный к Клейтону Мастерсону. Навеки вечные.

Краем глаза я уловила проблеск чёрного силуэта, выскользнувшего из леса. Один за другим, духи окружили и схватили двух призраков.

Тени больше не будут меня преследовать. Они ушли с Даниэлем Микином.

***

Кровь удалось остановить, но рану нужно было зашить. Я сидела на краю «кареты» скорой помощи, не сводя глаз с Девлина, пока не заметила знакомое лицо вдалеке. Странно, что только я обратила на него внимание, но затем вспомнила причину.

Я подошла к нему, немного покачиваясь от обезболивающих.

— Это ты был со мной внизу? Ты показал мне путь наружу. — Он и Шани спасли меня. — Почему?

Я почувствовала его ледяной взгляд сквозь солнцезащитные очки.

— Я хотел справедливости, — сказал убитый коп. — И только ты могла мне помочь.

— Амелия?

Я повернулась и увидела подошедшего Девлина. Он смотрел на меня со странным взглядом на лице.

— С кем ты разговаривала?

Я обернулась. Никого не было.

Он положил руку мне на плечо.

— Ты в порядке?

— Нет, — произнесла я с дрожью. — Но это поправимо.

Я хотела спросить, как он нашёл меня этим вечером, но в тот момент расспросы казались излишними. Должно быть, Роберт Фремонт сыграл свою роль. Я задрожала от мысли, что его призрак хотел от меня, но я побеспокоюсь об этом завтра. Сейчас я хотела насладиться моментом с Девлином.

Я положила голову ему на грудь, и он так нежно меня обнял, что захотелось расплакаться.

Но мгновение было мимолётно. Сумерки уже спустились. Его ждали призраки.

Эпилог

Прошло несколько дней, но я до сих пор не понимала, как Девлин нашёл меня тем вечером. Он сказал, что отследил мой мобильный до мавзолея, но как это у него получилось, ведь я была глубокого под землёй. Я не могла избавиться от ощущения, что это Роберт Фремонт привёл Девлина ко мне точно так же, как он и Шани вывели меня из темницы. Я в долгу перед ним, но от мысли, что он может от меня потребовать, стыла кровь в жилах.

Столько вопросов... столько загадок...

Я оставила их позади, чтобы восстановить силы у родителей. Я провела в Тринити уже неделю. В день отъезда в родные пенаты я откопала колечко в саду и поехала на кладбище Чедати, где положила его в центр сердечка из ракушек. Наверное, это был своего рода способ сказать «спасибо» или, быть может, попрощаться, хотя я чувствовала, что ещё увижу Шани.

Девлин подъехал, когда я уже уходила. Если он нашёл странным найти меня здесь, он

этого не озвучил. Я подождала его на краю кладбища. Он схватил меня за руку, когда я проходила мимо. Мы замерли на несколько бесконечных секунд: я покидая, он приходя. Попыталась вырваться, но он меня не отпустил.

— Ты хоть расскажешь, что произошло той ночью? — прожёт он меня своим взглядом. — Почему ты убежала от меня?

Я задрожала и отвернулась.

— В другой день. Но не сейчас. Наше время ещё не пришло.

Он не стал задавать вопросов, потому что знал это. Его преследуют призраки, меня терзают демоны.

Мои пальцы выскользнули из его ладони.

Я пошла обратно к машине.

В зеркале заднего вида я увидела, что он остался стоять на краю кладбища с несчастным видом, но не один. Мариама и Шани парили по бокам от него. Они — часть его, как одиночество — часть меня.

Но это не прощание. Наша история ещё не окончена.

В тот момент я ещё не могла знать, но где-то за горизонтом меня ждёт скрытая могила, и вскоре желание раскрыть папины секреты станет как никогда настойчивым.

Направляя взор на дорогу, я поехала навстречу сумраку.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

До встречи во второй книге серии?:)

Словарь кладбищенской символики^[40]

А

Агнус Дей — Агнец Божий.

Альфа и Омега — первая и последняя буквы греческого алфавита. Символизирует

начало и конец.

Ангел — духовность; хранитель могилы. Проводник в Рай. Символ святого Матфея, одного из четырех евангелистов, так как тот часто изображался как человек с крыльями.

Ангел летящий — возрождение, перерождение.

Ангел молящийся — заступник просит Бога о милосердии от имени умершего.

Ангел печальный — скорбь.

Ангел, трубящий в горн — возрождение, перерождение.

Анкх — египетский символ вечной жизни.

Арка — воссоединение с любимым на Небесах. Путь в Рай.

Арка двойная — воссоединение с любимым на Небесах.

Артиллерия — чаще всего пушки; встречается на могилах военных.

Арфа — символ восхваления бога. Часто изображается со сломанной струной, означающий обрывание земной жизни.

Б

Бабочка — символ возрождения, а также души, покидающей тело.

Баран — жертва.

Бахай — символ веры бахай, новой монистической религии.

Библия или книга — часто изображается на надгробиях министров и священников. Впрочем, иногда их можно увидеть на надгробиях очень религиозных людей. Книга также может олицетворять добрые дела человека и свершения, записанные в книгу жизни.

Буквы иудейские — надпись на иврите «Здесь покоится».

Бутона полурастущий — обычно символ подростка.

Бутона распустившийся — смерть в расцвете жизни.

Бутона розовый — ранняя смерть. Обычно на могилах детей младше двенадцати лет.

Бутона смятый — ранооборвавшаяся жизнь.

Бык — терпение, сила.

Бык с крыльями — символ святого Луки, одного из четырех евангелистов.

В

Венок — победа в смерти.

Весы — часто обозначает могилу человека юридической профессией. Иногда встречается со статуей Святого Михаила, который символизирует его долг взвешивать души усопших.

Ветвь оливковая — прощение и мир.

Ветка или бутон сломанные — олицетворяет человека, которого постигла ранняя или преждевременная смерть. Чаще всего встречаются на могилах детей.

Виноград — кровь Христова.

Винтовка — обычно встречается на могилах военных и охотников.

Ворота — проход от земли к Небесам.

Вьюнок пурпурный — символ возрождения; красота, молодость, любовь.

Г

Глаз/око — обычно заключается в треугольник или же изображается окруженным солнечными лучами. Символ масонов.

Голубь — чистота, любовь и Святой Дух.

Горн — возрождение.

Гроб — символ смертности и смерти.

Д

Дары святые — плоть и кровь Христа. Чаще всего изображается на могилах священников и монахинь.

Дельфин — спасение, проводник душ в Рай.

Дерево упавшее — смертность, смерть.

Дощечки — обычно две соединённые таблички. Символ десяти заповедей.

Драпировка — траур.

Дуб — сила.

Дуб, лист — долголетие. Дебора, посетительница сайта, сообщила мне, что в культуре американских индейцев дубовый лист изображают на могилах алгонкинов.

Ж

Желудь — власть, авторитет, победа. Часто размещается на могилах военных.

Женщина плачущая — скорбь, траур.

Женщина с крестом в руках — вера.

Женщина с якорем в руках — надежда.

Женщина, цепляющаяся за крест — как правило, это отсылка к строкам «Твердыня вечная, раскройся мне» или «просто крест, к которому я цепляюсь». Символизирует веру, человека или душу, которая потерялась в море греха, чья единственная надежда — зацепится за крест Христа (твердыню вечную).

З

Замок — американское общество инженерных войск.

Заяц — человечность, нежность, самопожертвование.

Звезда — пятиконечная звезда символизирует Вифлеемскую звезду. Шестиконечная — творение.

Звезда Давида — божественная защита.

Звезда, крест и посох — символ Белого храма Иерусалима. «In Hoc Signo Spes Mea» переводится как «в этом знаке (кресте) моя надежда». Общество для женщин, связанные через кровь, брак или законное усыновление с масонами третьей степени с хорошей репутацией. Основано в 1894 году.

Звено цепи разбитое — символ потери в семье.

Змея с яблоком — грех.

Змея, кусающая себя за хвост, — вечная жизнь на небесах, символ бесконечности.

Змея, обвинившая крест с надписью «In Hoc Signo Vinctes» — масонская медная змея, символ масонов 25-й степени.

Я также получила следующую интерпретацию от Джея Р:

«Я бы не стал приписывать символ змея, обвинившего крест с надписью «In Hoc Signo Vinctes», в первую очередь масоном. Это больше христианский символ.

И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив. (Числа 21:9)

Для христиан это предзнаменование искупительной смерти Христа на кресте.

«In Hoc Signo Vinctes» считается знаменем Бога поставить крест на боевые знамена которое явилось Константину Великому во сне, тем самым принеся ему победу и внушая мысль принять христианство официальной государственной религией Римской империи».

И

Ива плакучая — скорбь, траур. В мае 2008 года Пегги Ван прислала мне дополнительную информацию о плакучей иве:

«В первой половине 19-го века возник интерес к грекам и римлянам, потому что у них были республика, а мы строили новую демократию. Где-то до середины века огромным интересом пользовался греческий архитектурный стиль. Естественно, что это отразилось на надгробиях. Урны и плакучие ивы, как вы, наверное, знаете, были очень популярны. Урны использовались греками, чтобы хранить пепел кремнированных, но почему ива? Ну, она была символом богини подземного царства Персефоны. Кроме того, спускаясь в подземный мир, Орфей захватил с собой ветку ивы. Она, наверное, помогла ему обрести дар речи, потому что, как вы знаете, Орфей был великим поэтом».

К

Калла — красота.

Камень краеугольный с буквами NTWSSTKS — масонский краеугольный камень, знаком древнего Великого магистра. NTWSSTKS означает «Хирам, сын вдовы, посланный к царю Соломону».

Кизил — воскресение, жертва, вечная жизнь.

Кипарис — надежда.

Клюка — посох пастуха, обычно расположен на могилах независимого общества странных товарищей. Символизирует путь с земли на Небеса.

Книга — вера, мудрость.

Книга открытая — книга жизни.

Кобра — смерть (египетское влияние).

Колесо — символ круговорота жизни, просветления, духовной силы.

Колесо сломанное — окончание жизни; нарушения цикла или круговорота жизни.

Колибри — часто изображается на могилах детей. Чаще всего просто в декоративных целях.

Колокол — чаще всего церковный, символ религии.

Колокола и голуби — брак.

Колокольчик — признательность.

Колонна — благородная жизнь. Смертность. Драпированная или сломанная колонна символизирует переход от земной жизни к небесной. Драпированные арки также символизируют траур.

Колонна сломанная — ранняя смерть.

Кольцо — брак.

Кольцо сломанное — семейный круг был разорван.

Корабль — обычно корабли встречаются на могилах моряков. Часто встречаются на могилах погибших в море. Иногда символизирует Ноев ковчег, корабль, который несмотря ни на что выдержал бурю.

Корона — награда и слава. Победа или триумф над смертью. Подвиг души, слава жизни небесной.

Коса — жатва жизни.

Кости — смерть, разложение.

Крест — символ христианства.

Крест ветерана — ветеран Методистской церкви.

Крест восточный — символ русско-православной, греческо-православной и греческо-католических церквей.

Верхняя перекладина — доска, к которой была прибита табличка.

Средняя перекладина — доска, к которой были прибиты руки Господа.

Нижняя перекладина — подножие.

Дерек Р., посетитель сайта, прислал мне следующую информацию об этом символе:

«В России крест в форме буквы «X» называют Андреевским. Кресты с прямой перекладиной над крестом (всего три прямых и одна наклонная перекладина) представляют собой крест Святого Петра^[41]».

Андрей Г., посетитель сайта, прислал мне следующую информацию об этом символе:

«Я бы хотел добавить, что если у православного креста есть крыша это означает, что погибший был «старовером». Такая крыша символизирует новый дом для души мертвых (эта крыша называется «голубец»). Староверы всегда используют крест с восемью концами, так как считают, что эта форма является старейшей и совершенной (считая, что четырёхконечный крест пришел из каталитической церкви). Староверы предпочитали довольно высокие кресты».

Крест и корона — символ победы и христианства. Иногда символ встречается на могилах членов Йоркского устава масонов.

Крест как IHS — иногда похоже на знак доллара. IHS означает первые три буквы имени Иисуса в греческом алфавите.

Вот еще одно значение IHS, озвученное Джимом Миллером:

«Этот символ также читается как «in hoc signo», что переводится с латыни как «с этим знаком (крестом) победишь». На самом употреблении этого символа еще шире, и, вполне возможно, используется разными братствами»

Ссылка на Википедию: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сим_победиши!

Крест, якорь и Библия — испытание, победа, награда.

Круг — вечная жизнь, символ бесконечности.

Кубок — причастие.

Кувшин — часто встречается на могилах странников трезвенности. Олицетворяет силу и контроль.

Если кувшин изображен на еврейской могиле, то символизирует левита, человека, который омывал руки священнослужителям.

Л

Лавр — победа, слава. Лавр также символизирует вечную память об умершем.

Ладони — связь и сотрудничество.

Ладони когэна — специальная фигура ладонями, где большие (а иногда и указательные) пальцы касаются друг друга. Еврейский символ потомков Аарона.

Ладони тянущиеся — обычно это длань Бога, тянущаяся с Небес, и рука умершего, тянущаяся ему навстречу.

Ладони, сложенные для молитвы — благочестивая преданность.

Ладонь, сжимающая перо — записывает имена в книгу жизни. Также можно увидеть на могилах писателей.

Ладонь, указывающая вверх — ладонь указывает на Небеса.

Ладонь, указывающая вниз — длань Бога, указывающая на нас с Небес.

Ландыш — вечная память об умершем.

Ласточка — символ материнства, дух детей или символ утешения.

Лев — сила, воскресение.

Лев с крыльями — символ святого Марка, одного из четырёх евангелистов.

Летучие мыши — загробный мир (редкий символ).

Лилия — чистота и воскресение.

Лилия белая — чистота, целомудрие. Мария, посетительница сайта, поделилась со мной следующей информацией:

«Лилии используют на могилах молодых мучениц, умерших, но сохранивших девственность и чистоту. Иногда это просто символ молодости и добродетели, но иногда символ мученической смерти».

Шари Г. также поделилась следующей информацией об этом символе:

«Я просто хотела добавить, что лилия, как символ девственности, как правило, ассоциируется с Девой Марией. На иконах Благовещения Пресвятой Богородицы и Марии с младенцем Иисусом, часто изображается лилия, как подтверждение христианской веры в ее невинность».

Лира — часто изображается со сломанной струной, символ конца жизни. Обычно используются на могилах музыкантов.

Лицо с крыльями — символ летящей души (обычно в Рай); иногда изображение погибшей души.

Лодка — путешествие, путь в загробный мир.

Лотос — символ создания и перерождения. Часто изображается на надгробиях и мавзолеях в египетском стиле.

Лошадь — смерть. Белая лошадь воплощает добро, черная — зло.

Луна — перерождение. Полумесяц и звезда также являются символом ислама.

Луна с семью звездами, буква «R» и голубь — символ «Дочерей Ребекки», женского аналога независимого общества странных товарищей.

Лучи солнечные с звездой и крестом, Monstrat Viam — символ первого кадетского корпуса, ныне 211-й батальона военной полиции. «Monstrat Viam» на латыни означает «указывать путь».

М

Мак — вечный сон.

Маргаритка — невинность; чаще всего изображается на могилах детей.

Маска со смеющимся или печальным лицом — символ пьес и театра. Также известны как театральные маски.

Мастерок — символ смертности и смерти. Также используется как масонский символ; мастерок используется для распространения цемента дружбы и братской любви.

Менора — золотой семиствольный светильник, еврейский символ. Обычно изображается на могиле праведной женщины.

Меч — мечи представляют собой мученичество. Скрещенные мечи часто можно увидеть на надгробиях ветеранов, чаще всего офицеров.

Меч сломанный — оборванная жизнь.

Меч, полумесяц и сфинкс — символ Shriners (древнего арабского ордена дворян тайного святилища). Группа была основана в 1872 году. К ней можно присоединиться, достигнув третьей степени — мастер-масон.

Мечи скрещенные — жизнь, потерянная в битве.

Молот — символ силы созидания. Также знак профессии умершего.

Н

Наковальня — символ создания или выковывания вселенной. Встречается на могилах кузнецов.

Нота — обычно изображается на могилах музыкантов. Нота может быть взята из песни, написанной музыкантом, или любимой мелодии умершего.

О

Облака — символ божественной обители, Рая.

Олень — охотник.

Орел — часто встречается на могилах ветеранов гражданской войны. Святой Иоанн, один из четырех евангелистов, часто изображался в образе орла.

Орел двуглавый — символ масонов, часть Шотландского устава. Символ 32-й ступени устава.

Орел с буквами FFC — символ патриотической организации «Совершенного общества красных». Их девиз: «Свобода, дружба, благотворительность».

Орел с буквами FOE — символ общества орлов.

Орел с буквами TOTE — символ патриотической организации «Совершенного

общества красных». ТОТЕ — тотем орла.

Отец-время и плачущая Богородица — масонской орнамент. Плачущая дева держит веточку акации в одной руке и урну с прахом в другой. Перед ней сломанная колонна. За ней отец-время, он пытается распутать ее локоны. Это символ времени, терпения и упорства.

П

Павлин — вечная жизнь.

Палитра и кисти — обычно находятся на могилах художников.

Пальма, дерево или лист — мученичество. Победа над смертью.

Папоротник — человечность и искренность.

Пассифлора — символ страстей Христовых.

Петух — пробуждение, мужество и бдительность.

Печать Огайо — официальная печать штата Огайо.

Пианино — чаще всего встречается на могилах тех, кто в жизни любил играть на этом инструменте.

Пирамида — символ возрождения, вечной жизни, просвещения, духовного постижения.

Пламя или факел — вечная жизнь. Перевернутый светильник символизирует конец жизни.

Плуг — урожай, жатва жизни.

Плющ — верность, память и вечная дружба.

Подкова — защита от зла.

Подсолнух — посвящение себя богу.

Подушка — смертный одр, вечный сон.

Полумесяц — символ ислама.

Портрет — чаще всего изображение умершего.

Посох, обвитый двумя змеями — кадуцей, короткий жезл глашатаев, который обвивает две змеи в виде двойной спирали. Обычно символизирует работника медицинской профессии. Хотя на самом деле это символ посланников и торговцев. Фактическим символ лечебного искусства является посох Асклепия. По всей видимости, из-за того, что кадуцей размещался на военно-медицинский форме начала 1900-х годов, это породило заблуждение, сохранившееся и по сей день.

Початок — возрождение, плодородие.

Почки — символ обновления жизни или потери молодой жизни, если на могиле ребенка.

Птица — душа, мир, посланница Бога. Чаще всего голубь.

Пшеница — символизирует урожай, обычно встречается на надгробиях стариков.

Р

Радуга — символ единства, исполнения обещания о возрождении.

Раковина — мудрость

Раковина — рождение и возрождение.

Растение вечнозеленое — вечная жизнь.

Ребенок спящий — викторианский символ смерти.

Рог изобилия — символ обильный, богатой жизни. Также символ урожая, который в свою очередь символизирует конец жизни.

Роза — красота.

Розмарин — память.

Рука, держащая сердце — символ независимого общества странных товарищей и масонов. Символ благотворительности.

Руки сцепленные — прощание с земной жизнью. Также единство. Часто символ масонов и независимого общества странных товарищей. Дебора, гость моего сайта, написала мне, что коренные американцы считают сцепленные ладони символом могилы делавэр.

Русалка — дуализм Христа (наполовину-Бог, наполовину-человек).

Рыба — символ христианства.

С

Светильник/лампа — бессмертие, мудрость, верность.

Свеча горящая — вечная жизнь.

Свеча потушенная — угасшая жизнь.

Свиток — символ Священного писания, жизни и времени. Замотанные концы указывают на жизнь, которая разворачивается как свиток неопределенной продолжительности, но прошлое и будущее скрыто. Часто изображается в руке, символизирующую жизнь, которую записывают ангелы. Также символ чести и празднования.

Сердце — преданность. Воплощение души. Иногда священное сердце Христа.

Серп и молот — эмблема коммунистического движения, символизирующая единство рабочих и крестьян.

Скарабей — египетский символ самотворения. Также символ обновления жизни.

Скелет — скоротечность жизни.

Скелет с косой — олицетворение смерти.

Собака — верность, привязанность, бдительность и защита.

Сова — мудрость, зоркость.

Солдат на коне — солдатская могила. Если лошадь стоит на дыбах, значит человек, скорее всего, погиб в битве. Если же у лошади поднята одна нога, то, скорее всего, человек скончался от полученных ранений. Если же лошадь упирается в землю всеми ногами, то человек умер по естественным причинам.

Солнечный диск к крыльями — египетский символ путешествия солнце и духовный атрибут небес. Дерек Р., посетитель сайта, прислал мне следующую информацию об этом символе:

«Это зороастрийский символ символизирует множество вещей. В целом, душу без физической формы. Также это символ божественной силы. Если из диска поднимаются человеческие фигуры, то это бог или умерший. Человеческая фигура, как правило, окружена символами мудрости. Три ряда перьев символизируют добрые слова, добрые мысли и добрые дела. Если есть хвост, то тоже тройной, как символ дурных поступков, дурных мыслей и дурных слов. Если хвост расположен ниже фигуры, то умерший смог возвысится

над своими грехами. Если есть две ленты, ноги или змеи, то они представляют собой дух добра и дух зла с человеческой душой по середине, которой постоянно приходится выбирать между ними».

Солнце — восход души на Небеса.

Сосна — бессмертие.

Ствол дерева или пень — обычно используется на могилах членов общества «Мира дровосеков». Кроме того, обычно встречается с другими символами, такими как якорь, лилии, виноградные лозы и т. д. Сломанные ветки на дереве символизируют оборванную жизнь.

Столетник — символизирует бессмертие, вечную жизнь.

Стрекоза — бессмертие и исцеление.

Стрела — символ смертности и мученичества.

Стул пустой — обычно символизирует смерть ребенка.

Ступка и пестик — обычно встречается на могилах фармацевтов, иногда врачей.

Сфинкс — стражник; олицетворение силы и защиты.

Т

Треугольник — истина, равенство и Троица.

Треугольник с квадратом, лопатой и ключами — символ йоркского устава масонов.

Треугольник с тремя Т в центре (Тройное Tau) — символ королевской арки (одной из масонских степеней).

Треугольник со звездой в центре — символ «Ордена сынов воздержания», организации за трезвость (сторонников воздержания или полного запрета алкоголя). Обычно изображается вместе с девизом: «Любовь, чистота, верность».

Трикветр — три взаимосвязанных кругов или треугольника. Символ святой Троицы, вечности.

Трубач — вестник воскресения.

Туфли — пустые туфли символизируют потерю ребенка. Обычно один туфель перевернут.

Тыква — избавление от печали.

Тюльпан — символ любви и страсти. Мария, посетительница сайта, прислала мне следующую информацию:

«Я просто хотела отметить, что тюльпан как очень особенный символ, потому что на языке цветов он символизирует любовь самой страстной преданности и безоружной ранимости. Тюльпан редко цветет, потому что оно продолжает расти после того, как его срежут».

У

Узел — символизирует брак и единство.

Улей — чаще всего символ масонов и независимого общества странных товарищей. Символизирует индустриализацию, церковное образование и семейные ценности.

Урна — душа.

Урна в пламени — неумирающая память.

Урна расколотая — старость; задрапированная — горе.

Ф

Факел — вечная жизнь, если изображён прямо, смерть — если потушен.

Фиалка — символ смирения.

Флаг — изображается на могилах ветеранов.

Флер де лис — вера, мудрость и отвага.

Фрукт — вечное изобилие.

Х

Херувим — божественная мудрость или справедливость.

Хризалида (куколка) — трансформация на пути к загробной жизни.

Х.Р — буквы Х и Р, наложенные друг на друга. Один из древнейших символ христианства. ХР — первые две буквы в греческом написании имени Христа.

Ц

Цдака, коробка-копилка — праведность, ибо написано «... творя правду и суд» (Бытие 18:19) и «соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва» (Притчи 21:3).

Цепь со сломанными звеньями — смерть супруга/супруги.

Циркуль-измеритель и чертежный треугольник — обычно изображается с буквой «G» по середине. Можно увидеть на могилах масонов.

Ч

Часы — смертность, смерть; символ скоротечности времени.

Часы песочные — время и его скоротечность. Ход времени.

Часы песочные с крыльями — символ скоротечности жизни, смертности. Был распространен в конце XVII — начале-середине XVIII вв.

Человек с песочными часами и косой — отец-время. Пожилой мужчина с бородой, держащий песочные часы и/или косу.

Череп — смерть и смертность. Череп с крыльями символизирует вознесение на Небо.

Череп и скрещенные кости — смертность, смерть.

Череп с крыльями — символ улетевшей души из земной оболочки.

Чертополох — чертополох представляют земные печали. Кроме того, шипы на чертополохе символизируют терновый венец и страсти Христовы. Вдобавок он встречается на многих шотландских надгробиях.

Четки — почти всегда встречаются на католических надгробиях. Символизируют благоговение Марии и постоянная молитва за умершего.

Ш

Шатер — символ, используемый независимого заказа нечетных товарищей. Палатка символизирует их становища, которой три ступени перед достижением самой высокой.

Ши-тцу — стражи Будды.

Я

Яблоко — спасение, иногда грех.

Ягненок — невинность. Чаще всего изображается на могилах детей.

Яйцо — исцеление.

Якорь — непоколебимая надежда. Надежда или вечная жизнь. Часто встречается на могилах моряков. Якорь также является масонским символом разумной надежды, поэтому его находят на могилах масонов.

Якорь двойной с щитом — эмблема береговой охраны США.

Якорь с цепью или веревкой — эмблема ВМС США.

Якорь со скрещенными пушками — символ военно-морского флота Конфедеративных Штатов.

Ятаган с розой и полумесяцем — дочери Нила.

Американские организации

A.O.U.W (Д.О.О.Р.) — «Древнее общество объединенных рабочих», общество взаимной помощи.

A.R. (A.P.) — «Арбейтер ринг», общество американских евреев, основанное на идеях социальной справедливости. Ныне является частью «Круга рабочих».

American Legion (Американский легион) — размещается на могилах членов «Американского легиона», организации для ветеранов.

B.P.O.E. с лосем — благотворительное общество по охране лосей.

BRT с поездом — «Братство железнодорожников». Организация для проводников на железной дороге.

Colonial Daughters of the 17th Century (Дочери «колоний» 17 века) — организация для женщин, потомков солдат, участвующих в Колониальных войнах 1607–1699 гг.

D of P — ступень Покахонтас (иногда встречается на могилах «Дочерей Покахонтас»), основанной в 1885 году. Женское звено патриотической организации «Совершенного общества красных».

D.A.R. — «Дочери американской революции», некоммерческая женская организация для потомков ветеранов войны за независимость США.

F of A — «Лесники Америки», общество, основанное в 1895 году, для страхования жизни и здоровья своих членов. Как правило, используют символы орла, скрещенных флагов и оленя. Их девиз: «Свобода, единство, великодушие и мир».

F.A.T.A.L. с пятиконечной звездой — девиз «Общества восточной звезды»: «Честнее многих тысяч, прекрасные в своем единстве».

FCB со щитом и доспехами — символ общества «Рыцарей Пифии». Выступают за

дружбу, благотворительность и гуманизм.

FCL — девиз «Женской корпорации утешения». Их девиз: «Сестринство, милосердие и верность».

FLT в звеньях цепи — символ независимого общества странных товарищей. Их девиз: «Дружба, любовь, истина»

GAR — Великая армия Республики. Организация для мужчин, которые сражались и с почестями покинули армии Союза во времена Гражданской войны.

ЮМ — «Независимый орден механики». Братство, основанное в 1868 году. Их символы — лестница Иакова и ковчег.

Jausees — «Младшая» торговая палата США. Некоммерческая организация для людей в возрасте от 18 до 41, дающая необходимые инструменты на пути к успеху в области развития бизнеса, обретения управленческих навыков, индивидуального обучения, общественных работ и международных связей.

Jr. OUAM — Младшее общество американских механики. Старейшее братство, по-прежнему активное в Соединенных Штатах. Основано в Филадельфии, штат Пенсильвания, в 1853 году.

K of C — католическая организация «Рыцари Колумба».

KOTM — братство «Рыцари Макавеи».

L.A. to V.R.T. — женское ответвление братства железнодорожников.

MWA — «Современные лесорубы Америки». Первоначальное название организации «Лесорубов мира».

OES, пятиконечная звезда — «Орден Восточной звезды», самый большой орден в мире, в который могут вступать как мужчины, так и женщины. Женщина должна быть связана кровью или браком с масоном, чтобы стать членом ОВЗ, а мужчина — присоединиться к обществу.

OSC — «Орден шотландских кланов». Братство и благотворительное общество основанное в 1878 году. Предоставляет страхование жизни и инвалидности для шотландских иммигрантов и их потомков. Стали частью «Независимого общества лесничих» в 1971 году.

P of H — «Покровители Земледелия», известные также как национальная ассоциация фермеров. Сельскохозяйственное общество.

P.A.P. с лосем — братство «Верное общество лосей» (LOOM). P.A.P. означает их девиз: «Чистота, помощь и прогресс».

PLEF иногда с короной и щитом — символ общества «Сестер Пифии». PLEF означает их девиз: «Чистота, любовь, равенство и верность».

R.N.A. — «Королевские соседи Америки». Некоммерческая организация, членам которой предлагают страхование жизни, финансовую ренту и медицинское обслуживание для женщин. Первая встреча состоялась в Каунсил-Блафсе, Айова, в январе 1892. Организация была официально сформирована 21 марта 1895 года. По-прежнему действует.

Saint Aldemar Commandery — организация рыцарей-тамплиеров. Масоны.

S.A.R. (Сыны Американской революции) — общество, основанное в 1889 для мужчин-потомков ветеранов Американской революции.

SV — «Сыновья ветеранов Соединенных Штатов Америки», группа образована в 1881 году. Они изменили свое название на «Сыновей ветеранов Союза Гражданской войны» в 1925 году.

T.R.H. — «Королевские горцы», страховая организация, образованная в 1896 г. в

Авроре, штат Небраска. Часто встречается с буквами P.F.V., их девизом: «Благоразумие, верность и доблесть».

The Canadian Legion of British Empire Service League (Канадский легион военной лиги Британской империи) — канадская организация, основанная в 1920 годах, для ветеранов войны и их потомков. Часто изображается с кленовым листом.

U.O.A. Druids — «Объединённое братство древних друидов».

UVL — Лига ветеранов Союза, организации для ветеранов Союза гражданской войны.

W.R.C. — «Женской корпорации утешения». Женское отделение «Великой армии Республики».

WBA — женская ассоциация взаимного страхования, женский клуб по страхованию жизни. Часть «Ордена Макавеев».

WC — круг дровосеков, женский аналог «Дровосеков мира».

Woodmen Circle — женское отделение «Дровосеков мира»

Woodmen of the World — встречается на могилах страхового общества «Дровосеков мира».

Источники:

GraveAddicKon.com

GravestoneStudies.org

TheCemeteryClub.com

NABGG.org

Rootsweb.Ancenstry.com

notes

Примечания

1

Испанский мох, или тиллэндсия уснеевидная — длинное растение с серо-зелёными или серо-голубыми прядями, опоясывающее стволы и кроны крупных деревьев (обычно кипарисов и старых американских дубов), напоминает своим цветом лишайник или мох. Именно это растение придаёт американскому сельскому пейзажу необычный, почти мистический вид, особенно в лунную туманную ночь.

2

Низина или Низменность — побережье вдоль юго-восточной части штата Южная Каролина. Находится на Приатлантической низменности.

3

Пекановый пирог — пирог из сладкого заварного крема, готовится преимущественно из кукурузного сиропа или патоки с орехами — пекан. Обычно в блюдо добавляют в качестве вкусовых добавок соль и ваниль, а иногда также шоколад и виски. Пирог впервые начали готовить французские колонисты в Новом Орлеане, когда они узнали про орех от индейцев, из-за чего сейчас блюдо часто ассоциируется с южными штатами США.

4

Батарея — чарльстонская набережная и волнолом, известная своими историческими постройками XIX в. Набережная простирается вдоль низких берегов чарльстонского полуострова, расположенного между устьями рек Эшли и Купера.

5

Белый сад — парк, расположенный у Батареи, знаменит своими развесистыми дубами. Здесь находится площадка для выступлений, несколько мемориалов и артиллерия, часть которой использовалась во время гражданской войны. На заметку: в оригинале писательница назвала место во множественном числе (сады). Оказывается, это довольно распространенная ошибка.

6

Трахелоспермум, или конфедеративный жасмин, или звездчатый жасмин — растение, не принадлежащее роду жасминов, хотя его белые цветки и сладкий аромат очень напоминают этот цветок. Прозвища растения пошли от формы его цветков, напоминающих маленькие звездочки. Распространено на юге США... и Восточной Азии.

7

Форт Самтер расположен на небольшом острове в гавани Чарльстона. Построен в 1812 году, как одно из серии укреплений южного побережья США. Форт знаменит тем, что именно с нападения южан на форт 12 апреля 1861 года началась гражданская война в США. Уже 14 апреля командующий фортом майор Роберт Андерсон под натиском врагов был вынужден сдать крепость.

8

В американских криминальных сериалах фраза «где покойник зарыт» часто относится к убийце. Говорят: «Уж убийца-то знает, где покойник зарыт, только нам не скажет». Также фраза соответствует смыслу «знать обо всех скелетах в шкафу».

9

Кладбище-парк — стиль кладбища, характерный для Англии и Америки 18–19 вв. Кладбище-парк представляет собой огромный парк, где ничто не должно отвлекать от

созерцания природы. Чаще всего кладбище располагалось на холме.

10

Кудзу, или пуэрария представляет собой лазающее лианообразное растение, похожее на вьюн или скорее плющ с густой кроной, которая полностью увивает попавшиеся ей предметы (деревья, кустарники, заброшенные дома и т. д.) в радиусе до 100 метров. Лианы также любят увивать неровные поверхности рельефа.

11

Королева ночи, или ночной жасмин — прозвище цеструма. Происхождение: тропики Америки и Западная Индия. Это прекрасное растение, цветки которого раскрываются ночью и источают сильный сладкий аромат, занимает почетное место во многих культурах мира. Невзрачные зеленовато-белые цветы — вероятно, наиболее сильно пахнущие цветы в мире.

12

Голубой хребет — цепь горных хребтов и массивов на востоке США, вдоль юго-восточной окраины Аппалачей. Протяжённость гор составляет более 1000 км. Наиболее высокая вершина — гора Митчелл (2037 м).

13

Насчет диалекта гугенотов. Имеется в виду диалект нидерландского языка — африкаанс. Образовался в результате смешения языков колонистов. Также это второй государственный язык ЮАР (последствие европейской колонизации).

14

Луноцвет — прекрасная и загадочная многолетняя лиана высотой более 3 м, которая в нашей стране выращивается как летник. У нее эффектные белые шелковистые цветы диаметром до 14 см, распускающиеся в сумерках и всю ночь наполняют сад изысканным тропическим ароматом. Цветки раскрываются очень быстро — буквально на глазах. После восхода солнца цветки увядают, только в пасмурную погоду они могут быть открытыми весь день. За цветение под луной луноцвет и получил свое название, а еще это растение называют ипомеей лунноцветущей.

Ипомея трёхцветная, или ипомея красно-голубая, в народе «голубая ипомея». Родина его — тропическая Америка. Это однолетняя лиана высотой до 5 м с очень крупными (до 10 см в диаметре) цветками-граммофонами небесно-голубого цвета. Ипомею заслуженно можно окрестить вестником нового дня, ибо каждый цветок раскрывается рано утром, а после обеда закрывается.

15

Юкка — растение, напоминающее маленькую пальмочку, хотя на самом деле относящееся к семейству Агавовые. На вершине достаточно толстого ствола возвышается один или несколько султанов широколанцевидных ремневидных листьев. Их длина может достигать 30–75 см, а ширина составлять 5–8 см. Растут юкки в засушливых районах США и Мексики, поэтому это достаточно выносливое растение.

16

Ромбический гремучник — самая крупная из гремучих змей. Длина его обычно составляет 1,8 м, но известны экземпляры длиной 2,4 м. Вдоль спины расположена цепочка темно-бурых ромбов, обведенных светло-желтой каймой. Ромбический гремучник обитает по всей Флориде и вдоль побережья, проникает на север до мыса Гаттерас, а на запад — до Нового Орлеана. Он встречается в различных местах — в лесах, кустарниковых зарослях, на вырубках, по берегам водоемов.

17

Спаркс (Sparks) переводится с английского как искра, вспышка.

18

Лисохвост — род многолетних и однолетних трав семейства злаков. Представляет собой травянистое кормовое растение с соцветием метелкой.

19

Героиня детской книжной серии «Поллианна» американской писательницы Элеанор Портер. Классическая ролевая модель для девочек (добрая, отзывчивая, наивная).

20

Аллюзия на фильм «Степфордские жены». Фильм об «идеальном» городке с идеальными женами, которые всегда все успевают, никогда не злятся на детей и мужа. Только вот за красочным фасадом скрывается жуткая правда.

21

Методизм — одна из разновидностей протестантизма. Основатель учения М. Уэсли выступал против предопределения, учил о всеобщем, свободном, полном и достоверном спасении. Он смягчил учение Лютера и особенно Кальвина о всеобщей греховности людей, отдав дань гуманизму Просвещения, утверждал, что человек при грехопадении, утратив праведность, не утратил божественного образа, разума и свободы воли и способен в результате долгой борьбы со своими греховными склонностями достичь безгрешного состояния. М. свойственно учение о вере как деятельном процессе преобразования человека.

22

Рисовый берег или Наветренный берег — фактически регион Сьерра-Леоне. Получил название Рисовый, так как местные жители издревле занимались выращиванием особой разновидности африканского риса. За свои познания в сельском хозяйстве, строительстве дамб и орошении они особенно ценились в качестве живого товара в годы рабства.

23

Турнюр — модное в 1870-1880-х годах приспособление в виде подушечки, которая подкладывалась дамами сзади под платье ниже талии для придания пышности фигуре.

24

Подземная или подпольная железная дорога — обозначение тайной системы, применявшейся в США для организации побегов и переброски негров-рабов из рабовладельческих штатов Юга на Север. Действовала вплоть до начала гражданской войны в США в 1861 году.

25

Скрытые раздвижные двери — сдвижная система, при которой дверь при открывании плавно перемещается внутрь стены.

26

Джон Колдвелл Кэлхун (18 марта 1782 — 31 марта 1850) — один из наиболее влиятельных политиков в истории США, главный идеолог рабовладельческой политики южных штатов и лоббист их интересов в федеральном правительстве.

27

Анонимайзер — онлайн-прокси, предоставляющий доступ к интересующему ресурсу. Анонимайзер решает две задачи: скрывает ip-адреса посетителя и позволяет находиться на любимых сайтах, даже если админ закрыл доступ.

28

29

Полтора метра.

30

Шесть метров.

31

Рост — 176 см. Вес — 54 кг.

32

Дарджилинг — чай, выращенный в окрестностях одноименного города в северной

горной части Индии. Дарджилинг иногда называют «чайным шампанским». Он традиционно ценится выше прочих чёрных чаёв. При правильном его заваривании получается светлый напиток с утончённым мускатным, слегка терпким вкусом и цветочным ароматом.

33

Медицинский университет Южной Каролины (МУЮК) — частный медицинский колледж в городе Чарльстон. Один из старейших высших учебных заведений в США и старейший на Юге (открыт в 1842 г.).

34

Отсылка на одноименный фильм Герберта Росса, снятый в 1989 г. Это удивительная история жизни шести женщин из маленького городка в штате Луизиана, которые пронесли свою трогательную дружбу сквозь годы.

35

Стиль королевы Анны — самый сложный из всех викторианских стилей. Здания украшены многочисленными башенками, фасады декорированы резьбой, скульптурами, ковкой, цветом, резными консолями, портиками асимметричных форм и другими причудливыми деталями.

36

Около 177,8 см.

37

Пястные кости — пять коротких трубчатых костей кисти, отходящих в виде лучей от запястья.

38

Английское название школы Westbury, отсюда и W на спортивной куртке.

39

Американский ремесленный стиль — стиль архитектуры, зародившийся в конце XIX в. Целью данного движения было сближение искусства и ремесла. Оно имело широкую популярность вплоть до 1930 г.

40

Информация взята с сайтов <http://www.graveaddiction.com/symbol.html> и <http://amandastevens.com> (раздел блогов). С фотографиями многих символов, сделанных лично автором, также можно ознакомиться на сайте: <https://www.worldselena.ru>.

41

Про крест Святого Петра указана сомнительная информация. Крест Святого Петра не является православным и представляет собой перевернутый крест. Крест с тремя (!) прямыми и одной кривой перекладиной переводчик не нашел.